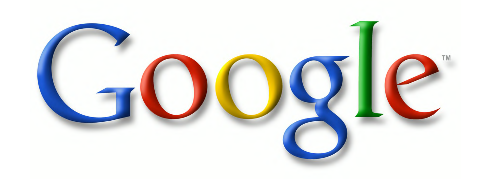

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакціею Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣленія

В. И. Ламанскаго

Секретаря Отдѣленія **Ѳ. И. Щербатскаго** и помощника редактора члена-сотрудника **Н. Н. Виноградова.**

Выпускъ IV **Годъ XV**

1906

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1906.

ОТДѢЛЪ I.

Городецкій Музей,

Волынской губерніи, бар. Ф. Р. Штейнгель.

26 сентября текущаго года исполнилось десять лѣтъ существованія областного музея, основаннаго въ 1896 г. бар. Ф. Р. Штейнгель въ с. Городкѣ Ровенскаго уѣзда. Небольшое сельцо Городокъ находится въ 8 верстахъ отъ Ровно, недалеко отъ полустанка Обаровъ по желѣзной дорогѣ изъ Ровно въ Брестъ. На берегу обширнаго пруда, въ яркой зелени садовъ и огородовъ, бѣлѣютъ крестьянскіе домики. Посреди пруда есть значительныхъ размѣровъ островъ, на которомъ стоитъ оригинальной архитектуры „замокъ" и примыкающая непосредственно къ нему церковь. Когда-то этотъ дворецъ былъ монастыремъ и въ немъ жили монахи. Поселеніе Городокъ по архивнымъ даннымъ извѣстно съ 15-го столѣтія и принадлежало князьямъ Зборажскимъ.

Съ тѣхъ поръ городецкій замокъ переходилъ изъ рукъ въ руки; въ началѣ 16-го столѣтія онъ принадлежалъ Кіево-Печерскому монастырю. Съ 1730 г. Городокъ поступилъ во владѣніе уніатскаго митрополита Афанасія Шептицкаго, который выстроилъ въ 1740 г. каменную уніатскую церковь, существующую и въ настоящее время. (На хорахъ этой церкви сохранился прекрасно исполненный портретъ Аф. Шептицкаго въ бѣломъ митрополичьемъ платьѣ). Съ 1764 г., когда были уничтожены имѣнія уніатскаго духовенства, Городокъ былъ подаренъ Императрицей Екатериной II графу Валентину Эстергази. Наконецъ, это имѣніе было куплено барономъ Р. Штейнгель, отцомъ нынѣшняго владѣльца. Въ настоящее время Городокъ замѣчателенъ музеемъ.

Сочувствуя идеѣ областныхъ музеевъ, учредитель имѣлъ цѣлью объединить разнородный матеріалъ, касающійся археологіи, исторіи и этнографіи Волыни.

„На Волыни, столь богатой историческимъ прошлымъ, — пишетъ въ первомъ „отчетѣ“ завѣдующій Городецкимъ Музеемъ Н. Ф, Бѣляшевскій, съ такимъ разнообразіемъ природы и народнаго быта, давно чувствовалась потребность въ учрежденіи, гдѣ бы сосредоточивались матеріалы, такъ или иначе характеризующіе различныя стороны жизни края. Учрежденіями, наиболѣе соотвѣтствующими такимъ цѣлямъ, являются областные музеи; конечно, устройство такихъ музеевъ скорѣе всего по силамъ какому-либо общественному учрежденію, но и частныя попытки въ этомъ направленіи заслуживаютъ полнаго вниманія, и онѣ, при серьезной постановкѣ, могутъ принести извѣстную долю пользы“.

Положивъ основаніе Городецкому Музею, бар. Штейнгель обезпечилъ содержаніе его опредѣленной ежегодной суммой и, заботясь о дальнѣйшей судьбѣ его, сдѣлалъ распоряженіе, что въ случаѣ невозможности или нежеланія вести дальше это дѣло имъ или его наслѣдниками, музей переходитъ безвозмездно въ собственность какого-либо общественнаго учрежденія.

Музей распадается на слѣдующіе отдѣлы:

Естественный отдѣлъ, куда вошли коллекціи по геологіи, минералогіи, палеонтологіи, флорѣ и фаунѣ Волынской губерніи.

Географическій отдѣлъ, куда вошли карты, планы, виды мѣстностей и т. п.; имѣются интересные старые планы— матеріалъ, безслѣдно исчезающій, несмотря на всю его важность. Но главное содержаніе этого отдѣла заключается въ „Сборникахъ историко-географическихъ матеріаловъ по Волынской губерніи“, составляемыхъ слѣдующимъ образомъ: для каждаго населеннаго пункта или другой опредѣленной мѣстности заводится отдѣльная папка, куда собираются разнородные матеріалы, относящіеся къ данной мѣстности,—древніе и новые акты или копіи ихъ, описанія, этнографическія наблюденія, планы, виды, типы населенія разныхъ сословій, свѣдѣнія о памятникахъ старины, статистическія данныя, корреспонденціи изъ газетъ и т. п. Въ этотъ отдѣлъ включаются также и принадлежащіе музею негативы фотографій.

Антропологическій отдѣлъ, куда вошли матеріалы, касающіеся физической стороны какъ прежняго, такъ и современнаго населенія Волынской губерніи.

Археологическій отдѣлъ, куда вошли предметы доисторической и исторической археологіи. Волынь очень богата памятниками доисторической старины, и въ музеѣ собрано

много интереснѣйшихъ образцовъ памятниковъ этого рода изъ различныхъ частей Волынской губ. Что касается исторической археологіи, то здѣсь вниманіе обращено, главнымъ образомъ, на предметы, служившіе въ народномъ быту. Въ этотъ отдѣлъ вошли сфрагистика и нумизматика; послѣдняя составляется исключительно изъ монетъ, найденныхъ на территоріи Волынской губерніи. Нашли себѣ мѣсто въ этомъ отдѣлѣ и архитектурные памятники, какъ напр., образцы строительныхъ матеріаловъ разныхъ эпохъ.

Этнографическій отдѣлъ, посвященъ главнымъ образомъ матеріальной сторонѣ народной жизни; сторона эта въ послѣднее время подвергается сильнымъ измѣненіямъ, поэтому въ музеѣ сохраняются, на ряду съ современными предметами, остатки прежняго, исчезающіе съ каждымъ днемъ.

Библіотека музея раздѣляется на три части: рукописи, старопечатныя книги и книги позднѣйшаго времени. Въ отдѣленіе рукописей входятъ: древніе и новые акты, копіи ихъ, записки, воспоминанія, бумаги, оставшіяся послѣ лицъ, работавшихъ на Волыни или для Волыни, частная переписка лицъ разныхъ слоевъ общества, и т. п. Въ отдѣленіе старопечатныхъ книгъ вошли книги, напечатанныя на Волыни до начала настоящаго столѣтія. Въ отдѣленіе книгъ позднѣйшаго времени вошли книги, брошюры и періодическія изданія, спеціально касающіяся Волыни; кромѣ того, въ это отдѣленіе вошли и различнаго рода мелкія произведенія печати, какъ напр., афиши и объявленія; произведенія этого рода обыкновенно послѣ выхода въ свѣтъ очень быстро исчезаютъ, а между тѣмъ и онѣ представляютъ извѣстный интересъ.

Въ коллекціи музея рѣшено помѣщать только тѣ предметы, происхожденіе которыхъ точно извѣстно.

По мѣрѣ накопленія матеріала печатается „отчетъ“ о дѣятельности Музея, который по требованію высылается всѣмъ интересующимся.

Устройство музея съ такой обширной программой, какъ вышеприведенная, не подъ силу единичнымъ лицамъ; для того, чтобы музей развивался какъ слѣдуетъ, необходимо сочувствіе и содѣйствіе общества; нужно замѣтить, что въ теченіе десятилѣтняго существованія, музей пользовался живымъ сочувствіемъ общества, которое не замедлило поддержать это просвѣтительное учрежденіе пожертвованіями разныхъ предметовъ, посѣщеніемъ музея, научными запросами и т. д.

Собранными въ музеѣ коллекціями, матеріалами и библіо-

текой пользовались, между прочимъ, слѣдующія лица: гр. П. С. Уварова, интересовавшаяся хранящимися въ музеѣ фотографіями со старинныхъ памятниковъ церковнаго зодчества; В. А. Мошковъ, пользовавшійся собранными матеріалами по духовной и матеріальной этнографіи; Я. В. Яроцкій воспользовался матеріаломъ и документами для напечатанія нѣсколькихъ историческихъ очерковъ; пишущій эти строки пользовался снимками съ негативовъ музея для очерковъ: „Край Тараса Бульбы" и „По Волынскому Полѣсью". Этнографическій матеріалъ музея отчасти использованъ нами въ статьѣ „Записки о Волыни", которая была прочитана въ засѣданіи Импер. Русскаго Географическаго Общества 1 декабря с. г. Членъ-сотрудникъ Геологическаго Комитета П. А. Тутковскій, при составленіи югозападной части 16-го листа общей десятиверстной карты Европейской Россіи, пользовался библіотекой музея.

Изъ лицъ, много собиравшихъ и пожертвовавшихъ музею различныя коллекціи, необходимо упомянуть предсѣдателя съѣзда мировыхъ посредниковъ въ Ковелѣ Е. А. Карвасовскаго.

Музей пополнялся и расширялся съ каждымъ годомъ, благодаря, главнымъ образомъ, энергіи учредителя Ѳ. Р. Штейнгель и завѣдующаго Н. Ф. Бѣляшевскаго.

Съ цѣлью пріобрѣтенія этнографическихъ и археологическихъ коллекцій, въ 1899 г. и 1900 г. основателемъ Музея были организованы двѣ продолжительныя экскурсіи по Волыни. Музеемъ было приглашено нѣсколько лицъ, которыя, каждый по своей спеціальности, брали на себя какую-либо отрасль и въ свою очередь приглашали себѣ помощниковъ, образуя нѣсколько секцій.

Въ послѣднемъ „отчетѣ" Городецкаго Музея находимъ слѣдующія подробности объ организаціи и работахъ названныхъ экскурсій.

За нѣкоторое время до экскурсіи составлялся сообща маршрутъ и члены экскурсіи знакомились по существующимъ источникамъ съ тѣми мѣстностями, черезъ которыя предполагалось пройти. Самая поѣздка совершалась изъ одного условленнаго пункта на возахъ. Характеръ этихъ экскурсій былъ скорѣе всего развѣдочный, такъ какъ непродолжительность ихъ при довольно длинномъ пути не позволяла относительно „изучать" проходимую мѣстность, тѣмъ не менѣе, благодаря экскурсіямъ удалось собрать довольно много интереснаго матеріала, и въ Музей послѣ экскурсіи поступало много новыхъ номеровъ. Первая экскурсія была совершена лѣтомъ 1899 г.; въ ней при-

нимали участіе слѣдующія лица: баронъ Ф. Р. Штейнгель, Е. И. Корниловичъ (археологія); В. А. Мошковъ, Ю. В. Жалковскій, С. В. Аникинъ, А. Фельдманъ (этнографія); баронъ Д. К. Врангель, М. А. Голополосовъ, Ю. В. Мошкова (ботаника); А. К. Мордвилко, Н. А. Мошковъ (зоологія) и пишущій эти строки.

Экскурсія прошла и изслѣдовала слѣдующія мѣстности: въ Ровенскомъ уѣздѣ — с. Бѣлевъ, с. Новый Жуковъ, м. Клевань, м. Деражно, м. Степань, д. К орость, с. Кречильскъ, с. Немовичи, м. Домбровичи, м. Высоцкъ; въ Луцкомъ уѣздѣ— с. Городецъ, с. Большіе Цепцевичи, м. Бережницу, д. Куражъ, д. Орваницу, с. Берестъ, с. Селецъ, с. Лютинскъ, д. Орваницу, с. Берестъ, д. Рѣчицу и д. Удрицкъ. Экскурсія продолжалась 14 дней. Результаты экскурсіи: 1) раскопано 15 кургановъ у с. Паресопницы, д. Коростн, с. Городца, д. Теклювки; 2) сняты глазомѣрные планы городищъ: при с. Бѣлевѣ, с. Городцѣ, с. Кречильскѣ и при м. Степани; 3) произведены пробныя раскопки городищъ: при с. Бѣлевѣ, с. Кречильскѣ, с. Новомъ Жуковѣ; 4) открыты стоянки каменнаго вѣка неолитической эпохи на лѣвомъ берегу Горыни у м. Высоцка и при раскопкѣ кургановъ у. д. Коростн; 5) на всемъ пути слѣдованія экскурсіи всѣми секціями снимались фотографіи мѣстностей, памятниковъ старины, типовъ мѣстныхъ жителей, уличныхъ сценъ и проч., всего въ музей поступило негативовъ 75; 6) собранъ матеріалъ по матеріальной и духовной этнографіи и 7) собраны коллекціи насѣкомыхъ и растеній.

Вторая экскурсія совершена лѣтомъ 1900 г.; участвовали въ экскурсіи слѣдующія лица: А. А. Матвѣевъ, Я. В. Яроцкій, А. Я. Яроцкая, В. В. Нейкирхъ (исторія); баронъ Ф. Р. Штейнгель, Е. И. Корниловичъ, Н. К. Рексъ (археологія); В. А. Мошковъ и И. Х. Боговскій (этнографія); А. В. Думанскій и Ю. В. Мошкова (ботаника); Д. В. Мошковъ (зоологія) и пишущій эти строки. Экскурсанты доѣхали по желѣзной дорогѣ до Житомира, а оттуда отправились далѣе на возахъ; пройдены и изслѣдованы слѣдующія мѣстности: въ Житомирскомъ уѣздѣ: Гоголевка, кол. Песчанка, с. Троковичи, д. Б. Горбаши, м. Черняховъ, кол. Андреевъ, с. Топорище, с. Селецъ, с. Каменный Бродъ, д. Рудня Боровая, д. Ковали, урочище Веселовка, кол. Лѣсовщина, м. Ушоміръ, д. Ушица, с. Бѣлка, д. Баскаки, с. Бараши; въ Овручскомъ уѣздѣ— с. Могильно, м. Искорость, д. Шатрищи, д. Немеровка, с. Ходаки, с. Татарновичи, с. Сарновичи, хут. Тартакъ, с. Закусилы,

д. Селецъ, м. Народичи, с. Ласки, с. Кацовщизна, с. Раковщина, д. Яцковичи, г. Овручъ, с. Шоломки, д. Жуки, с. Збранки, д. Бондары, д. Папирня, м. Норинскъ, м. Веледники, д. Мощаницы, д. Полчь, м. Лугины, д. Литки; въ Новоградъ-Волынскомъ уѣздѣ—с. Андреевичи, г. Новоградъ-Волынскъ, с. Пилиповичи, с. Дѣдовичи, м. Корецъ. Во время этой экскурсіи, длившейся около мѣсяца, были, между прочимъ, осмотрѣны и изслѣдованы интереснѣйшія стоянки неолитической эпохи каменнаго вѣка на правомъ берегу р. Норина, около м-чка Норинска, с. Збранокъ, и д. Рудни-Папирни; на этихъ стоянкахъ найдено много каменныхъ орудій и черепковъ первобытной посуды. Нѣкоторые предметы изъ стоянокъ пріобрѣтены также у аптекаря Дубинскаго въ г. Овручѣ, торгующаго древностями, а также у самоучки-археолога крестьянина Ивана Кныша, постоянно занимающагося собираніемъ первобытныхъ древностей и поддерживающаго сношенія съ нѣкоторыми кіевскими профессорами [1]). Всего въ этотъ разъ поступило въ музей около 250 предметовъ: кремневыхъ ножей, кремневыхъ топоровъ, долотъ, кривыхъ ножей-пилъ, топоровъ-молотовъ, наконечниковъ копій, стрѣлъ, отбойниковъ, скребковъ и т. д. Кургановъ въ эту экскурсію раскопано 21.

Въ настоящее время музей занимаетъ пять большихъ комнатъ и содержитъ весьма цѣнныя коллекціи. Мы не имѣемъ возможности въ настоящей краткой замѣткѣ подробно описать коллекціи Музея; интересующимся спеціалистамъ рекомендуемъ ознакомиться съ тремя подробными каталогами музея, вышедшими въ разное время [2]).

Особенной полнотой отличается археологическій отдѣлъ, чему не мало способствовало нахожденіе въ самомъ Городкѣ цѣлаго ряда стоянокъ и мастерскихъ каменнаго вѣка, давшихъ много интересныхъ и разнообразныхъ предметовъ первобытной культуры.

Ив. С. Абрамовъ.

---

[1]) Подробный отчетъ объ археологической экскурсіи см. въ статьѣ бар. Ф. Р. Штейнгель—„Раскопки кургановъ въ Волынской губ., произведенныя въ 1897—1900 гг.“, въ журналѣ „Археологическая лѣтопись Южной Россіи“ 1904 г. № 4—6, стр. 137—182.

Впечатлѣнія, вынесенныя изъ экскурсіи, дали пишущему эти строки матеріалъ для статьи: „По волынскимъ захолустьямъ“, помѣщенной во II выпускѣ „Живой Старины“ за 1906, а также для очерка „По Волынскому Полѣсью“ („Всходы“ Сентябрь—Октябрь 1906 г.). Въ „Лѣтопись Музея“ въ свое время нами были занесены нѣкоторыя подробности упомянутыхъ экскурсій.

[2]) 1898, 1899 и 1905 г.г.

Объ эпическихъ пріемахъ былины „Взята Казань“.

(Окончаніе).

Анализуя эпическій пріемъ—вѣщій сонъ, мы находимъ, что онъ состоитъ изъ соединенія нѣсколькихъ эпическихъ формъ. Схему его можно представить такъ:

А—Вѣщій сонъ:

а) образное представленіе будущаго,
б) объясненіе этого образа, которое иногда опускается въ пѣсняхъ, особенно если исполненіе сна описывается сейчасъ же.

Б—Исполненіе сна.

Исполненіе сна уже входитъ въ самую былину, представляющую развитіе образа, даннаго въ началѣ ея.

Что касается образности предсказанія:

Какъ отъ сильнаго Московскаго царства
Кабы сизой орлище встрепенулся,
Кабы грозная туча подымалась,
Что на наше вѣдь царство наплывала,

то она говоритъ о нашествіи грознаго великаго князя Московскаго „со старыми славными козаками“, какъ явствуетъ изъ слѣдующихъ за приведенными стиховъ.

Перейдемъ теперь къ отдѣльнымъ эпическимъ формамъ былины „Взята Казань“.

Кабы сизой орлище встрепенулся...
или по другому варіанту:

Вылетаётъ тамъ скоро ка-быть сизо̀й орёлъ,
Прилетѣлъ онъ а на крышу-ту все на царьскую,
Онъ вѣдь сталъ-то на крыши да всё полётывать,

Онъ во крышу-ту орлинымъ-то носомъ всё поклёвывать.
Ай выходить Семіонъ-отъ царь будто на улицю;
Приклёвалъ онъ у ево будто буйну голову,
Онъ выклёвывалъ у ево будто очи ясныя.

Генезисъ эпической формы—предсказаніе грядущихъ событій по птицамъ — лежитъ въ глубокой древности. Различныя вйды гаданій по птицамъ извѣстны и народамъ Востока и Запада. Духовные отцы долго и упорно, но почти безрезультатно боролись противъ подобныхъ гаданій и на Руси. Нравственныя воззрѣнія народа, органической частью которыхъ была вѣра въ предсказанія птицъ, не могли не отразиться въ его поэтическомъ творчествѣ, невыдѣленномъ еще изъ общей сферы духовной дѣятельности его, почему мы и встрѣчаемъ данную эпическую форму и у грековъ, и у римлянъ, у германцевъ, скандинавовъ... и у славянъ. Здѣсь мы не приводимъ примѣровъ, потому что ихъ достаточно дано выше [1]).

У Гомера орелъ является печальнымъ предвозвѣстникомъ роковыхъ событій для жениховъ Пенелопы:

ἐλθὼν δ' ἐξ ὄρεος μέγας αἰετὸς, ἀγκυλοχείλης
πᾶσι κατ' αὐχένας ἦξε καὶ ἔκτανεν· οἱ δὲ κέχυντο
ἀθρόοι ἐν μεγάροις [2])...

Въ пѣсняхъ древней Эдды употребляются постоянныя эпическія формы: „кормятъ орловъ", „лучше тебѣ попробовать боя да повеселить орловъ", „когда копьемъ кормилъ я орлиный родъ" и т. п. вмѣсто словъ — убить, сражаться.

Чтобы видѣть, насколько часты такія изреченія въ Эддѣ, довольно упомянуть, что всѣ вышеупомянутыя взяты нами только изъ двухъ пѣсенъ о Гельгѣ.

Въ пѣсняхъ о Нибелунгахъ (Nibelungenlied), напр., въ первой, говорится, что два *орла* забили дикаго сокола, котораго приручила Кримгильда (во снѣ). Роковое для нея предзнаменованіе: она лишится своего жениха.

Эпическій образъ орла не чуждъ и славянской поэзіи.

У Македонскихъ болгаръ поется:

Салъ си има студенъ каменъ,
На камену боланъ юнакъ,

[1]) Стр. 200—201.
[2]) Odyssee—XIX, 538—540.

Болан юнакъ армосанъ,
Го кълваетъ ц'рни орли.
Юнакъ имъ се милно моли:
Орли, орли, ц'рни орли!
Не кълвайте ц'рни очи,
Ц'рни очи десна рака...

. . . .

Оти оумре на туђина,
На туђина оу планина [1]).

Орелъ—любимый образъ и нашей эпической поэзіи; печальный, зловѣщій образъ: явленіе его несетъ смерть и гибель.

Въ русской народной поэзіи есть произведенія, съ яснымъ указаніемъ на ту основу, на которой зиждется таинственная связь, прочно спаявшая данный образъ и его значеніе.

Вотъ, напр., въ малорусской пѣснѣ поется, какъ истомленный долгимъ путемъ казакъ прилегъ отдохнуть на Савдръ-могилѣ;

Въ той часъ сизы орлы налетали,
Пильно въ очи казакови заглядали.
Казакъ тее забачае,
Словами промовляе:
„Орлы сизоперы,
Гости мои милы!
Прошу я васъ тогдѣ налетати,
Зъ лоба очи мене высмыкати,
Якъ не буду я свѣта Божого видати!"
То тее промовлявъ,
Зачасъ, за годину, милосердному Богу душу отдавъ.
Тогдѣ орлы налетали,
Зъ лоба очи высмыкали [2]).

Та же самая мысль, въ болѣе компактной формѣ, проведена и въ слѣдующей пѣснѣ:

Ой, у городи Могилевѣ орлы да гадюки
Ляцкимъ тѣломъ годуются, ляцкимъ тѣломъ радуются [3]).

Часто наблюдавшееся появленіе орловъ на полѣ битвы, на тру-

---

[1]) Верковић, нар. п. Македон. Буг. (женске п.) 332 стр.
[2]) Сбор. укр. п. (1849 г.), 22.
[3]) Украин. нар. п. (1834 г.), стр. 85.

пахъ создаетъ въ душѣ народа неразрывную ассоціацію смерти, гибели съ одной стороны и орла—съ другой.

Помимо этого въ сознаніи народа орелъ — кровожадная птица.

Орелъ на морѣ налетникъ:
Единажды въ годъ прилетаетъ,
А величку себѣ дань собираетъ—
По три головы да по четыре,
Иногда по цѣлому десятку,[1])

поется въ великорусскихъ пѣсняхъ.

Послѣднія ассоціаціи подкрѣпляютъ первыя и дѣлаютъ ихъ болѣе устойчивыми.

Постепенно при долгомъ употребленіи картина — образъ: орелъ на трупѣ переходитъ въ чистый поэтическій образъ: орелъ— смерть, гибель.

Однимъ изъ промежуточныхъ этаповъ въ развитіи этого образа является, напр., форма его, встрѣчающаяся въ „Словѣ о полку Игоревѣ“.

„Игорь къ Дону вои ведеть... орьли клектомь на кости звѣри зовуть“...[2])

Пѣвецъ Игоря пользуется данной картиной уже не какъ фотографіей обстановки, въ которой гибли „вои“ Игоря Святославовича, а какъ вѣщимъ образомъ, готовой краской для изображенія предстоящей печальной участи ихъ.

Эта эпическая форма особенно часто встрѣчается въ украинской поэзіи, какъ наиболѣе облюбованный народомъ художественный штрихъ при описаніи задушевнаго сюжета ея—одинокой смерти казака въ степи, гибели „війска казацкого“... пораженія врага—добычи казацкой.

Тоди-то по-надъ Бендерью орлы, сизы орлы налетали,
Казакамъ молодцамъ добычь казали[3]).

Нерѣдка она и въ великорусской поэзіи.

Если услышишь въ пѣснѣ про орла, предчувствуешь что-то недоброе: или кому-нибудь грозитъ смерть, или кто-нибудь убитъ.

---

[1]) Соболевскій—„Великор. нар. п. т. I, № 497.

[2]) Буслаевъ—„Рус. Христ.“—95 стр. Ср. Тихонравовъ.—„Сл. о П. И“.— 3 стр. Ср. Задонщина—190 стр.

[3]) Срезневскій—Запорожск. Стар. См. у Буслаева—„Очерки“, 222 стр.

Вотъ, напр., пѣсня открывается радостной, ласкающей душу картиной:

Ахъ ты, поле мое, поле чистое,
Ты раздолье мое широкое!
Ахъ, ты всѣмъ, поле, изукрашено,
И ты травушкой и муравушкой,
Ты цвѣточками—василечками...

Но въ этотъ жизнерадостный, веселый аккордъ диссонансомъ врывается слѣдующій миноръ:

Ты однимъ, поле, обезчещено:
Посреди тебя, поля чистаго,
Выросталъ тутъ частъ ракитовъ кустъ;
Что на кусточкѣ на ракитовомъ,
Какъ сидитъ тутъ младъ сизый *орелъ*...

Этотъ миноръ разрѣшается полной трагизма картиной, раскрывающей значеніе вышеприведеннаго образа:

Какъ подъ кустикомъ подъ ракитовымъ,
Что лежитъ убитъ добрый молодецъ,
Избитъ, израненъ и исколотъ весь [1]).

Приведенные выше тексты представляютъ примѣры той стадіи развитія разсматриваемого образа, когда значеніе *прикрѣпляется* къ нему, а не прямо мыслится въ немъ, т. е. когда еще чувствуется параллелизмъ.

Въ послѣдующихъ ступеняхъ эволюціи параллелизма постепенно устраняется вторая, объяснительная часть (значеніе), при чемъ первая—(символъ) заполняется подробностями, заимствованными изъ второй [2]).

Загадаются *орлики* хижи:
Да все, усе но *своихъ братахъ*,
По буйныхъ товаришахъ *казакахъ*...

поетъ пѣсня, и чуется, что буйны товарищи, казаки „чубатые" сгинула... и дѣйствительно:

. . . . кости лежать, шаблюки сторчять;
Кости хрустять, шаблюки перерасколоты брязчать! [3])

продолжаетъ та же пѣсня.

---

[1]) Соболевскій—Великор. нар. т. п. I № 359 Ср. №№ 360—369; 358; 496.

[2]) Ср. Потебня. Объясненіе малорус. и срод. нар. пѣсенъ.—Ср. Сумцовъ, о свадеб. обряд.

[3]) Сборн. укр. п.—изд. Максимовичъ. 59—90 стр.

Такъ получается въ народной поэзіи разсматриваемая форма—орелъ, образъ печали, неисходной скорби, гибели, смерти.

Разсматриваемая нами поэтическая форма имѣетъ за собою глубокую древность, о чемъ говоритъ, напр., упоминаніе ея въ загадкахъ миѳологическаго оттѣнка.

Вотъ, напр., одна изъ нихъ, изображающая смерть: стоитъ дерево, на деревѣ цвѣты, подъ цвѣтами котелъ (или корыто), надъ цвѣтами *орелъ*—цвѣты срываетъ, въ котелъ бросаетъ; цвѣтовъ не убываетъ, въ котлѣ не прибываетъ [1]).

Остатки древняго поэтическаго воззрѣнія человѣка на жизнь и природу чувствуются въ данномъ образѣ! Онъ не чуждъ и теперь живому народному языку.

Еще и теперь на югѣ Руси орла называютъ „могильникомъ“ [2]).

Съ другой стороны орелъ въ народномъ сознаніи—царственная птица (aquila regia лат.) представитель силы, зоркости, *прозорливости* [3]).

Орелъ на морѣ—воевода [4]);

или:

Всѣмъ птицамъ птица—орелъ [5]);

говорится въ русскихъ пѣсняхъ.

„Полеточка орлиная“ означаетъ мощь [6]).

Въ пѣсняхъ русскихъ, а равно и въ живомъ языкѣ употребляются часто формы: онъ орломъ глядитъ, орломъ летаетъ, т. е. молодцомъ [7]).

Почему же одинъ и тотъ же образъ соединяется съ различными значеніями?

„Считаю нужнымъ высказать *общее положеніе*, говоритъ А. Потебня [8]), безъ признанія котораго невозможно пониманіе языка народной (да и всякой) поэзіи. Въ этомъ языкѣ, какъ и въ словѣ, связью образа со значеніемъ служитъ *представленіе*, т. е. взятый изъ образа признакъ. Отсюда слѣдуетъ: а) что об-

---

1) Маякъ—VI, 49 и дал.: Дерево—міръ, цвѣты—люди, орелъ—смерть.
2) Даль—Толк. слов. жив. великор. яз.
3) ibid.
4) Соболевскій—Великор. напр. п. т. I № 496.
5) Записан. нами въ Воронежской губ.
6) Соболевскій—Великор. напр. п.—т. I, № 485.
7) Даль—Толков. слов. жив. великор. яз.
8) А. Потебня—Объясненіе малорус. и срод. нар. пѣсенъ—41—42 стр.

разы, различные по совокупности своихъ признаковъ могутъ быть почти тождественны по представленіямъ (или точкамъ, съ которыхъ разсматриваются) и значеніямъ... б) что одинъ и тотъ же образъ можетъ имѣть различныя, иногда противоположныя значенія, такъ что изъ него могутъ быть выдѣлены различныя представленія, или, иначе говоря: онъ можетъ разсматриваться со столькихъ точекъ зрѣнія, сколько въ немъ самомъ признаковъ“.

Въ былинѣ „Взята Казань“ въ образѣ орлища или сизаго орла мыслятся оба значенія: царственный орелъ — Великій Князь Московскій Иванъ Васильевичъ Грозный несетъ смерть царю Семеону и гибель царству казанскому.

Печать древности на этомъ образѣ нашей былины видна уже въ томъ, что орелъ является не просто хищной, а и *вѣщей* птицей; въ соотвѣтствіи же съ этимъ и лицо, символизованное имъ, называется Прозорливцемъ, Прозрителемъ.

Вторая эпическая форма, входящая въ составъ вѣщаго сновидѣнія разсматриваемой нами былины, такова по варіанту Кирши:

Кабы грозная туча подымалась,
Что на наше вѣдь царство наплывала,

или по бѣломорскому варіанту:

Да какъ-будто со востоцьню-ту со стороночку
Тамъ вѣдь грозна-та тученька подымаласе,
Подымалась-то туця грознá великая...

Не признавая здѣсь непосредственнаго отпечатка миѳологическаго воззрѣнія народа, какъ еще дѣйственнаго начала, мы тѣмъ не менѣе въ этомъ образѣ можемъ слышать, хотя и далекій, почти замершій отголосокъ его.

Впрочемъ и теперь еще у русскаго народа не угасла вѣра въ то, что гроза посылается намъ, какъ кара за наши грѣхи, что громъ и молнія — это божественныя стрѣлы, разящія недостойныхъ жизни.

Находятся и такіе люди, которые указываютъ самыя стрѣлы — каменныя палочки, обращающія на себя ихъ вниманіе своею формой.

Черная туча, грозная туча встрѣчается, какъ поэтическій образъ, въ творчествѣ разныхъ народовъ, при чемъ и самыя значенія его у нихъ часто совпадаютъ.

Не рѣдко осязательно чувствуется миѳологическая основа

даннаго образа. Напр., въ поэтическихъ сагахъ германцевъ гроза, движущая тучами, изображается неистовымъ бѣшенымъ войскомъ, несущимся въ воздушномъ пространствѣ, во главѣ котораго скачетъ Одинъ.

Не имѣя возможности въ настоящее время, за недостаткомъ матеріаловъ подъ руками, прослѣдить разсматриваемую поэтическую форму у отдѣльныхъ народовъ Востока, Эллады и Запада, мы прямо перейдемъ къ славянамъ.

Въ Сербской народной поэзіи туча не рѣдко изображаетъ сильное войско:

То не биле до дви маше сиње,
Веђ то биле до дви војске сильне

или:

Сину муња од Іедрене града,
А загрмље насред Цариграда,
Гром удари у поље Косово
И обори Немањића царство [1]).

Совершенно одинаковыми красками украинская дума изображаетъ непріятельское нашествіе, располагая ихъ въ формѣ параллелизма:

Изъ-за горы хмара выступае, выхожае,
До Чигирина выгремляе,
На Украинскую землю блискавкою блискае [2]),

или въ видѣ отрицательнаго сравненія:

То не черныи хмары ясне сонце заступали,
Не буйныи вѣтры въ темной лузѣ бушевали:
Козаки Хмельницкаго ховали [3]).

Если обратимся къ великорусской народной поэзіи, то здѣсь туча является наиболѣе любимымъ образомъ войска, рати могучей, непріятельской орды и т. под.

Интересна данная поэтическая форма, выраженная творительнымъ уподобленія: она представляетъ какъ бы переходъ одного предмета въ другой, напоминая о той глубокой древности, когда еще жива была вѣра въ оборотничество, создавшая данное выраженіе; отголоски этой поры, впрочемъ довольно слабые, слышатся изрѣдка въ нашей былевой поэзіи [4]).

---

[1]) Петрановић—Пјесме—271 стр.

[2]) Сбор. укр. п.—изд. Максимовичъ (1849 г.), I, 54 стр. Ср. Сбор. Метлинскаго, 51 стр.

[3]) ibid. 33 стр.

[4]) А. Веселовскій—Введ. въ историч. поэтику.

Такъ, въ „Словѣ и полку Игоревѣ“ говорится: чьрныя тучи съ моря идуть, хотять прикрыти 4 солньца; а въ нихъ трепещутъ синіи мълніи: быти грому великому, ити дождю стрѣлами съ Дону великаго; ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручати о шеломы половецькыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго [1]).

Въ древнѣйшей лѣтописи, впитавшей въ себя много эпическихъ элементовъ, нерѣдки такія сравненія, какъ: „идяху стрѣлы, акы дождь [2])“.

Та же поэтическая форма встрѣчается въ великорусской народной поэзіи и въ другихъ видахъ:

Что не облаки поднималися,
Не грозны тучи сходилися,
Собиралися тьмы невѣрныхъ врагъ [3]),

поется въ одной пѣснѣ.

Другая пѣсня усложняетъ разсматриваемый образъ описаніемъ спутниковъ грозной тучи:

Не пыль въ полѣ пылится,
Не туманъ въ полѣ подымается,
Не грозна туча сокотается,
Не изъ той тучи молонья сверкаетъ,
Подымалась силушка зла-невѣрная.

Самое слово *туча* и теперь въ живомъ великорусскомъ языкѣ нерѣдко прилагается къ громадному войску—туча войска, и означаетъ собраніе, что-то огромное, громоздкое, объемистое [4]), а слѣдовательно, и грозное.

Кромѣ того, слово *туча* часто имѣетъ значеніе и вообще скопленія: людей, товара и пр. Напр., намъ приходилось слышать въ Воронежской губ. выраженіе—туча тученская—относительно большого ярмарочнаго съѣзда, относительно свезеннаго туда товара, про урожай („туча тученская копенъ“).

Въ былинѣ „Взята Казань“ образъ тучи, конечно, тѣсно связанъ съ первымъ его значеніемъ, какъ явствуетъ это изъ

---

[1]) Буслаевъ—Рус. христ. (1870 г.)—96 стр. Ср. Задонщина.

[2]) Ипатьевская—47, 181; Лаврент.—262; Ср. Древ.-Рос. стих.: стрѣлы летятъ, какъ часты дожди.

[3]) Тихонравовъ—„Сл. о П. Иг.“—32 стр., примѣч.

[4]) Даль—Толковый слов. жив. великор. яз.

слѣдующихъ стиховъ, гдѣ говорится, что Иванъ Грозный шелъ къ Казани не одинъ, а

Со тѣми ли пѣхотными полками,
Что со старыми славными козаками.

Въ двухъ основныхъ варіантахъ былины „Взята Казань"— Кирши и Маркова—образъ тучи соединяется съ образомъ орла.

Сочетаніе это не случайное: оно имѣетъ психологическую основу въ близости ихъ значеній.

Аѳанасьевъ находитъ возможнымъ видѣть филологическое и миѳологическое сродство между орломъ и грозой, вѣтромъ и тучей.

„Летучія облака", предвѣщающія грозу, называются въ Исландіи klôsigi (klauensennung), ибо тамъ думаютъ, что орелъ производитъ бурныя грозы взмахомъ крыльевъ и запусканіемъ своихъ когтей [1]).

Финская Калевала говоритъ объ орлѣ, перья котораго пышутъ пламенемъ [2]).

Согласно съ этими данными, о тождествѣ орла съ богомъ-бросателемъ молній и проливателемъ дождей свидѣтельствуетъ и одинъ изъ нашихъ заговоровъ: „летѣлъ орелъ изъ-за Хвалынскаго моря (море-небо), разбросалъ кремни и кремницы по крутымъ берегамъ, кинулъ громову стрѣлу въ сыру землю, и какъ отродилась отъ кремня и кремницы искра, отъ громовой стрѣлы полымя, и какъ выходила грозная туча, и какъ проливалъ сильный дождь..."

Въ былинѣ „Взята Казань", кромѣ только что разсмотрѣннаго эпическаго пріема, обращаетъ на себя вниманіе еще слѣдующій:

. . . .
. . . большій за меньшаго хоронится,
Отъ меньшаго ему, князю, отвѣту нѣту;
Еще тутъ ли молодой кононеръ выступался... [3])

Аналогичнаго эпическаго пріема въ поэзіи другихъ народовъ въ настоящій моментъ мы не можемъ указать; не будемъ приводить примѣровъ и изъ русскихъ народныхъ сказокъ, от-

[1]) Аѳанасьевъ—Поэтич. воззр. слав. на природу.

[2]) Эманъ, 85. Ср. 23 и 3. У Аѳанасьева, Поэтич. воззр. слав. на прир., I, 494 стр.

[3]) Кирша Даниловъ, стр. 285.

лагая это до времени, когда соотвѣтственные матеріалы будутъ нами болѣе разработаны.

Обратимся къ русскому былевому творчеству.

Данный эпическій пріемъ, какъ характерный штрихъ, постоянно встрѣчается при обрисовкѣ сцены на пиру ласковаго князя Красна Солнышка, когда послѣдній обращается къ своимъ сочашникамъ-сотрапезникамъ, богатырямъ могучимъ, съ вызовомъ на какой-нибудь трудный подвигъ.

Такъ, въ одной былинѣ [1]) про Добрыню и Василія Казимирова говорится, что Владиміръ на своемъ „честномъ пиру" объясняетъ гостямъ—„русскимъ могучимъ богатырямъ и славнымъ поленицамъ удалымъ", что онъ задолжалъ Батіану Батіановичу, королю земли Сорочинской, и спрашиваетъ:

„Кого же мнѣ послать туды отвѣзти дани выходы,
„За двѣнадцать годъ да й съ половиною...?"

Чтд же богатыри и поленицы удалые?

Всѣ богатыря за столикомъ умолкнули,
Всѣ умолкнули и пріутихнули,
Какъ богáтыри за столикомъ-то притулялися,
А большая-то тулится за середнюю,
А середня тулится за меньшую,
А отъ меньшоёй отъ тулицы отвѣту нѣтъ.

Въ концѣ концовъ издали, откуда-то

Изъ-за тыхъ ли-то за столичковъ дубовыихъ,
Изъ-за тыхъ-ли то скамеечекъ *окольніихъ*.
Вышелъ старыя Перминъ да сынъ Ивановичъ... [2])

Въ другой былинѣ на иной зовъ князя

Да какъ выходилъ Дунаюшко Ивановичъ,
А выходилъ-то изъ зáпечья,
А онъ пóдходилъ-то ко тому столу княженецкому,
Да енъ самъ говоритъ да таковы слова...

Разсматривая данный эпическій пріемъ, можно отмѣтить въ немъ слѣдующіе два важнѣйшіе момента:

---

[1]) Гильфердингъ, Онежск. был., т. II, № 80, стр. 81.
[2]) Гильфердингъ, Онежск. был., т. II, № 102 (курсивъ нашъ. А. З.).

А—хороненіе большихъ за меньшихъ;

Б—выступленіе меньшаго, незначительнаго лица, оказывающагося героемъ.

Въ нашей былинѣ „Взята Казань“ данный эпическій пріемъ примѣняется не къ изображенію обычнаго на пиру Владиміра эпизода—кличъ князя, а къ описанію того момента, когда

Воспалчился . . . . великій князь московскій
Князь Иванъ, сударь Васильевичъ, прозритель,
И зачалъ канонеровъ тутъ казнити,
Что началася отъ канонеровъ измѣна.

Грозный въ этотъ моментъ не даетъ никакого труднаго или опаснаго порученія, а только ждетъ результата своего ранѣе сдѣланнаго распоряженія о подкопѣ подъ Казань-городъ; тѣмъ не менѣе чувствуется тяжелая минута: не предстоящій подвигъ ужасаетъ сподвижниковъ Грознаго, а его горячность и неумолимая строгость, то, что онъ уже готовъ казнить—вѣшать по одному лишь подозрѣнію въ измѣнѣ.

Всѣ замерли на мѣстѣ.

Это-то тревожное состояніе духа окружающихъ Грознаго, сродное съ настроеніемъ богатырей Владиміра при его кличѣ на отважный подвигъ, облеклось въ соотвѣтственные художественно-эпическіе покровы, хранимые памятью народною для подходящихъ случаевъ.

И вотъ среди общей тишины, когда
. . . . . . большій за меньшаго хоронится,
Отъ меньшаго ему князю отвѣту нѣту,
Еще тутъ ли молодой канонеръ выступался...

Выступаетъ лицо маленькое, дотолѣ неизвѣстное, „молодой канонеръ“.

Въ народной поэзіи, не только русской, но и другихъ народовъ, весьма часто героями оказываются именно люди незначительные.

Въ одной сказкѣ, записанной нами въ Воронежской губ.[1]), лакей Ванька дѣлается царемъ на Москвѣ.

Въ былинахъ, напр., богатыремъ оказывается человѣкъ, повидимому, слабый.

[1]) Изв. Ак. 1906 г. № 1. Ср. Ждановъ, И. — Рус. былевой эпосъ.

Когда Василій Буслаевъ сталъ собирать дружинушку хоробрую, то

Идетъ . . . . маленькій Потанюшко,
На правую ножку припадываетъ,
Онъ на небо поглядываетъ.

Встрѣтившіеся мужики новгородскіе, избитые Васькой, говорятъ ему:

„Не ходи, Потаня, на почестенъ пиръ!
Не выпить тебѣ чары зеленà вина,
И нè стерпѣть вяза черленаго“.

Однако Потанюшка хроменькій не послушался ихъ.

Пришелъ Потаня на почестенъ пиръ,
Хватилъ ёнъ чарочку одной рукой,
Пилъ онъ чарочку однимъ духомъ.
Хлопнулъ Василій сынъ Буслаевичъ
Хлопнулъ вязомъ черленымъ,
Стоитъ Потанюшко не стряхнется,
Его желтыя кудри не ворохнутся [1]).

Данный эпическій пріемъ изображенія героевъ вызываетъ въ нашемъ воображеніи представленія, переходящія границы наблюдаемаго въ жизни.

Кромѣ отмѣченныхъ нами эпическихъ пріемовъ необходимо упомянуть и объ эпическихъ числахъ, которыя употребляются въ нашей былинѣ въ качествѣ изобразительныхъ средствъ.

. . . . . . Грозенъ Царь Иванъ Васильевичъ
Скоплялъ силушку ровно тридцать лѣтъ,—
Ровно тридцать лѣтъ, еще три года.

Эпическія числа встрѣчаются въ поэзіи разныхъ народовъ.

Всѣмъ извѣстны священныя числа библіи: три, семь, двѣнадцать и пр.

Подобныя же священныя числа находимъ и у другихъ народовъ Востока (персовъ, ассиро-вавилонянъ и др.) и Запада.

Эпическое число—тридцать лѣтъ и три года неоднократно приводится въ нашей русской поэзіи.

---

[1]) Гильфердингъ Онеж. был., т. II, № 141.

Про Илью Муромца поется:

> Ѣздилъ старъ-матерой казакъ
> Ѣздилъ тридцать лѣтъ и три года [1]).

Или въ „Гисторіи о кіевскомъ богатырѣ Михаилѣ, сынѣ Даниловичѣ“ [2]). Илья Муромецъ говоритъ о подвигѣ сидящаго въ погребѣ Михаила:

> „Гой еси, великій князь Владимеръ Всеславьевичъ,
> Живу я у тебя тридцать-три года“...

Въ былинѣ „Взята Казань“ приведенное эпическое число имѣетъ своеобразное примѣненіе: величина войска Іоаннова, сила его изображается исчисленіемъ годовъ, въ теченіе которыхъ Грозный будто собиралъ его.

Одною изъ самыхъ общихъ и выдающихся особенностей разсматриваемой былины объ Иванѣ Грозномъ, связующихъ ее со всею сокровищницей народно-эпическаго творчества являются эпитеты.

Эпитеты въ народной поэзіи представляются ничѣмъ инымъ, какъ постоянными, искони утвердившимися опредѣленіями. Съ художественной стороны ихъ можно разсматривать, какъ разъ навсегда составленныя краски для изображенія извѣстныхъ предметовъ. При употребленіи эпитеты сообщаютъ особое освѣщеніе, тонъ и колоритъ предметамъ, входящимъ въ описаніе и разсказъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всему произведенію.

Правда, эпитеты — неотъемлемое достояніе народно-поэтическаго творчества вообще, но нѣкоторые изъ нихъ присущи только былевой поэзіи. Здѣсь они, сочетаясь съ именами собственными — богатырей, народовъ, странъ, городовъ и другихъ предметовъ, спеціально входящихъ въ оборотъ былинъ, довольно опредѣленно обрисовываютъ эпическій образъ ихъ, постоанный и неизмѣняемый.

Въ былинѣ о взятіи Казани особеннаго вниманія заслуживаетъ эпитетъ „Грозный“, который прилагается къ имени царя московскаго Ивана Васильевича.

По своему началу данный эпитетъ восходитъ къ такому смыслу слова гроза: horror, graus, schauder [3]), отсюда — угрожающій, ужасный, страшный, строгій, сердитый, карательный.

Отзвукъ послѣдняго значенья чувствуется въ эпитетѣ, при-

---

[1]) Прачъ—Сбор. нар. п.—Три поѣздочки Ильи Муромца.

[2]) Изъ рукоп. Румянцев. музея. Изд. Веселовскимъ. Южно-рус. был., I, стр. 27; В. Миллеръ—Очерки, т. I, 347.

[3]) Миклошичъ—Wörterbuch der Sl. spr.

лагаемомъ къ слову — туча: грозная туча [1]), грозна-та туч-енька [2]).

Въ живомъ народномъ языкѣ и теперь употребляется слово: „грозный“ въ разнообразныхъ смыслахъ.

Выдѣленіе слова „грозный“ въ качествѣ эпитета при имени лица совершилось еще во времена татарскія, когда оно прилагалось къ ханамъ, а потомъ къ ихъ посламъ — грознымъ насильникамъ.

Въ нашемъ эпосѣ сохранились яркіе слѣды такого употребленія эпитета „Грозный“.

Въ былинѣ о Ставрѣ Годиновичѣ Василиса переодѣвается въ мужскую одежду, называетъ себя *грознымъ посломъ* золотой орды и идетъ въ Кіевъ со свитой великою [3]).

Отъ посла татарскаго эпитетъ „грозный“ былъ перенесенъ впослѣдствіи и на княжескаго, что тоже отмѣчено нашейпоэзіей:

„Придетъ отъ князя *грозенъ* посолъ“, [4])

поется въ былинѣ объ Иванѣ Гостиномъ Сынѣ.

Грознымъ именуется король корлятскій.

Василиса Микулишна, переодѣтая посломъ, Василіемъ Ивановичемъ, встрѣтившись на пути, съ гонцемъ Прокофеемъ, посланнымъ княземъ Владиміромъ съ цѣлію привезти въ Кіевъ Ставрову жену и описать *его имущество*, говоритъ своимъ спутникамъ, 300 воинамъ:

Съѣдемся, воротимся среди пути-дороженьки,
Нѣтъ де Василисы Микулишны:
Какъ послышалъ невзгодушку великую,
Уѣхала она въ землю вятскую,
Ко *грозному королю* корлятскому [5]).

Между указанными значеніями слова „грозный“ выдѣляется его смыслъ въ Задонщинѣ, сказаніи о мамаевомъ побоищѣ:

Тотъ бояринъ воскладаша *грозныя* свои персты на живыя струны“ [6]).

Думаемъ, что здѣсь оно употребляется въ значеніи—силы удара, экспрессіи.

---

[1]) Кирша Даниловъ. 284 стр.

[2]) Марковъ—Печер. был. 291 стр.

[3]) Пѣсни, собранныя въ Сибири кн. Костровымъ, II, № 57; ср. Кирша Даниловъ—Ставръ Годиновичъ.

[4]) Кирша Даниловъ—Иванъ Гостиный Сынъ.

[5]) Ср. корлязи Лаврент. лѣтоп., 4 стр., изд. археографич. ком., III-е.

[6]) Временникъ И. О. И. Др. XIV.

Ко времени Іоаннову острый смыслъ слова „грозный", въ приложеніи къ имени собственному, потерялъ свою рѣзкую тиранническую колоритность: теперь онъ только оттѣняетъ мысль, что лицо, къ которому прилагается, умѣетъ держать себя *съ достоинствомъ*, можетъ внушать къ себѣ и ко всѣмъ своимъ распоряженіямъ *уваженіе*; ни одинъ богатырь и не подумаетъ говорить грозному царю Ивану Васильевичу „не съ упадкою", а тѣмъ болѣе ругать его такъ, какъ, напримѣръ, Владиміра Красно-Солнышко Алеша Поповичъ:

„Какъ ба ты да не мой дядюшка,
Я назвалъ тебя я бы прямо сводникомъ;
Какъ бы не тетушка была бы, назвалъ курвой б.... ю" [1]).

Въ другой былинѣ, Дюкъ Степановичъ, за пиромъ у Владыки черниговскаго на просьбу Владимира успокоиться, отвѣчаетъ:

— Не у васъ я хлѣбъ соли нунча кушаю,
— Я не васъ то хочу нунчу слушаіи!

и „стольнё-кіевскій" князь принужденъ былъ обратиться къ самому Владыкѣ за содѣйствіемъ, чтобы унять расходившагося богатыря.

Въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ [2]) Илья, по пріѣздѣ въ Кіевъ, идетъ въ церковь, и когда князь Владиміръ здѣсь спрашиваетъ его: изъ какого онъ города и какъ его зовутъ, обрываетъ князя такими невѣжливыми словами:

Здѣсь не то поютъ, не то и слушаютъ,
Здѣсь идетъ обѣдня воскресенская.

Эпитетомъ „Грозный царь" народъ отмѣчаетъ новую черту во властителѣ московской Руси, черту, какой не было у безсмѣннаго держателя стольнаго Кіева, „ласковаго", но безхарактернаго Владиміра.

Въ поэзіи народной Іоаннъ не тиранъ. Если онъ и казнитъ людей, то не потому, что ужъ по природѣ своей былъ жестокъ и кровожаденъ, и не потому, что стремился къ *личной* безопасности: его дѣятельность съ прямолинейностью, достойной державнаго властителя, направлена на защиту Руси, на созданіе и охраненіе ея цѣлости.

Онъ весь, съ ногъ до головы — государь: онъ пиръ пируетъ и о Руси помнитъ; хвастать умѣетъ онъ не хуже „ла-

---

[1]) Былины старой и новой записи, Худекова.
[2]) Кир., IV, 1—6.

сковаго" князя Владиміра, но хвастаетъ не несчетной казной, не силой-молодечествомъ, чтобы, когда дѣло до него дойдетъ „окарачь ползать", какъ „стольне-кіевскій" князь, а дѣломъ:

Вывелъ я измѣну изъ Новгорода,
Вывелъ я измѣну изо Пскова,
Казань подъ собою взялъ...
И сталъ я московскій царь [1]).

Эту же черту серьезности и достоинства государя невѣдомый поэтъ выразилъ словами Магомета, турецкаго царя: „нельзя царю царство безъ *грозы* держать" [2]).

Что касается эпитета *Бѣлый* царь, то мы его находимъ и въ памятникахъ дипломатическихъ сношеній Ивана Грознаго съ иностранными державами.

Въ 1555 году митрополитъ Макарій, получивъ отъ виленскаго епископа Николая Радзивила грамоту съ предложеніемъ похлопотать о продленіи перемирія, писалъ ему, между прочимъ, что „окольные всѣ государи не токмо хрестьянскые, но и бусурманскые, имени его не убавливаютъ, но и *свыше прибавливаютъ, называючи его Бѣлымъ Русскимъ царемъ...*" [3]).

Этотъ эпитетъ является переводомъ татарскаго Ак-ханъ [4]).

Эпическіе пріемы и образы, примѣняемые въ былинѣ о взятіи Грознымъ Казани, должны были придать произведенію нѣкоторый колоритъ таинственности и величавости. Событія и лица, изображенныя здѣсь, пріобрѣли такія очертанія, въ которыхъ теряется масштабъ обычнаго, дѣйствительнаго, и они отступаютъ съ исторической ступени, поднимаются далѣе и отходятъ въ туманную, полуосязаемую даль, сливаясь съ общимъ фономъ прошлаго: имена, историческія по существу, въ своемъ изображеніи становятся эпическими.

Большой интересъ, въ отношеніи къ указанному процессу, представляется изслѣдователю въ варіантѣ Кирши Данилова и А. Маркова.

Начавшись съ вѣщаго сна, пѣсня въ дальнѣйшемъ ходѣ даетъ развитіе указаннаго образа и заканчивается описаніемъ исполненія предзнаменованія царицы Елены — паденія Казани и воцаренія князя московскаго, Іоанна Васильевича, Прозрителя.

Цѣльность сюжета, близость его и въ подробностяхъ (илѣ-

---

[1]) Ibid.
[2]) „О началѣ Царя-града и взятіи его турками".
[3]) С. И. Р. Общ., т. 59, стр. 474.
[4]) Kastren, Ethnologische Vorlesungen, S, 203.

неніе царя Едигера, взятіе знаменъ его) къ лѣтописнымъ извѣстіямъ, стройность изложенія, органическая связь его съ образомъ въ началѣ былины наводитъ насъ на мысль о томъ, что варіантъ Кирши и Маркова есть самый полный и самый близкій къ начальной пѣснѣ съ такимъ сюжетомъ.

Была-ль начальная редакція данной былины посвящена исключительно взятію Казани, или взятію Казани и вмѣстѣ воцаренію Грознаго? Къ какому времени относится ея сложеніе?

Всѣ дошедшіе до насъ варіанты былевой пѣсни о взятіи Казани, за исключеніемъ двухъ вышеупомянутыхъ, воспѣваютъ только одно это событіе, совершенно умалчивая о воцареніи Ивана Васильевича. Тѣмъ не менѣе идея о воцареніи Грознаго оказывается настолько прочно связанной въ сознанія народа со взятіемъ Казани, что эта ассоціація проникла и въ другія былины, съ инымъ сюжетомъ (какъ напр., Казнь сына), записанныя въ отдаленныхъ одна отъ другой мѣстностяхъ.

Какъ извѣстно, народная поэзія, отзывчивая на всякого рода историческія событія, всегда въ той или другой степени испытывала на себѣ вліяніе искусственной поэзіи и литературы. Сплетеніе живыхъ фактовъ и чисто литературныхъ мы и находимъ въ варіантѣ Кирши Данилова и А. Маркова.

Попытаемся разобраться въ этомъ.

Іоаннъ Грозный, захвативъ власть надъ всей Русью и усвоивъ себѣ титулъ царя, для оправданія своего вѣнчанія на царство, воспользовался сказаніемъ о мономаховыхъ инсигніяхъ, о началѣ и византійскомъ преемствѣ московскаго царства, сложеннымъ не за долго передъ тѣмъ, при его предшественникахъ.

Отправляя, въ 1554 году, своихъ пословъ къ Сигизмунду-Августу, королю польскому, который не признавалъ за Іоанномъ царскаго титула, Грозный предписалъ: „Василью съ товарищи говорити: государь нашъ зовется потому: прародитель его, великій князь Владиміръ Святославичъ, какъ крестился самъ и всю землю русскую крестилъ, и царь греческій, и патріархъ вѣнчали ево на царство русское, и онъ писался царемъ“.

Такой фактъ повторяется и въ 1556 году.

„Рядомъ съ такимъ извѣстіемъ въ тѣхъ же посольскихъ наказахъ и боярскихъ рѣчахъ приводится и разсказъ о царскомъ вѣнцѣ, присланномъ Владиміру Мономаху“ [1]).

Отзвукомъ литературныхъ легендъ о началѣ московскаго царства и являются такіе стихи въ былинахъ:

---

[1]) И. Ждановъ—Русскій былевой эпосъ, 121 стр.

Я повывелъ царенье изъ Царя-града...

хвастаетъ самъ Грозный на пиру;

или про него поютъ:

Ай повывелъ онъ царенье изъ Царя-града.

Та же легенда бросаетъ сильный свѣтъ и на слѣдующіе стихи:

Когда возсіяло сонце красное,
Тогда воцарился у насъ [1])

Грозный царь.

Коль скоро отдаленнѣйшій еще предокъ его вѣнчался на царство и звался царемъ, то его права незыблемы, изначальны.

Но литературнымъ вліяніемъ не исчерпывается интересующій насъ фактъ въ былинѣ „Взята Казань". Если мы вспомнимъ радость Іоанна по поводу завоеванія татарскихъ ханствъ — Казанскаго, Сибирскаго и Астраханскаго, не имѣвшихъ фактическаго значенія, такъ какъ требовали постояннаго напряженія военныхъ силъ, повторенія походовъ и т. под., то поймемъ, какую теоретическую опору для своихъ правъ на царскій титулъ видѣлъ онъ въ этомъ.

Іоаннъ не разъ указывалъ на завоеваніе вышеназванныхъ царствъ, какъ на фактъ, дававшій ему еще большее право на *исконный прародительскій* титулъ царя.

Вотъ, напримѣръ, что онъ приказалъ по этому предмету сказать черезъ своихъ пословъ Максимиліану II: „Государя, Царя и Великаго князя отцу блаженныя памяти Великому Государю Царю Василью ссылки и докончанья были съ прежними Цесари и въ тѣхъ ссылкахъ и докончанныхъ грамотахъ отецъ Государя нашего писанъ Царемъ и Государемъ, а нынѣ и свыше того многіе великіе особые Царства... Богъ поручилъ, и Государю нашему какъ своего имяни отступиться?—и Цесарь бы Максимиліянъ имяни Государя нашего Царскаго Величества тѣмъ не безчестилъ, а велѣлъ писать съ Царскимъ имянемъ по прежнему обычаю..." [2]).

Точно также польско-литовскому королю Сигизмунду, упорно не хотѣвшему именовать Грознаго этимъ высшимъ титуломъ, послы Іоанновы твердили (въ 1554 г.): . . . „наши Государи отъ

[1]) Ср. Гильфердингъ, № 129; ср. ib. № 159; ср. Григорьевъ—Архангельскія былины, 66 стр.

[2]) Пам. диплом. снош., I, 604 и слѣд. столб. Дальше объясняется: что „многіе особые царства"—Казань и Астрахань и др. поволжскіе города.

начала по своему государству по Русскому вовутца Цари, которые вѣнчаются (при этомъ они говорили о царскомъ вѣнчаніи Іоанна Мономаховыми инсигніями); а и опричь Русскіе земли нынѣ Государю нашему Богъ далъ царство казанское, и что ему государю нашему Богъ далъ, и то хто у него отставитъ?.... и то, панове, мѣсто казанское и сами знаете извѣчное царское потомужъ, какъ и Русское" [1]).

Въ 1554 г., отправляя своего посланника опять къ Сигизмунду, продолжавшему титуловать Іоанна Великимъ княземъ, приказалъ говорить, что Астраханское царство завоевано его воеводами; при этомъ Іоаннъ IV наказываетъ посланнику напомнить ему о вѣнчаніи еще Владиміра Мономаха, по примѣру-де котораго вѣнчался онъ, и прибавить, что нынѣ государю нашему Богъ далъ къ его государству великіе два мѣста царскіе (казанское и астраханское), на которыхъ государствахъ и вѣчно цари же были; и что государю нашему Богъ далъ, то у насъ кто возьметъ?" [2])

Что Иванъ Грозный придавалъ особенно большое значеніе завоеванію татарскихъ царствъ, какъ аргументу въ пользу своихъ правъ на царскій титулъ, видно также изъ стремленія Сигизмунда опровергнуть такое значеніе ихъ: „Ни который Государь у крестьянствѣ тымъ именемъ (т.-е. царемъ) не называетца, кромь бусурманскихъ царей: а онъ братъ нашъ есть государемъ крестьянскимъ".

Такое же отношеніе къ царскому званію Іоанна и къ основаніямъ, приводимымъ имъ для подтвержденія своихъ правъ на это, мы встрѣчаемъ часто въ исторіи его царствованія. Уже въ позднѣйшую пору его жизни Поссевино толковалъ посламъ Іоанновымъ, что Казань и Астрахань не имѣютъ столь важнаго значенія, чтобы (ради нихъ) данъ былъ новый титулъ какъ бы другого [3]) царя, т. е. Императора, тѣмъ болѣе, что слово „царь" означаетъ не Цесаря, но употребляемое татарами означаетъ нѣчто въ родѣ королевскаго титула [4]).

Хлопоты о признаніи сосѣдними государями титла „царь" за московскимъ княземъ заняли очень много времени [4]) въ цар-

[1]) Ibid., 407 стр.

[2]) С. И. Р. Общ., т. 59 стр. 452—454, 459—460; „книга пос. метр. вел. кн. лит.", т. I, стр. 96 и 97.

[3]) По его словамъ можетъ быть только одинъ правосл. Императоръ,— Цесарь.

[4]) Савва—„Московск. цари и визант. василевсы", 314 стр. Здѣсь около половины книги посвящено этому вопросу.

ствованіи Грознаго. Очевидно, вопросъ былъ серьезный, настолько важный, что послы Іоанновы не прочь были за „титулъ“ сдѣлать нѣкоторыя территоріальныя уступки [1]), а постоянныя ссылки Грознаго на пріобрѣтеніе царствъ Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго, какъ на доказательство его особенныхъ правъ на данный титулъ, обращали конечно вниманіе современниковъ Іоанна на эти завоеванія.

Если же принять во вниманіе то, что вопросъ о царскомъ вѣнчаніи Великаго Князя Московскаго короной и бармами византійскихъ императоровъ, еще ранѣе проникшій въ литературу, популяризировался и самимъ Іоанномъ [2]), и его сторонниками, если дарованныя Богомъ Іоанну татарскія царства послужили однимъ изъ незыблемыхъ краеугольныхъ камней правъ московскаго князя на царскій титулъ, то естественно ожидать, что все это нашло себѣ соотвѣтственное отраженіе въ былевомъ творчествѣ, воспѣвающемъ подвиги Іоанновы.

Правда, поэтическая мысль творца былины Взята Казань еще не устоялась; рѣшеніе важнѣйшаго въ царствованіе Іоанна Грознаго вопроса о титлѣ не успѣло вылиться въ прозрачную, вполнѣ опредѣленную, ясную форму.

Поэтому-то въ нѣкоторыхъ былинахъ говорится о томъ, что Грозный повынесъ царенье изъ Царя-града, въ другихъ — изъ Казани. При чемъ разсказывается, что вѣнчался онъ инсигніями Симеона, царя казанскаго:

Онъ и взялъ съ него (Симеона) царскую порфиру,
Онъ царскій костыль въ руки принялъ
И въ то время князь воцарился,
И насѣлъ въ Московское царство [3]).

Несомнѣнно, греческое слово порфира, одежда греческихъ императоровъ.

Заимствованіе въ былину ея, а вмѣстѣ съ тѣмъ и другихъ царскихъ принадлежностей изъ Византіи является болѣе естественнымъ, особенно если имѣть въ виду легенду о мономаховыхъ царскихъ аттрибутахъ.

---

[1]) Савва—„Московскіе цари и визант. василевсы“, 314 стр.

[2]) При Грозномъ пересмотрѣна была Степенная книга и Царскій Родословецъ, запечатлѣвшій на своихъ страницахъ извѣстія о Прусѣ и о Константинѣ Мономахѣ. Тогда же Родословецъ былъ переведенъ на латинскій языкъ.

На тронѣ царскомъ была сдѣлана надпись въ которой говорилось о царскомъ вѣнчаніи Владиміра. Подобная же надпись находится на потолкѣ грановитой палаты, въ притворѣ Рождественскаго монастыря.

[3]) Кир., VI, 10.

И дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ былинахъ про Грознаго поется:

Испроговорилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Испроговорилъ онъ таково слово:
Я повынесъ-то царенье изъ Царя-града,
Царскую порфиру на себя надѣлъ,
Царскій костыль я себѣ въ руки взялъ...

Въ другихъ же варіантахъ былины о взятіи Казани порфира превращается въ царя Перфила:

А царя-то Перфила онъ подъ мечъ склонилъ,
А царицы-то Елены голову срубилъ,
Царскую перфиру на себя одѣлъ,
Царскій костыль себѣ въ руки взялъ. [1])

Въ иныхъ варіантахъ той же былины говорится уже, что Грозный взялъ порфиру съ Симеона, царя казанскаго:

Привезъ порфиру въ каменну Москву,
Крестилъ порфиру въ каменной Москвѣ,
Эту порфиру на себя наложилъ
И въ то время князь воцарился.

Читая эти разнорѣчія, невольно вспоминаешь тѣ хитроумныя теоріи о царскихъ правахъ князя московскаго, которыя плели тогдашніе книжники и самъ Іоаннъ Грозный.

Трудно понять, почему они, говоря о полученіи царскихъ утварей изъ Византіи, о вѣнчаніи Владимира Святославича и Владимира Мономаха патріархомъ царь-градскимъ, считали нужнымъ еще ссылаться на покореніе татарскихъ ханствъ, будто бы доставившихъ Іоанну титулъ царя. Вѣдь если московскій властелинъ отъ чрева матери своей помазанъ царемъ, наслѣдуя „прародительское титло“, то ничто еще изъ послѣ случившагося не могло увеличить его права на унаслѣдованное милостію Божіей отъ предковъ. Іоаннъ и его сотрудники сами путались въ своихъ измышленіяхъ, что до извѣстной степени сказалось и на народномъ творчествѣ въ былинахъ.

Что касается времени созданія былины о взятіи Казани, то нервность, впечатлительность, которая чувствуется въ передачѣ фактовъ, показываетъ, что она составлена вскорѣ послѣ покоренія Казани.

А. Зачиняевъ.

---

[1]) Кир. VI.

Къ вопросу о славянскихъ заимствованіяхъ въ греческомъ языкѣ.

1. Среднегреческое βάλτος.

Среднегреческое βάλτος „болото“, такъ часто обращало на себя вниманіе изслѣдователей и такъ различно ими объяснялось, что новый пересмотръ вопроса о его происхожденіи намъ кажется далеко не излишнимъ: что слово—заимствовано, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Попытка Дестуниса въ „Матеріалахъ по сравнительному и объяснительному словарю и грамматикѣ“ V, 245, вывести его изъ древне-греческаго діалектическаго ἄλτος, при современномъ состояніи науки о греческомъ языкѣ, должна быть признана крайне неудачной. Не говоря уже о томъ, что эта древне-греческая діалектическая форма въ народную Κοινή должна была попасть въ видѣ ἄλσος, толкованію Дестуниса мѣшаютъ еще два обстоятельства: 1) Значеніе древне-греческаго слова—„heiliger, geweihter Hain“ см. Prellwitz, Etym. Wörterb. d. griech. Spr. 2. Aufl. p. 28; 2) Начальное β, въ которомъ никакъ нельзя видѣть загадочное F—, нѣкогда пользовавшееся такимъ успѣхомъ среди любителей „эолодорійскихъ“ предпріятій.

Ученые, въ родѣ Foy'a, Lautsystem 21, Матова, Гръцко-български студии s. v. справедливо подчеркиваютъ славянское его происхожденіе. Какъ показываетъ звонкій губной спирантъ въ началѣ слова—мы имѣемъ дѣло съ относительно древнимъ заимствованіемъ: позднѣйшее усвоеніе слова греками, съ албанскаго *bal'tε* дало греческое μπάλτα см. G. Meyer, Neugr. St. II, 64.

Признавая источникомъ слова βάλτος старославянское влато мы должны считаться съ однимъ затрудненіемъ, которое до сихъ поръ обходилось молчаніемъ этимологами греческаго языка, именно — передачей старослав. — *ла* — изъ общеслав. —

ол - чрезъ греческое — *αλ* —; дѣйствительно слѣдовало бы ожидать скорѣе формы * *βλάτος*, ибо мы привыкли видѣть въ славянскихъ заимствованіяхъ греческаго языка болгарскіе рефлексы общеслав. tołt, tort, т. е. tłat, trat; см. G. Meyer, Neugr. St. II, 11. Такъ какъ звуковые законы, а также и фонетическіе законы заимствованій не имѣютъ исключеній, *если они не перекрещиваются психологическими законами* (аналогія, народная этимологія), то наше *βάλτος* необходимо объяснить какъ нибудь иначе. Если бы это былъ единственный случай своеобразной передачи рефлексовъ общеславянскаго сочетанія-tołt-, то можно было бы подумать о народно-этимологическомъ сближеніи первоначальнаго * *βλάτος* съ какимъ нибудь исконно-греческимъ словомъ (postremum refugium лингвиста), но дѣло въ томъ, что мы имѣемъ цѣлый рядъ формъ съ подобной передачей: *καρβέλι*—ст.-слав. кравай, *σάλμα*—ст.-слав. слама, *σβάρνα*—ст.-слав. брана (причемъ относительно начальнаго σ,—образовавшагося на греческой почвѣ въ Sandhi см. G. Meyer, Analecta Graeciensia 19 sq), *δραγάτης*, рядомъ съ *δαργάτης* [1]), Οἰκονόμος, Γραμματική, τῆς τσακωνικῆς διαλέκτου 67—ст.-славянск.—драга; *βαρδαβίτσα*—ст.-слав. брадава (см. М. Фасмеръ, „Извѣстія отд. русск. яз. и словесн. Импер. Акад. Наукъ". XI, кн. 2, стр. 403), наконецъ *μέρζα*—мрѣжа и т. д. Этими формами напоминаются общеславянскія * merža, * sołma и проч. Что здѣсь не произошла метатеза согласныхъ, свойственная греческому языку, см. Pernot, Revue des études grecques, XX, 19—23; въ этомъ насъ убѣждаютъ подобныя же сочетанія въ славянскихъ элементахъ албанскаго языка; напр. tšerδε—ст.-слав. чрѣда (см. G. Meyer, Alb. Wb. 446), bal'tε—ст.-слав. блато (ibid. 25) и т. д.; наконецъ, названія мѣстностей на Балканскомъ полуостровѣ въ родѣ Варна, Даргаместо (въ Этоліи см. Kretschmer, Archiv f. slav. Philologie XXVII, 231), собственныя имена Δαργαμηρός у Өеофана 497, 17 (=Драгомѣръ) и проч.

Всѣ эти данныя заставляютъ насъ предположить образованіе сочетанія-tart-tałt-на славянской почвѣ; значитъ во-

---

1) Форма эта въ средніе вѣка была употребительна во многихъ греческихъ говорахъ и возсоздается на основаніи цаконск. δεργάτα см. Deffner Zak. Grammatit, 82; δεργάτης Корсика; причемъ относительно измѣненія α 7 ε передъ α см. Dieterich, Untersuchungen 3—9; Thumb. J. F. II, 24. Изъ того же δεργάτης путемъ народно-этимологическаго сближенія съ βέργα получилось βεργάτης, употребляемое во Өракіи, Имбросѣ и Мореѣ, см. G. Meyer, Neugr. St. II, 26, который, впрочемъ, не приводитъ точнаго объясненія.

просъ сводится къ тому, какъ *объяснить* это сочетаніе. Такихъ объясненій всего можетъ быть только два: остается или отнести указанныя заимствованія къ общеславянскому языку, или же предположить существованіе неизвѣстнаго до сихъ поръ южнославянскаго нарѣчія на Балканскомъ полуостровѣ, которое со временемъ хотя и было вытѣснено со всѣхъ сторонъ окружавшими его сосѣдними народами, но оставило слѣды своего существованія въ ихъ языкахъ, въ видѣ заимствованныхъ словъ. Я лично, по звуковымъ соображеніямъ, склоняюсь ко второму предположенію; если бы указанныя слова были заимствованы изъ общеславянскаго языка, то на мѣстѣ неударяемаго слав. *o* мы, дѣйствительно, могли бы ожидать греч. *α*, но такимъ образомъ не объясняется греч. *α* въ βάλτος, σάλμα и проч, Если же предположить заимствованіе изъ погибшаго впослѣдствіи славянскаго нарѣчія, гдѣ рефлексами общеславянскихъ сочетаній — tort-,tołt-,tert-,tełt, являются сочетанія — tart-,tałt-, tert-,tełt-,—то вопросъ рѣшается, повидимому, безъ всякихъ затрудненій: это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ одномъ изъ западно-славянскихъ нарѣчій, въ кашубскомъ языкѣ, мы находимъ подобные рефлексы (см. F. Lorentz, Slovinzische Grammatik, 74, sq.).

Впрочемъ, рѣшеніе этого вопроса, въ высшей степени важнаго, какъ для славянскаго языковѣдѣнія, такъ и для этнографіи, мы предоставляемъ лицамъ, болѣе насъ въ этомъ дѣлѣ компетентнымъ. Для насъ же важно, что среднегреч. βάλτος, а рядомъ съ нимъ форма женск. рода βάλτα (примѣры Sophoclis, Greek Lexicon of the roman and byzantine periods [2] 296) послѣ этихъ разсужденій уже свободно можетъ считаться заимствованнымъ непосредственно изъ славянскихъ языковъ. Вѣдь слишкомъ уже невѣроятна общепринятая до сихъ поръ гипотеза G. Meyer'a, повторенная имъ къ тому же въ трехъ мѣстахъ: Bezz. Beitr. XIX, 150—169; Neugr. St. II, 64; Alb. Wb. 25, о томъ, что праславянское * boltom попало въ иллирійскій языкъ въ видѣ * baltom и отсюда перешло въ греческій языкъ.

2. Среднегреческое κουνάδι, куница.

Въ современныхъ греческихъ говорахъ широко распространено слово κουνάδι, куница (примѣры см. G. Meyer, Alb. Wb. 214; Neugr. St. II, 36). И здѣсь, какъ въ указанномъ выше случаѣ, не можетъ быть сомнѣнія, что слово заимствовано. Мы здѣсь

имѣемъ образованіе отъ *χούνα*, куница, взятаго со славянскаго кꙋна. Имѣющійся здѣсь суффиксъ—*άδι* широко распространенъ въ греческомъ языкѣ; онъ же имѣется въ *λαγκάδι*, „долина" отъ *λάγκα* (= ст.-слав. лѫка), *γριβάδι*, „карпъ — рыба" отъ *γρίβα* (= ст.-славянское *грива* см. М. Фасмеръ, Извѣстія отд. русск. яз. XI, кп. 2, стр. 404), *πηγάδι*, „ручей"—отъ др.-греч *πηγή* и проч. Форма *χουνάβι* „куница", не объясненная G. Meyer'омъ Neugr. St. II, 36, своимъ—*β*—обязано народно-этимологическому вліянію словъ, въ родѣ *χαννάβι* и т. д. Любопытно, что рядомъ съ съ этимъ значеніемъ, слово *χουνάδι* въ греческомъ языкѣ имѣетъ и другое значеніе—„кроликъ"; такимъ образомъ, оно, какъ будто, можетъ быть соединено съ другимъ словомъ — *χουνέλι*, „кроликъ". G. Meyer, c. l. ничто же сумняся и сопоставляетъ ихъ, и выводитъ изъ славянскаго *куна*, куница, и сербск. *кунель*, кроликъ, не отдѣляя ихъ одно отъ другого, не смотря на разницу въ значеніяхъ. Между тѣмъ, это *кунель*, въ виду того, что имѣется только у южныхъ славянъ, должно быть признано заимствованнымъ. Источникомъ его, равно какъ и греческаго *χουνέλι* слѣдуетъ считать итальянское *coniglio* изъ лат. *cuniculus*, см. Körting, Lateinisch-romanisches Wörterbuch 287; Hehn, Kulturpflanzen und Haustiere 607. Измѣненіе-*ιλ*-въ—*ελ*—произошло уже на греческой почвѣ и отсюда уже слово попало въ сербскій языкъ и даже на востокъ, о чемъ свидѣтельствуетъ грузинское *kuneli*. Уже впослѣдствіи на греческой почвѣ произошла контаминація, т. е. смѣшеніе словъ *χουνέλι* — романскаго, и *χουνάδι* — славянскаго происхожденія. Такъ объясняется встрѣчающееся въ новогреческихъ говорахъ слово *χουνάδι*, „кроликъ". Уже отсюда контаминація проникаетъ въ другіе языки Балканскаго полуострова; только такъ и можетъ быть обьяснено албанское *kunaδjε*, *kunavjε*, „кроликъ".

М. Фасмеръ.

Община у зырянъ.

(*Окончаніе*).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ обычай не соблюдается, и площадь прямо дѣлится на паи. Число „паевъ“ или участковъ всегда нѣсколько болѣе, чѣмъ ѣдоковъ (или чѣмъ кратное числа ѣдоковъ). Излишекъ обыкновенно не дѣлится, а остается въ видѣ запаса. Помоздинская община, оставляя 92 пая, мотивируетъ это слѣдующими соображеніями: „остатокъ этотъ мы рѣшили оставить въ видѣ мірской оброчной статьи, на случай надѣленія землею возвратившихся изъ отлучекъ домохозяевъ нашего общества и добавочныхъ наличныхъ душъ, могущихъ быть до новаго передѣла“. Вся остальная масса дѣлится между домохозяйствами по числу ѣдоковъ. Иногда, впрочемъ, община отступаетъ отъ этого правила и распредѣляетъ паи такимъ образомъ, что число ихъ на семью растетъ медленнѣе числа ѣдоковъ. Такъ Шиловская община опредѣляетъ число паевъ на домохозяйство въ слѣдующей пропорціи.

На	1	ѣдока	$\frac{1}{2}$	участка.	На	8—9	ѣдоковъ	3	участка.
„	2	„	1	„	„	10	„	$3\frac{1}{2}$	„
„	3	„	$1\frac{1}{4}$	„	„	11—12	„	4	„
„	4	„	$1\frac{1}{2}$	„	„	13	„	$4\frac{1}{2}$	„
„	5	„	2	„	„	14—15	„	5	„
„	6	„	$2\frac{1}{4}$	„	„	16	„	$5\frac{1}{2}$	„
„	7	„	$2\frac{3}{4}$	„					

Такая система основана на томъ простомъ, и понятномъ для всякаго хозяина соображеніи, что съ увеличеніемъ семьи расходъ по хозяйству растетъ въ меньшей степени. Къ семейству, состоящему изъ одного или двухъ членовъ, нѣкоторыя общины прибавляютъ сверхъ нормы или часть пая, или цѣлый пай въ зависимости отъ степени изобилія земли въ общинѣ. Эта мѣра вызвана сознаніемъ, что хозяйство не можетъ вестись на томъ небольшомъ клочкѣ, который поступаетъ въ пользованіе такого двора при нормальномъ разсчетѣ. Съ этой же цѣлью, имѣя въ виду возможный раздѣлъ, община иногда надѣляетъ жена-

таго, но живущаго при отцѣ сына въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ то слѣдуетъ по нормѣ. Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что община, распредѣляя земли, преслѣдуетъ не столько строго ариѳметическія цѣли, сколько хозяйственныя. Она всегда готова поступиться нѣкоторою правильностью въ соотношеніи числа ѣдоковъ и причитающихся имъ паевъ, если это грозитъ стѣсненіемъ хозяйственной дѣятельности. Устьнемская община слѣдующимъ образомъ формулируетъ свои требованія, обращенныя къ лицамъ, уполномоченнымъ вершить передѣлъ: „они должны соблюдать всѣ необходимыя мѣстныя условія *относительно надѣленія безнадежныхъ къ отбыванію повинностей и поддержанію сельскаго хозяйства крестьянъ—земельнымъ надѣломъ*". (Приговоръ отъ 24 января 1900 г.). Изъ числа лицъ, имѣющихъ право на надѣлъ, выключаются обыкновенно лица, живущія постоянно внѣ общины и не имѣющія возможности лично заниматься обработкой. Въ нѣкоторыхъ общинахъ выключаются и солдаты. Въ большинствѣ случаевъ общинники противъ отобранія надѣловъ отъ лицъ, ушедшихъ въ солдаты. Переселившіеся изъ другихъ общинъ, вообще говоря, съ трудомъ, лишь послѣ долгой судебной волокиты, получаютъ надѣлъ по мѣсту своего новаго жительства.

Каждый сортъ дѣлится отдѣльно и общинникъ получаетъ слѣдовательно minimum столько полосъ, какъ велико число сортовъ. Почти всегда, впрочемъ, число полосъ значительно болѣе. Тамъ, гдѣ пахотныя угодья разбиты на поля согласно практикующемуся сѣвообороту (яровое, озимое и паровое), каждое изъ полей подвергается самостоятельному раздѣлу; число полосъ у домохозяина увеличивается такимъ образомъ втрое [1]), но и въ такомъ случаѣ оно все-таки ниже дѣйствительности, такъ какъ сплошь и рядомъ причитающееся домохозяину количество земли какого-нибудь сорта отводится не въ одномъ мѣстѣ, а въ двухъ или трехъ. Благодаря такому дробленію, въ рукахъ домохозяина оказывается иногда до 12 полосъ одной только мірской земли. Иногда одна и та же полоса отводится сразу 2 или даже 3 домохозяевамъ. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда полоса настолько велика, что не можетъ быть отдана одному крестьянину, или же она почему-либо неудобна для раздѣла. Пользованіе такой полосой различно: крестьяне эксплоатируютъ ее или попремѣнно или „поконечно", т. е. одинъ домохозяинъ эксплоа-

[1]) Почти невозможно встрѣтить поля, въ которомъ бы вся земля была одного качества.

тируетъ одинъ конецъ, другой—другой конецъ, мѣняясь при этомъ ежегодно концами. „Поконечное“ пользованіе мы наблюдали по отношенію къ сѣнокоснымъ угодьямъ въ Шиловской волости. Иногда „поконечное“ пользованіе замѣняется общимъ трудомъ по выкашиванію участка и раздѣломъ сѣна. Такого рода пользованіе примѣняется всегда къ участку, разные концы котораго различны по качеству.

Опредѣливъ величину и мѣсто надѣла, общинники приступаютъ къ разнообразнымъ личнымъ соглашеніямъ, съ цѣлью внести въ распредѣленіе поправки практическаго характера. Производится обмѣнъ полосъ, предоставленный усмотрѣнію отдѣльныхъ домохозяевъ, безъ какого бы то ни было давленія со стороны общины. Рѣшается судьба тѣхъ участковъ, отъ которыхъ крестьяне отказываются за хозяйственною маломощностью. Такіе участки или отдаются многосильнымъ домохозяйствамъ, или, при отсутствіи желающихъ, обращаются вмѣстѣ съ другими, почему-либо оставшимися нераздѣленными, паями въ мірскую оброчную статью. Не малое значеніе играетъ и вопросъ о порядкѣ вознагражденія домохозяевъ, получающихъ взамѣнъ отходящихъ унавоженныхъ полосъ—неунавоженныя. Болѣе или менѣе общаго порядка въ этомъ отношеніи зырянскія общины не выработали. Въ однихъ случаяхъ домохозяинъ, получившій унавоженныя полосы, уплачиваетъ прежнему владѣльцу по 1 коп. за каждый вывезенный возъ (Усть-куломская вол.); въ другихъ—унавоженныя полосы остаются на годъ въ пользованіи прежняго домохозяина (Помоздинская вол.); въ третьихъ—„унавоженное поле въ годъ перехода засѣваютъ пополамъ старый и новый хозяинъ, каждый своими сѣменами. Половина засѣвается старымъ хозяиномъ за унавоженье на тотъ годъ“ [1]) (Воронцовская вол.); въ волостяхъ Вильгортской, Благовѣщенской и Корткеросской за навозъ, вывезенный прежнимъ владѣльцемъ, уплачивается или такое же количество навоза или деньгами по оцѣнкѣ. Устанавливаются правила и для перехода засѣянныхъ полосъ: въ Вильгортской, Благовѣщенской, Корткеросской и Воронцовской волостяхъ урожай съ поля снимаетъ засѣявшій его; „въ общинахъ Богородской и Помоздинской волостей до снятія урожая прежній владѣлецъ отводитъ новому другую пустую полосу, соотвѣтствующую по сорту и размѣрамъ подлежащему къ передачѣ засѣянному полю. Въ общинахъ Небдинской волости за засѣянное поле, подле-

[1]) Изъ мірского приговора. Цитировано по статьѣ В. Ф. Попова.

жащее къ переходу, прежній владѣлецъ получаетъ вознагражденіе отъ новаго по 1 коп. за квадратную сажень засѣва... Въ общинахъ же Устькуломской волости за перешедшее засѣянное поле новый владѣлецъ уплачиваетъ прежнему только сѣмена—натурою, или по оцѣнкѣ деньгами" [1]). Во многихъ общинахъ замѣчается стремленіе избѣгать передачи унавоженныхъ и засѣянныхъ полей.

Всѣ подобныя мѣры принимаются общиною съ цѣлью достигнуть при передѣлѣ возможно большаго уравненія. Наблюденія надъ дѣйствительностью показываютъ однакожъ, что, несмотря на стремленіе общины провести уравненіе даже до такихъ деталей, какъ вознагражденіе за удобренныя полосы, фактически—уравненіе далеко не во всѣхъ общинахъ стоитъ на должной высотѣ. Ужъ было сказано, что, съ переходомъ участка изъ льготнаго пользованія въ общинное, хозяинъ не порываетъ съ нимъ связи. При перетасовкахъ полосъ при уравненіи, общинники стараются по возможности избѣгать сдвиженія крестьянъ съ разработанныхъ ими участковъ, производя это только въ крайнихъ случаяхъ, когда имѣется уже слишкомъ большая неравномѣрность. Община не можетъ еще совсѣмъ отрѣшиться отъ вынесеннаго изъ эпохи индивидуальнаго владѣнія взгляда на связь между землею и разработавшимъ ее лицомъ и признаетъ за послѣднимъ преимущественное предъ другими право на участокъ, даже и послѣ перехода его въ общинное пользованіе. Если разсматривать современныя зырянскія общины съ точки зрѣнія того соотношенія, которое установилось въ нихъ между стремленіемъ къ уравненію и трудовымъ началомъ, то можно различить прежде всего двѣ крайнія группы. Одну изъ нихъ составляютъ общины, гдѣ хотя принципіально право владѣнія расчищенными участками и ограничено извѣстнымъ срокомъ, но трудовое право еще настолько сильно, что уравненіе выражается лишь въ видѣ какъ бы нѣкоторыхъ частичныхъ поправокъ, вносимыхъ въ землепользованіе. Передѣлы сводятся къ отводу отъ многоземельныхъ лишь наиболѣе бросающихся въ глаза излишковъ и къ передачѣ ихъ малоземельнымъ. Уравненій по сортамъ не производится, иногда даже не существуетъ и самаго дѣленія на сорта; если же и существуетъ, то, не имѣя практическаго значенія, оно служитъ только какъ бы живымъ упрекомъ малоземельнымъ въ томъ, какъ мало еще достигли они въ борьбѣ за уравненіе. Ни

[1]) В. Ф. Поповъ, loc. cit.

качественное, ни количественное уравненія не проводятся настолько полно, чтобы не оставлять послѣ себя мѣсто неравенству. Другую крайнюю группу составляютъ общины, гдѣ преимущественное право лица на расчищенные имъ, но перешедшіе въ общинное пользованіе участки, хотя и продолжаетъ находить себѣ признаніе, но лишь постольку, поскольку оно не противорѣчитъ ни качественному, ни количественному уравненію. Угодій каждаго сорта владѣльцу дается ровно столько, сколько слѣдуетъ по теоретической раскладкѣ. Въ случаѣ надобности добавляется или отбирается только то количество земли, которое является недостающимъ или излишнимъ противъ приходящихся на его долю угодій; замѣна части ихъ такою же по величинѣ и качеству, взятою отъ другого владѣльца, безъ самой настоятельной нужды пе практикуется. Недостающее количество пополняется изъ льготныхъ земель того же домохозяина, оканчивающихъ ко дню передѣла срокъ льготнаго пользованія, если притомъ эти льготныя земли того же сорта, какимъ необходимо произвести и дополненіе. Пополненіе недостатка въ одномъ сортѣ излишкомъ въ другомъ не допускается.

При такихъ ограниченіяхъ принципъ надѣленія землею по мѣсту расчистки, или,—какъ говорятъ,—по фактическому пользованію,—нисколько не противорѣчитъ проведенію полнаго и всесторонняго уравненія. Оставляя за домохозяиномъ тѣ участки, на которыхъ онъ много лѣтъ трудится, къ обработкѣ которыхъ онъ приспособился, община тѣмъ самымъ вноситъ устойчивость въ землепользованіе безъ ущерба для уравнительности.

Но далеко не всѣ общины достигли этой высшей ступени; она встрѣчается лишь въ наиболѣе заселенныхъ центральныхъ частяхъ зырянской территоріи, какъ напримѣръ въ Сысольскомъ краѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по Вычегдѣ. Въ большинствѣ же общинъ степень достигнутой ими уравнительности занимаетъ среднее мѣсто между двумя указанными крайними группами. Принципы количественнаго и качественнаго уравненія хотя и проводятся на практикѣ, но не на столько, чтобы не оставлять ничего лучшаго. Руководствуясь тѣми или другими соображеніями, община часто поступается этими принципами, когда приходится посягать на трудовые участки и не доводить уравнительности до конца; особенно страдаетъ при этомъ качественное уравненіе. Насколько колебанія въ этомъ отношеніи бываютъ значительны, можетъ служить примѣръ Скородумской общины, гдѣ изъ двухъ домохозяйствъ съ равнымъ количествомъ ѣдоковъ, имѣющихъ право на надѣлъ, одно имѣетъ

земли второго сорта 902 кв. саж., а другое лишь 224 кв. саж. Количественное неравенство проявляется въ меньшей степени; такъ, въ той же Скородумской общинѣ, при средней нормѣ надѣла въ 1.550 кв. саж., отклоненіе въ сторону minimum'а не превышаетъ 1.515, въ сторону maximum'а—1.606 кв. саж. Какъ иллюстрацію неравномѣрности въ распредѣленіи угодій при передѣлѣ приведемъ данныя о земельныхъ надѣлахъ домохозяевъ дер. Ваполдинской [1]).

Домохозяйства.	Приходится на 1 душу земли.							
	1-го сорта.		2-го сорта.		3-го сорта.		Всего.	
	Кв. саж.	% къ средн. нормѣ	Кв. саж.	% къ средн. нормѣ.	Кв. саж.	% къ средн. нормѣ.	Кв. саж.	% къ средн. нормѣ.
1	204	56,6	816	100,0	—	—	900	76,3
2	284	79,0	760	92,7	256	164,1	1300	97,3
3	202	59,0	984	120,0	128	81,0	1324	99,9
4	204	56,6	912	111,2	244	156,4	1360	105,0
5	760	211,1	636	77,5	—	—	1396	107,5
6	428	119,0	972	120,0	—	—	1400	107,5
7	284	79,0	764	92,7	356	228,2	1404	107,5
8	496	137,7	720	87,8	260	166,6	1476	110,5
Средн. норма.	360	100,0	820	100,0	154	100,0	1336	100,0

Въ графѣ „всего", показывающей отношеніе душевыхъ паевъ къ средней нормѣ, не замѣчается большихъ колебаній; за исключеніемъ одного случая, когда величина душевого пая уменьшается на 23,7%, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ колебанія не превышаютъ: въ сторону уменьшенія противъ нормы 2,7%, въ сторону увеличенія—10,5%. Количественная уравнительность до нѣкоторой степени достигнута при передѣлѣ [2]). Но, обращаясь къ сортамъ, замѣчаемъ полное отсутствіе какой бы то ни было уравнительности. Въ земляхъ 3-го сорта неуравнительность сказывается особенно рѣзко, колеблясь въ

[1]) Заимствуемъ эту таблицу изъ нашей статьи въ „Итогахъ" etc.

[2]) Говоримъ, „до нѣкоторой степени", ибо, если принять, что на хозяйство падаетъ по 4 пая, то домохозяинъ № 1 получитъ почти на 1 десятину менѣе домохозяина № 8.

предѣлахъ 228,2%, она выступитъ еще ярче, если обратить вниманіе на то, что почти вся земля 3-го сорта распредѣлена между домохозяевами, имѣющими % земель 1-го сорта ниже нормы.

Распредѣленіе земель 1-го сорта также нельзя назвать сколько-нибудь отвѣчающимъ основной цѣли передѣловъ, такъ какъ колебанія, замѣчаемыя здѣсь, выражаются въ внушительныхъ цифрахъ: 43,4% въ сторону уменьшенія и 111,1% въ сторону увеличенія противъ нормы. Ниже помѣщаемая таблица имѣетъ цѣлью показать % отношеніе сортовъ къ общей величинѣ душевого пая по каждому домохозяйству.

Домохозяйства.	% къ велич. душевого пая.			Величина душевого пая.
	1-го сорта.	2-го сорта.	3-го сорта.	
1	20,0	80,0	—	100
2	21,8	58,5	19,7	100
3	16,0	74,3	9,7	100
4 . . .	15,0	67,1	17,9	100
5 . . .	54,4	45,9	—	100
6 . . .	30,6	69,4	—	100
7 . . .	21,6	54,4	24,0	100
8 . . .	33,6	48,8	17,6	100
Средн. норма.	26,9	61,8	11,8	100

Характеръ уравнительности достаточно выясняется сравненіемъ домохозяйствъ № 4 и № 5. Уравненіе по сортамъ сдѣлано очень грубо. Обладающіе лучшими участками по прежнему владѣютъ ими, несмотря на передѣлъ.

Подобное явленіе служитъ наилучшимъ доказательствомъ того, что во многихъ общинахъ борьба многоземельныхъ съ малоземельными, или, вѣрнѣе, между владѣльцами лучшихъ и худшихъ участковъ, еще далеко не закончилась; подъ видимымъ покровомъ уравнительной разверстки она все еще продолжаетъ существовать, принявши мелочной, но зато и болѣе упорный характеръ.

Причина этого кроется въ той медленности, съ которой вообще старыя, отжившія формы уступаютъ мѣсто новымъ. Въ данномъ случаѣ малоземельнымъ въ ихъ стремленіи къ полному уравненію угодій приходится въ значительной степени

бороться съ самими же собою, съ остатками прежняго міросозерцанія, такъ долго сидѣвшими въ ихъ умахъ. Трудовая связь между участкомъ и разработавшимъ его лицомъ, составляющая сущность эпохи индивидуальнаго владѣнія, служитъ причиной того, что населеніе, въ томъ числѣ и малоземельные, продолжаетъ смотрѣть и на мірскую землю, какъ на совокупность участковъ, разработанныхъ отдѣльными лицами, и невольно относитъ эти участки къ лицамъ, а не къ общинѣ. Оставленіе участка въ пользованіи прежняго владѣльца обусловливается не тѣмъ, что послѣдній удобрялъ его больше, чѣмъ остальные, или производилъ какія-нибудь улучшенія,—оно имѣетъ болѣе глубокіе корни и стоитъ въ прямой зависимости отъ факта разработки участка этимъ лицомъ. При всемъ этомъ существованіе такихъ общинъ, въ которыхъ права лицъ, расчистившихъ участокъ, уступаютъ требованію уравнительности, заставляетъ думать, что малоземельные, подъ усиливающимся давленіемъ нужды, излѣчатся съ теченіемъ времени отъ излишняго поклоненія трудовому праву. Доказательствомъ того, что процессъ излѣченія идетъ впередъ довольно быстро, могутъ служить отношенія, сложившіяся между крестьянами на почвѣ пользованія арендными землями. Выше приведена цитата изъ статьи г. П. Ф. В., рисующая арендные порядки у зырянъ. Согласно ей юридическій арендаторъ огромной оброчной статьи фактически служитъ только представителемъ цѣлой массы дѣйствительныхъ владѣльцевъ, расчистившихъ тѣ или другіе участки. Юридическій арендаторъ не вноситъ ничего новаго въ сложившуюся издавна форму владѣнія оброчными сѣнокосами и не извлекаетъ изъ факта аренды никакой выгоды. Такая картина отдаетъ нѣкоторымъ анахронизмомъ. При болѣе внимательномъ разсмотрѣніи оказывается, что во многихъ случаяхъ въ отношенія между юридическимъ и фактическимъ арендаторами вплелись новыя черты, совершенно измѣняющія смыслъ нарисованной г. П. Ф. В. картины. Участки сдаются юридическимъ арендаторомъ по прежнему лицамъ, расчистившимъ ихъ, и послѣдніе являются фактическими владѣльцами, но причиной такого порядка является не столько трудовое право, сколько извѣстная выгода, соединенная съ нимъ. Для юридическаго арендатора весьма важно имѣть постоянный контингентъ лицъ, которымъ можно передавать снятую статью. А именно такой контингентъ и представляютъ изъ себя крестьяне, произведшіе расчистку участковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, какъ только все болѣе обостряющаяся нужда въ сѣнокосахъ подниметъ ихъ цѣнность

и сдѣлаетъ борьбу изъ-за нихъ болѣе ожесточенной, — владѣніе по фактическому пользованію, покоящееся на трудовомъ правѣ, не устоитъ предъ желаніемъ арендатора воспользоваться усиленнымъ спросомъ и сдавать участки тѣмъ лицамъ, которыя въ состояніи дать большую плату, независимо отъ того, кѣмъ сдаваемый участокъ расчищенъ. И сейчасъ уже замѣчаются попытки лишить фактическаго арендатора дальнѣйшаго пользованія расчищеннымъ имъ участкомъ, если оно связано съ какимъ-либо неудобствомъ для юридическаго арендатора. г. П. Ф. В—й указываетъ на извѣстный ему случай, когда юридическій арендаторъ отказалъ въ арендѣ одному изъ фактическихъ участниковъ статьи и предъявилъ къ нему въ волостномъ судѣ искъ за то, что тотъ, несмотря на отказъ, самовольно выкосилъ сѣно со своего прежняго участка. Обычный судъ отказалъ въ искѣ за скошенное сѣно и тѣмъ призналъ права отвѣтчика на его прежній участокъ, обязавъ лишь аккуратно уплачивать причитающуюся плату. Для возстановленія нарушеннаго права истецъ вынужденъ былъ обратиться въ уѣздный съѣздъ. Этотъ фактъ считается названнымъ изслѣдователемъ за доказательство прочности трудового права; для насъ онъ служитъ кромѣ того показателемъ замѣчаемыхъ со стороны юридическихъ арендаторовъ попытокъ подорвать трудовой принципъ и обосновать право не трудомъ, а оффиціальнымъ документомъ.

Безкорыстіе, приписываемое тѣмъ же изслѣдователемъ юридическому арендатору, также мало по малу становится удѣломъ добраго стараго времени. Юридическими арендаторами являются мѣстные торговцы или, какъ ихъ называетъ населеніе, „купцы". Снимаемыя статьи обыкновенно настолько велики, что если на торгахъ и отсутствуютъ конкурренты, то не потому, что они считаютъ себя нравственно не въ правѣ конкуррировать въ арендѣ чужого чищенія, а единственно потому, что плата за статьи довольно велика. Со стороны лѣсного вѣдомства, изъ желанія упростить процедуру торговъ, замѣчается стремленіе сдавать огромныя оброчныя статьи одному лицу. Въ Помоздинской волости, напр., почти всѣ оброчныя статьи сосредоточены въ рукахъ двухъ мѣстныхъ богачей. Благодаря этому, за аренду приходится платить суммы, непосильныя для средняго крестьянина.

Статья передается мелкими участками крестьянамъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности дать точныя цифры, которыя показали бы разницу между арендной платой и суммой, выручаемой арендаторомъ отъ переаренды. У насъ имѣются данныя

лишь объ одной оброчной статьѣ, находящейся въ предѣлахъ Помоздинской волости.

Арендная плата — 100 руб. Площадь статьи дѣлится на 36 паевъ идущіе при сдачѣ по 5—6 руб. Выручаемая отъ переаренды сумма равна 180—216 руб. Чистый доходъ арендатора колеблется отъ 80 до 116%. Матеріалъ поселенныхъ бланковъ даетъ еще нѣкоторыя указанія, опредѣляющія доходъ отъ переаренды въ 50—70%.

Это измѣненіе въ формахъ аренды находится въ тѣсной связи—какъ съ ослабленіемъ значенія трудового принципа, такъ и съ общимъ процессомъ, съ каждымъ годомъ все болѣе вовлекающимъ районъ въ водоворотъ денежнаго хозяйства. Значеніе денегъ выступаетъ все сильнѣе, и населеніе хватается за все, что̀ можетъ ему доставить ихъ; а такъ какъ аренда однимъ лицомъ большихъ статей при передачѣ ихъ представляетъ очень благопріятную почву для удовлетворенія этого стремленія, то съ теченіемъ времени „настоящій мужикъ" изъ формальнаго арендатора, „которому даже въ умъ не приходитъ поживиться лишней копѣйкой", превращается въ заправскаго деревенскаго кулака.

Владѣніе по фактическому пользованію, помимо неуравнительности, вносимой въ разверстку земельныхъ угодій, влечетъ за собою еще очень важное послѣдствіе, именно *черезполосность владѣнія*.

Она выражается въ двухъ формахъ: внутри-селенной и между-селенной. Свободная расчистка пахатныхъ участковъ въ любомъ мѣстѣ влечетъ къ тому, что полосы каждаго домохозяина разбрасываются по всей сферѣ землепользованія деревни. Каждая новая расчистка, къ которой вынуждается растущая семья, производится, вообще говоря, не рядомъ съ существующей—этому препятствуетъ или неимѣніе свободнаго мѣста, или низкое его качество,—а въ другомъ, болѣе удобномъ мѣстѣ. Въ результатѣ, землепользованіе селенія представляется въ видѣ огромной массы мелкихъ участковъ; полосы отдѣльныхъ домохозяевъ перемѣшаны самымъ фантастическимъ образомъ. Въ дер. Великопольской у 36 домохозяевъ лишь одной мірской пахотной земли имѣется въ общей сложности 399 участковъ, т. е. по 11 уч. на домохозяйство; въ с. Устькуломскомъ на 298 домохозяевъ приходится 2.733 уч. мірской земли; въ с. Устьнемскомъ на 217 домохозяевъ — 1.734 уч. и т. д. Вмѣстѣ съ подворными землями, дробность которыхъ еще больше, число участковъ на домохозяйство возрастетъ до 15—

20, иногда даже до 25[1]). Ширина полосъ при этомъ иногда не болѣе 2—3 саженъ. Чтобы сдѣлать возможнымъ при такой черезполосности проѣздъ на полосы, крестьяне вынуждены оставлять массу межниковъ, общая площадь которыхъ доходитъ иногда до 10% всего пахотнаго землепользованія.

Между-селенная черезполосность пахатныхъ угодій проявляется въ не меньшей степени; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ она достигаетъ невѣроятныхъ размѣровъ. Такъ село Пожегъ совершенно не имѣетъ того, что̀ можетъ быть названо сферой землепользованія; пахотныя угодья разбросаны ничтожными по величинѣ участками среди пашенъ трехъ близь-лежащихъ селеній. По отношенію къ пахотнымъ угодьямъ между-селенная черезполосность имѣетъ нѣкоторые предѣлы, устанавливаемые невыгодностью обработки дальнихъ участковъ. Въ сѣнокосныхъ угодьяхъ эта невыгодность даетъ себя чувствовать несравненно менѣе; во-первыхъ—они не требуютъ, какъ пашня, вывозки удобренія, т. е. той именно работы, которая меньше всего мирится съ дальностью участка; во-вторыхъ—участки сѣнокоса расположены по берегамъ одной, много двухъ рѣкъ, и крестьянинъ, отправляясь къ дальнему участку, можетъ всѣ остальные выкосить, такъ сказать, по пути; это въ значительной мѣрѣ сокращаетъ трату времени на переходы; въ-третьихъ—доставка сѣна не связана съ большими хлопотами; дождавшись осени, наиболѣе свободнаго времени года (пока еще не началась охота), крестьянинъ сплавляетъ все сѣно по рѣкѣ на особо устроенныхъ плотикахъ[2]). Очень часто практикуется также зимняя вывозка сѣна, причемъ путями служатъ или замерзшія рѣки, или просто охотничьи тропы, слегка расширенныя и позволяющія проѣхать тамъ, гдѣ лѣтомъ, благодаря болотамъ, невозможно никакое движеніе. Крестьянинъ, разумѣется, предпочелъ бы ближайшіе участки, но онъ не можетъ сдѣлать этого, такъ какъ нужда въ сѣнокосахъ уже давно заставила занять всѣ вблизи расположенныя мѣста, въ поискахъ за свободными землями онъ, volens-nolens, долженъ уходить по рѣчкамъ за десятки верстъ отъ селенія; другого выбора нѣтъ. Благодаря этимъ обстоятельствамъ между-селенная

---

[1]) Подъ участкомъ мы разумѣемъ небольшую площадь земли, принадлежащую одному домохозяину и отдѣленную отъ другой, сосѣдней межникомъ. Въ участкѣ м. б. одна, иногда двѣ полосы.

[2]) Крестьяне с. Ношуля и окружающихъ его деревень сплавляютъ такимъ образомъ сѣно съ участковъ, отстоящихъ за 100 верстъ.

черезполосность въ сѣнокосныхъ угодьяхъ разрослась до невѣроятныхъ размѣровъ.

Когда техникамъ партіи по заготовленію переселенческихъ участковъ пришлось однажды приступить къ выдѣлу, изъ общей массы сѣнокосныхъ угодій, землепользованія каждаго отдѣльнаго селенія, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ они вынуждены были отказаться отъ выполненія своей задачи, такъ какъ это потребовало бы огромной затраты времени и труда. Со стороны населенія не замѣчается почти никакихъ попытокъ къ уничтоженію черезполосности.

Нельзя сказать, что населеніе не чувствуетъ ненормальности такого положенія; если оно не принимаетъ никакихъ мѣръ къ уничтоженію его, то главную причину этого нужно искать въ тѣхъ практическихъ затрудненіяхъ, съ которыми связано дѣло разверстки. Наиболѣе важное затрудненіе обусловливается характеромъ расположенія сѣнокосовъ по отношенію къ селеніямъ. Селенія расположены группой въ очень недалекомъ разстояніи другъ отъ друга; такъ какъ съ другой стороны сѣнокосы простираются во всѣ стороны на 50 — 60 и болѣе верстъ, то дальніе участки оказываются почти одинаково удаленными отъ всѣхъ селеній. Если участки каждаго селенія соединить путемъ обмѣна въ компактныя сплошныя массы, то въ результатѣ одни селенія будутъ пользоваться угодьями, расположенными вблизи, тогда какъ другимъ будутъ предоставлены участки, расположенные въ наиболѣе удаленныхъ частяхъ землепользованія.

Разверстка оброчныхъ сѣнокосовъ, если даже она и не найдетъ противодѣйствія въ земельно-правовыхъ воззрѣніяхъ населенія, представляетъ въ высшей степени трудную задачу. Болѣе или менѣе удачное разрѣшеніе она получитъ въ томъ только случаѣ, *если разверстка черезполосности будетъ связана съ выселеніемъ части домохозяевъ на удаленные участки.* Такое выселеніе въ концѣ концовъ должно будетъ состояться подъ давленіемъ стѣсненій въ дальнѣйшемъ расширеніи пахотнаго землепользованія вблизи существующихъ селеній. Сознаніе этого не чуждо и самимъ крестьянамъ. Случаи переселенія на свои удаленныя пожни все болѣе учащаются, и не будь стѣсненій, которыя ставятся этому лѣснымъ вѣдомствомъ, они приняли бы эпидемическій характеръ. Разверстка пахотныхъ угодій и тѣхъ изъ сѣнокосныхъ, которыя расположены въ предѣлахъ крестьянскихъ дачъ, представляетъ менѣе трудностей; здѣсь придется считаться главнымъ образомъ съ затрудненіями

въ оцѣнкѣ подлежащихъ обмѣну участковъ и съ тѣми остатками зырянскаго міровоззрѣнія, которыми обусловливается существованіе принципа владѣнія по фактическому пользованію. По мѣрѣ того, какъ земледѣліе принимаетъ все болѣе правильный характеръ, населеніе является заинтересованнымъ въ устраненіи причинъ, тормозящихъ его развитіе и описанный порядокъ несомнѣнно падетъ. Обмѣнъ полосъ замѣчается и теперь, хотя въ частныхъ, единичныхъ случаяхъ; тѣмъ не менѣе ихъ можно считать предвозвѣстниками той побѣды, которую условія правильнаго веденія хозяйства одержатъ надъ принципомъ владѣнія по фактическому пользованію.

Коренными передѣлами не исчерпываются тѣ способы, коими населеніе стремится достичь уравнительнаго распредѣленія угодій. За промежутокъ между передѣлами, составъ семьи можетъ сильно измѣниться, чѣмъ неизбѣжно нарушается соотвѣтствіе между населеніемъ двора и величиной надѣла. Чтобы сдѣлать систему коренныхъ передѣловъ болѣе гибкой и приспособить её къ непрерывно мѣняющемуся составу семьи, населеніе издавна начало практиковать *частныя уравненія* въ промежуткѣ между коренными. Суть ихъ состоитъ въ томъ, что съ семей, гдѣ произошла убыль числа душъ, снимается соотвѣтствующая часть земельнаго надѣла и распредѣляется между семьями съ прибылыми душами. Отсюда другое названіе частныхъ передѣловъ: „скидка и накидка тяголъ“. У насъ не имѣется данныхъ судить о томъ, когда частные передѣлы впервые вошли въ практику населенія, но несомнѣнно, что они не могли быть примѣняемы ранѣе, нежели ревизская разверстка вытѣснилась разверсткой по ѣдокамъ, а такъ какъ послѣдняя впервые была произведена въ 1880 году, то къ этому же приблизительно времени нужно отнести и начало появленія частныхъ уравненій. При отсутствіи опредѣленныхъ сроковъ для коренныхъ передѣловъ, которые позволяли бы знать, что черезъ опредѣленное число лѣтъ вся накопившаяся неравномѣрность будетъ разомъ уничтожена, система частныхъ уравненій неминуемо должна слѣдовать въ общинахъ вслѣдъ за переходомъ къ разверсткѣ по ѣдокамъ, такъ какъ иначе разверстка была бы уравнительной лишь по отношенію къ самому моменту передѣла.

Дѣйствительно, во всѣхъ общинахъ, перешедшихъ къ разверсткѣ по ѣдокамъ, частные передѣлы были приняты и практиковались черезъ опредѣленные сроки. Быстрое измѣненіе въ числѣ населенія требовало, конечно, и короткихъ сроковъ

между частными передѣлами. Они колебались отъ одного до трехъ лѣтъ, а въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ доходили до шести лѣтъ, причемъ почти всѣ общины до начала 90-хъ годовъ производили частныя уравненія ежегодно, а затѣмъ замѣчается переходъ къ болѣе продолжительному — 3-хъ лѣтнему сроку, пока, наконецъ, въ 1898 году частные передѣлы не были совершенно уничтожены распространившимся на Устьсысольскій уѣздъ закономъ 8 іюня 1893 года.

Скидка душевыхъ паевъ или извѣстныхъ долей ихъ производилась въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) въ случаѣ смерти одного изъ членовъ семьи, имѣвшаго за собой пай или часть его;

2) при уходѣ члена семьи на постоянное жительство въ другія мѣстности;

3) при уходѣ члена семьи въ солдаты;

4) при уходѣ члена семьи въ другую семью (замужество).

Уходъ въ солдаты, правда, не во всѣхъ общинахъ ведетъ за собою отобраніе части надѣла.

Накидка паевъ или частей ихъ производилась въ обратныхъ поименованнымъ случаяхъ и кромѣ того тогда, когда членъ семьи—въ общинахъ, гдѣ ѣдокъ ограниченъ извѣстнымъ возрастомъ—переходилъ въ возрастъ, дающій право на надѣлъ; при этомъ она производилась изъ свободныхъ паевъ, оставшихся отъ убылыхъ по тѣмъ или другимъ причинамъ душъ.

Вмѣстѣ съ фактическимъ пользованіемъ, скидка и накидка паевъ является однимъ изъ факторовъ, содѣйствующихъ образованію черезполосицы, подобной той, которая описана выше по отношенію къ сѣнокоснымъ угодьямъ Помоздинской сложной общины. Участки для набавленія на семью, берутся изъ свободныхъ земель, гдѣ бы таковыя ни оказались, безъ всякаго соображенія о хозяйственной выгодности или невыгодности участка, расположеннаго вдали отъ общей массы угодій, находящихся въ надѣльномъ пользованіи семьи или двора. Благодаря этому, землепользованіе общинъ зачастую представляетъ постоянно мѣняющуюся, какъ въ калейдоскопѣ, картину, въ которой участки одного селенія и даже одного хозяина безпрерывно мѣняютъ свое мѣсто, переходя съ одного конца дачи на другой.

Дѣлая оцѣнку частныхъ передѣловъ со стороны того значенія, которое они играли въ жизни района, мы сошлемся на свидѣтельство самого населенія. Послѣднее недовольно измѣненіемъ въ системѣ разверстки земли, установленнымъ примѣне-

ніемъ закона 8 іюня 1893 года. Въ теченія 12-ти лѣтняго срока, который установленъ указаннымъ закономъ для коренныхъ передѣловъ, возможны слишкомъ большія измѣненія въ составѣ семей, что, вызывая значительную неравномѣрность въ распредѣленіи земли сообразно съ численнымъ составомъ дворовъ, какъ бы сводитъ къ нулю тѣ результаты, которыхъ многосемейные, но малоземельные добились послѣ долгой борьбы со своими противниками. Но, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ преувеличивать послѣдствій запрещенія частныхъ передѣловъ. Если населеніе, придерживаясь принципа фактическаго пользованія, до сихъ поръ не довело еще передѣла до той высоты, на которой онъ являлся бы полнымъ уравнительнымъ распредѣленіемъ земли, если оно мирится съ показаннымъ выше и закрѣпляющимся передѣломъ различіемъ въ величинѣ душевыхъ паевъ, то тѣмъ менѣе оно должно имѣть что либо противъ запрещенія частныхъ передѣловъ, такъ какъ несоотвѣтствіе между составомъ семьи и площадью часто не болѣе, если не менѣе, несоотвѣтствія, вызываемаго примѣненіемъ принципа фактическаго пользованія.

На этомъ мы и закончимъ наше краткое изслѣдованіе тѣхъ отношеній, которыя сложились у зырянъ на почвѣ землепользованія. Заканчивая, повторимъ то, что сказали въ началѣ: главной задачей для насъ была передача фактическаго матеріала, накопившагося за время жизни среди зырянъ, и посильная систематизація этого матеріала. Разнообразныя формы земельныхъ отношеній намъ хотѣлось привести въ связь, установить ту хронологическую послѣдовательность, съ которой одни изъ нихъ смѣнялись другими. Замѣтивъ связь между ними и разнообразными формами хозяйственной жизни, мы попытались выяснить эту зависимость. Изъ всего сказаннаго мы сдѣлаемъ лишь одинъ выводъ. Сравнивая изложенное съ тѣмъ, что встрѣчается въ области земельныхъ отношеній у другихъ инородцевъ, главнымъ образомъ Сибири, приходится констатировать, что на огромномъ протяженіи, отъ востока къ западу, отъ береговъ Тихаго океана до Онежскаго озера, земельныя отношенія развивались подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же факторовъ, въ тѣсной зависимости отъ смѣнявшихъ одна другую хозяйственныхъ формъ; и поскольку эти формы по своему характеру и послѣдовательности сходны у всѣхъ инородцевъ,—а различались они весьма въ немногомъ—сходны и самыя формы зе-

мельныхъ отношеній. Зыряне не представляютъ въ этомъ отношеніи ничего своеобразнаго, и все то, чтó изложено выше, позволяетъ присоединить ихъ къ общему пути, по которому, медленно прогрессируя, шли, а мѣстами еще и теперь идутъ, инородцы Россіи.

Имѣя въ виду и ту практическую цѣль, что предлагаемый матеріалъ можетъ сослужить нѣкоторую службу лицамъ, на долю которыхъ выпадетъ поземельное устройство зырянъ—если только эти лица заглянутъ въ предлагаемый очеркъ—мы скажемъ слѣдующее. Опытъ всего того, чтó пришлось пережить зырянамъ, показываетъ, какъ вредно отзываются на правильномъ развитіи хозяйства неустойчивыя, непрерывно мѣняющіяся юридическія формы владѣнія землею. Но когда выступитъ на сцену приведеніе въ порядокъ и прочное установленіе этихъ формъ, то нужно помнить, что характеръ поземельнаго устройства—отъ опредѣленія величины земельныхъ надѣловъ, до самой конфигураціи ихъ, играетъ не меньшее значеніе. Земельныя отношенія зырянъ еще не закончились въ своемъ развитіи, точно также не закончился и процессъ измѣненія хозяйственныхъ формъ. Подсѣчное хозяйство еще живо, трехполье существуетъ пока еще въ крайне неправильномъ видѣ; дешевизна труда еще мирится съ разбросанностью угодій; слѣдующая стадія развитія хозяйства будетъ стоять въ тѣсной связи съ уменьшающимся просторомъ и съ непрерывно растущей дороговизной труда, и выразится въ стремленіи все болѣе концентрировать угодія вблизи селеній. И это должно имѣть въ виду будущимъ дѣятелямъ поземельнаго устройства зырянъ. Поземельное устройство не должно ставить преградъ хозяйственной дѣятельности населенія. Являясь однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ факторовъ въ этомъ отношеніи, поземельное устройство должно способствовать уже намѣтившемуся процессу эволюціи хозяйства. Пусть эти дѣятели помнятъ печальный примѣръ сосѣдняго Никольскаго уѣзда, гдѣ поземельное устройство, производившееся предписаніями изъ канцелярій, внѣ всякой зависимости отъ указаній жизни, закрѣпило переходныя формы землепользованія населенія и лишило возможности легко, безъ ломокъ перейти къ новымъ формамъ хозяйства, необходимость которыхъ выдвинулась измѣнившимися условіями жизни.

М. А. Большаковъ.

Прошлое и настоящее Сеистана.

Очеркъ.

(*Окончаніе*).

Почва населеннаго и пустыннаго Сеистана аллювіальная, отличающаяся замѣчательнымъ плодородіемъ. Небольшіе камни и гравій встрѣчаются лишь на выси Сенгберъ. Существуетъ мнѣніе, что Сеистанъ плодороднѣе Египта. Несомнѣнно, что при лучшемъ устройствѣ орошенія, иной системѣ взиманія податей и введеніи, какъ и во всей остальной Персіи, земельной собственности, производительность Сеистана, благодаря сравнительному обилію воды и жаркому климату, была-бы по истинѣ изумительна.

Даже въ плохой, по мѣстнымъ понятіямъ, годъ сеистанскимъ хлѣбомъ кормятся всѣ сосѣднія персидскія и, не смотря на запрещеніе вывоза зерна, афганскія и индійскія области.

Ровный, изрѣзанный многочисленными каналами и покрытый густою сѣтью селеній Сеистанъ въ общемъ бѣденъ растительностью. Лишь восточная прихильмендская его часть покрыта густыми зарослями тамарикса, достигающаго здѣсь высоты до 3-хъ саженей. Среди этихъ, трудно проходимыхъ, джунглей разбросано 119 селъ, деревень и поселковъ.

При 146-ти селеніяхъ остального Сеистана имѣются небольшіе, въ общемъ молодые сады, состоящіе изъ яблонь, сливъ, аннабовыхъ (jujube), миндальныхъ, фиговыхъ деревьевъ, гранатовыхъ кустовъ, финиковыхъ пальмъ, апельсинныхъ (очень мало) деревьевъ и виноградныхъ лозъ. Ива насажена вдоль нѣкоторыхъ каналовъ. Вокругъ нѣкоторыхъ селеній вовсе нѣтъ другой растительности, кромѣ верблюжьей колючки и травы виртѐ, считающейся слабительнымъ средствомъ для лошадей, прекрасно, не смотря на утвержденія многихъ путешественниковъ, переносящихъ сеистанскій климатъ. Конолли, приводящій причиною отсутствія садовъ въ Сеистанѣ неумѣніе туземцевъ

разводить таковые, замѣчаетъ, что нѣтъ никакихъ естественныхъ причинъ того, чтобы сады не процвѣтали въ Сеистанѣ.

Приведенное мнѣніе совершенно вѣрно, но истинная причина недостаточнаго развитія садоводства, земледѣлія и огородничества въ Сеистанѣ заключается прежде всего въ отсутствіи въ этой странѣ земельной собственности, а затѣмъ въ вымогательствѣ мѣстнаго правителя.

Въ Сеистанѣ, за исключеніемъ правителя и нѣсколькихъ муллъ, земельныхъ собственниковъ нѣтъ, а есть лишь временные владѣльцы земли, считающейся собственностью персидскаго государства. Мѣстный правитель раздаетъ земельные участки по своему усмотрѣнію во временное владѣніе тому, кто больше дастъ.

Въ виду постоянной продажи и перепродажи управленія селевіями, дающей до 50.000 тумановъ (85.000 руб.) мѣстному правителю въ годъ, сеистанцы, не увѣренные въ томъ, что они воспользуются плодами своихъ трудовъ и будутъ отдыхать подъ тѣнью посаженныхъ ими деревьевъ, не увеличиваютъ запашекъ, не разводятъ ни садовъ, ни огородовъ, а ограничиваются лишь самымъ необходимымъ.

Взиманіе правителемъ вмѣсто установленной обычаемъ трети урожая около двухъ третей—тоже не поощряетъ сеистанскихъ земледѣльцевъ заниматься садами и огородами.

Вслѣдствіе сего, въ Сеистанѣ не обработывается и $^{1}/_{20}$ часть годныхъ къ всевозможной культурѣ земель, и сѣется лишь пшеница, ячмень, джугара (родъ маиса), хлопокъ, арбузы и дыни. Даже лука въ Сеистанѣ нѣтъ. Привозится онъ изъ Бирджанда за 400 верстъ. Изъ Индіи и Решта привозится въ Сеистанъ и рисъ, процвѣтавшая когда-то раньше культура котораго совершенно забыта нынѣ въ Сеистанѣ.

Не смотря на первобытные способы и орудія обработки почвы урожаи хлѣба столь хороши, что Сеистанъ является житницей не только Хорасана, но и сопредѣльныхъ областей Персіи, Афганистана и Индіи.

Кромѣ земледѣлія, источниками богатства Сеистана служатъ скотоводство, охота на водяную дичь и рыболовство.

До 100.000 головъ прекраснаго рогатаго скота породы зебу пасется въ водахъ Нейзара и Хамуна, среди сочнаго молодого тростника и осоки. Собственники рогатаго скота (гоудары) ведутъ легкую, безпечную, кочевую жизнь; живутъ они въ 39 становищахъ по берегу Нейзара въ шалашахъ изъ тростниковыхъ плетеновъ, или просто охаповъ тростника и

осоки. Въ обмѣнъ на молоко, масло и работу своихъ быковъ во время земледѣльческихъ работъ, гоудары получаютъ съ пахарей зерно и не знаютъ никакихъ заботъ съ своими коровами и быками, аккуратно выходящими на пастьбу безъ пастуховъ, когда солнце нагрѣетъ воду, и также аккуратно возвращающимися къ шалашамъ своихъ хозяевъ, незадолго до заката солнца. Гоудары, смѣясь, говорятъ, что сеистанскіе земледѣльцы работаютъ для нихъ. Сеистанскій рогатый скотъ кромѣ работъ на полѣ служитъ и для перевозки клади. Сеистанскіе быки и коровы прекрасно переплываютъ большія пространства и замѣчательно ловко справляются съ сильнымъ теченіемъ Хильменда. До 5.000 головъ сеистанскаго рогатаго скота гонится ежегодно въ Мешедъ, Керманъ и Исфаганъ. На возможность пригона сеистанскаго скота прямымъ путемъ на Серахсъ для дальнѣйшаго распредѣленія по нашимъ военнымъ гарнизонамъ Мерва и Асхабада для убоя своевременно было указано.

Преимущественно въ Мешедъ и оттуда въ Россію вывозится изъ Сеистана значительное количество бычачьихъ кожъ.

Мелкаго скота: барановъ, овецъ и козъ насчитывается у осѣдлаго и кочевого населенія Сеистана около полмилліона головъ. Шерсть, овчина и козлина составляютъ важную статью отпускной торговли Сеистана съ Мешедомъ и Бендеръ-Аббасомъ.

Сеистанскіе охотники-сеяды бьютъ водяную птицу, милліонами зимующую на Нейзарѣ и Хамунѣ, и ловятъ рыбу.

Пухъ и перо, среди коихъ особенно цѣнится лебяжій пухъ, вывозятся въ Мешедъ и Тегеранъ, а дичь обмѣнивается на мѣстѣ на зерно и бумажную ткань кербазъ. Сушеная рыба почти вся продается въ Афганистанъ. Хамунъ и Нейзаръ раздѣлены на опредѣленные охотничьи участки. Нельзя не удивляться мѣткости сеистанскихъ стрѣлковъ-охотниковъ и ихъ безстрашію въ обращеніи съ перевязанными веревочками самопалами. Порохъ выдѣлывается въ Сеистанѣ въ селеніяхъ Чиллингѣ, Нейгердѣ и Богекѣ. Вслѣдствіе безпечности пороховыхъ дѣлъ мастеровъ, иногда цѣлая семья ихъ взлетаетъ на воздухъ или увѣчится.

Кромѣ пороха, избытокъ котораго вывозится даже въ Мешедъ, сеистанцы-персы изготовляютъ хлопчато-бумажную ткань кербазъ, а белуджи ткутъ прочные, но некрасивые ковры. Мѣстная промышленность вообще развита очень слабо. Сеистанъ безъ привозныхъ товаровъ существовать не можетъ. Въ лучшемъ положеніи находится торговля.

Сеистанъ съ своимъ 100.000 населеніемъ представляетъ небольшой, но вѣрный и выгодный рынокъ для сбыта мануфактуры (ситцы, коленкоръ, миткаль), стеклянной и фарфоровой посуды, желѣза, ножеваго, мелочнаго и галантерейнаго товара, керосина, сахара и чая, въ обмѣнъ на мѣстное сырье: шерсть, коровье топленое масло, овчину, козлину, бычачьи шкуры, пухъ и перо и мѣстный рогатый и мелкій скотъ.

Благодаря своему географическому положенію въ узлѣ караванныхъ дорогъ, соединяющихъ Индію, Персію, Афганистанъ и наши среднеазіатскія владѣнія черезъ Серахсъ, Сеистанъ имѣетъ важное торговое значеніе въ качествѣ распредѣлительнаго центра товаровъ.

Оцѣнившіе это англичане провели изъ Кветты черезъ Нушки въ Сеистанъ караванную дорогу, естественную предшественницу желѣзнодорожнаго пути, въ надеждѣ ввозить по ней товары изъ Индіи и вывозить сеистанское сырье. Но надежды эти не оправдались. Путь по белуджской пустынѣ, съ плохимъ водоснабженіемъ, оказался слишкомъ долгимъ, тяжелымъ и дорогимъ. Послѣ первыхъ же опытовъ 1900 и 1901 гг., несмотря на широкія правительственныя льготы и субсидіи, товарное движеніе по Нушкинской дорогѣ упало съ 1.200.000 рупій на 500.000 рупій. Никакія искусственныя, дорого стоющія мѣры не помогли, и въ слѣдующемъ году повторилось то же явленіе, т. е., товарное движеніе выразилось тою же цифрою въ 500.000 рупій. Уменьшеніе падаетъ главнымъ образомъ на привозные товары, не соотвѣтствующіе мѣстному вкусу, дорогіе и очень плохого качества. Большая часть товаровъ — плохіе германскіе фабрикаты. Хорошія же англійскія издѣлія слишкомъ дороги для мѣстнаго населенія. Вывозъ же товаровъ по Нушкинской дорогѣ изъ Персіи въ Индію возросъ. Среди нихъ есть наши ситцы, молескинъ, фарфоровая и стеклянная посуда и средне-азіатскій капаусъ. Слѣдовательно, Нушкинская дорога больше служитъ торговымъ интересамъ Персіи, чѣмъ Великобританіи.

Русскіе мануфактурные товары, благодаря прочности красокъ, добротности, соотвѣтствію вкусамъ туземцевъ и сравнительной дешевизнѣ, сами собою проложили себѣ черезъ Себзеваръ и Мешедъ путь въ Сеистанъ.

Я уже засталъ въ Сеистанѣ лавку англійско-подданнаго купца, торговавшаго исключительно русскою мануфактурою. Усиліямъ вице-консульства положить основаніе раціональной русской торговлѣ суждено было увѣнчаться успѣхомъ, благодаря горячему содѣйствію учетно-ссуднаго банка Персіи. Въ концѣ

мая 1903 года въ Сеистанъ прибылъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія (недостатокъ корма по дорогѣ, жаркое время и широкое въ 25—30 верстъ ширины разлитіе Хамуна), первый караванъ изъ десяти фургоновъ съ русскими товарами. Съ тѣми же товарами пришло затѣмъ изъ Мешеда около 300 верблюдовъ.

Противъ англійскаго каравансарая въ селеніи Хусейнабадѣ былъ открытъ русскій магазинъ, бойко торгующій въ настоящее время. Затѣмъ русскія лавки открыты были въ г. Нусретабадѣ и селеніи Бунджарѣ. Русскіе товары покупаются не только для Сеистана, но для Афганистана и Индіи. На основаніи опыта можно смѣло сказать, что въ торговомъ отношеніи Сеистанъ тяготѣетъ къ сѣверной Персіи, заполненной русскими товарами, а не къ Индіи. Благопріятнымъ условіемъ для этого служитъ, помимо вышеупомянутыхъ качествъ русскихъ товаровъ, то обстоятельство, что караванныя дороги, связывающія Себзеваръ и Мешедъ съ Сеистаномъ черезъ Бирджандъ и Хафъ, проходятъ по населенной мѣстности.

Необходимо замѣтить, что въ Сеистанѣ кромѣ жалкаго базара въ 53 лавки въ г. Нусретабадѣ другихъ базаровъ нѣтъ. Отдѣльныя лавки имѣются въ наиболѣе крупныхъ селеніяхъ: Хусейнабадѣ, Бунджарѣ, Чиллингѣ, Девлетабадѣ и Дехи Достъ-Мухаммедъ Ханъ.

Въ сеистанской торговлѣ есть одно печальное явленіе—это работорговля. Черные, а иногда и бѣлые рабы, доставляемые изъ Белуджистана, продаются на мѣстѣ и высылаются въ Хорасанъ и другія области Персіи совершенно открыто. Почти у каждаго сеистанскаго кетхуды (сельскаго старосты) имѣются рабъ и рабыня. Средняя цѣна сильнаго, молодого раба отъ 50 до 80 тумановъ (1 туманъ—1 р. 70 коп.—1 р. 80 коп.). Рабыни цѣнятся дешевле. Обращеніе съ рабами очень гуманное.

Сеистанскіе охотники (сеяды), укрывшіеся во время Тимурова нашествія на своихъ тутинахъ (небольшой плотъ, связанный изъ молодого тростника) и роднящіеся лишь между собою, сохранили наиболѣе чистый арійскій типъ древнихъ персовъ. Ихъ всего около 500 семействъ.

Хотя всѣ сеистанцы вообще считаютъ себя прямыми потомками Рустема, но вышеизложенныя событія не могли не повліять на этнографическій составъ населенія Сеистана. Современные сеистанцы представляютъ изъ себя смѣсь аборигеновъ страны арійцевъ съ афганскими выходцами иранскаго племени, арабовъ, афганцевъ и белуджей. Представители каждаго изъ этихъ элементовъ имѣются и въ настоящее время. Белуджи за-

нимаютъ восточный, прихильмендскій районъ и юго-восточную часть Сеистана съ селеніями Калаи-Кухнé, Калаи-Нау, Аліабадъ и Кимекъ. Главнѣйшія племена белуджей: Наруй, Санджарані и Саруні.

Персидскій элементъ представленъ пришедшими изъ западной и юго-западной Персіи племенами Сербенді, Шахрекі и Химмеръ (искаженное изъ Камберъ) и цѣлымъ рядомъ мелкихъ родовъ, вышедшихъ изъ Афганистана и сосѣдняго Каината.

Муллы, сеиды и племя покойнаго Миръ Аббаса Калантара считаютъ себя прямыми потомками арабовъ.

Жители селенія Бурджи-Афганъ считаютъ себя чистыми афганцами. Немало въ Сеистанѣ и иранизированныхъ монголовъ-берберовъ.

Двѣ трети сеистанскаго населенія—шіиты, а треть (белуджи и афганцы)—сунниты. Никакой религіозной вражды между ними нѣтъ, и шіиты не только прекрасно уживаются рядомъ съ суннитами, но даже роднятся съ ними, при чемъ сунниты дѣлаются шіитами. Начальники белуджскихъ племенъ Наруй и Санджарани сердары Саидъ-Ханъ и Ханъ Джанъ-Ханъ—шіиты, что однако нисколько не вліяетъ на безпрекословное повиновеніе имъ ихъ единоплеменниковъ.

Господствующій языкъ—персидскій особаго, мѣстнаго жаргона съ произношеніемъ на „у", съ значительнымъ количествомъ старо-персидскихъ словъ, употребляемыхъ таджиками Бухары и нашихъ среднеазіатскихъ владѣній.

Языкъ сеистанскихъ белуджей—несомнѣнно арійскій и ничего общаго съ языкомъ белуджей брахуй не имѣетъ. Письменнаго белуджскаго языка нѣтъ, и грамотные белуджи не только Сеистана, но и всего Белуджистана пишутъ по персидски.

Белуджи подсмѣиваются надъ трусостью и слабостью персовъ, но, сами того не замѣчая, подпали подъ ихъ культурное вліяніе и постепенно утрачиваютъ свой кочевой образъ жизни, языкъ и религію, какъ это видно изъ примѣра вышеупомянутыхъ белуджскихъ племенъ, осѣвшихъ въ Сеистанѣ и превратившихся изъ прежнихъ разбойниковъ въ мирныхъ землевладѣльцевъ и торговцевъ.

Пищей сеистанцевъ служитъ прежде всего хорошій, лучшій въ Персіи, пшеничный хлѣбъ, затѣмъ, арбузы, дыни, виноградъ, куриныя яйца, молоко и его продукты (простокваша, сушеный творогъ), а по большимъ праздникамъ—баранина, говядина, верблюжье и ослиное мясо.

Дома строятся изъ сырцоваго кирпича съ куполообразными

крышами. Въ богатомъ же джунглями прихильмендскомъ районѣ— изъ тамариксовыхъ плетней, обмазанныхъ глиной.

Масса сеистанскаго населенія — смирный, трудолюбивый и забитый народъ. Кетхуды (сельскіе старшины) муллы и сеиды, составляющіе, смотря по состоянію, средній и высшій классы — довольно безпокойный, алчный и властолюбивый элементъ. Всѣ они большіе политиканы. Почти всякую бесѣду они сводятъ на разсужденія о политикѣ „четырехъ государствъ" (т. е. Россіи, Англіи, Персіи и Афганистана).

Деревенскія женщины замужнія белуджки не закрываются. Сеистанки играютъ большую роль въ семейной жизни. Онѣ по большей части властвуютъ надъ своими мужьями, которыхъ зачастую бьютъ, спорятъ и даже дерутся со сборщиками податей. Сеистанки очень чадолюбивы, и на пріемахъ врача я наблюдалъ заботливыхъ матерей, приводившихъ въ качествѣ глупыхъ, неразумныхъ, ничего не понимающихъ дѣтей (бачé) здоровенныхъ, взрослыхъ, бородатыхъ, по большей части, женатыхъ уже парней.

Въ селеніяхъ нѣтъ раздѣленія мужского отъ женскаго общества. На свадьбахъ танцуютъ всѣ вмѣстѣ мужчины и женщины.

Сеистанцы и сеистанки очень влюбчивы; разводы и новыя свадьбы по любви, а равно и всевозможныя романическія исторіи очень часты.

Въ административномъ отношеніи, для большаго удобства сбора причитающейся мѣстному правителю — сатрапу $^1/_3$ урожая, Сеистанъ раздѣленъ на четыре округа: Пушти-Абъ (западная и сѣверозападная части), Шиби-Абъ (южная часть), Шахреки и Наруй (юговосточная часть) и Міянъ-Кенгй (прихильмендскій раіонъ—восточная часть).

Во главѣ каждаго селенія, или группы селеній стоитъ кетхуда (старшина), наслѣдственная власть коихъ почти утратилась благодаря упомянутой выше продажѣ и перепродажѣ управленія селеніями. Кетхуда обязанъ помимо взятокъ (ширинисладости) и податей доставлять правителю опредѣленное количество вооруженныхъ всадниковъ и помогать деньгами. Къ послѣдней помощи сеистанскій правитель прибѣгаетъ во время пріѣзда въ Сеистанъ командируемыхъ персидскимъ правительствомъ лицъ и въ случаѣ какихъ-нибудь недоразумѣній съ послѣдними. Въ каждомъ селеніи имѣются: глашатай (наукаръ), объявляющій приказы кетхуды, пропажи и находки; охранитель посѣвовъ (мишкаръ), цирульникъ (сальманъ), плотникъ, слесарь, изготовитель рѣшетъ, погонщикъ ословъ (чарвадаръ) и сапожникъ. Всѣ эти лица, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ, получаютъ

отъ своихъ односельчанъ за свой трудъ опредѣленное количество зерна въ годъ. Подать натурою полагается также кетхудѣ и сборщикамъ податей: тахвильдару (пріемщику), мушрифу (опредѣлителю количества урожая) и сери-мушрифу (начальнику мушрифовъ).

Муллы и сеиды распредѣлены неравномѣрно: въ нѣкоторыхъ селеніяхъ ихъ много, а въ иныхъ и совсѣмъ нѣтъ. Ни вліяніемъ, ни значеніемъ сеистанскіе муллы не пользуются. Между муллами изъ сеидовъ и простыми муллами существуетъ извѣстный антагонизмъ. Къ религіозному вопросу сеистанцы относятся довольно безразлично и совершенно не фанатичны.

Доходы, получаемые сеистанскимъ правителемъ, состоятъ: изъ сбора съ рогатаго скота по 1 крану (17—18 коп.) съ головы, съ мелкаго скота по 1 крану съ 15-ти головъ, съ терьяка (опіума), изъ подати, платимой сеядами (охотниками) по 1 туману съ семьи въ годъ, изъ взятокъ за отдачу въ управленіе селеній, и $^1/_3$ урожая. Все это составляетъ въ обычный годъ, при нормальныхъ цѣнахъ на зерно 5 тумановъ—1 шохскій харворъ пшеницы ($37^1/_2$ п.), т. е., 24 коп.—1 пудъ, и 3 тумана за то же количество ячменя, т. е. 13 коп. 1 пудъ, отъ 160 до 165 тысячъ тумановъ, т. е. отъ 288 до 295 тысячъ рублей.

Сумма эта увеличивается почти въ четыре раза, благодаря искусственному повышенію цѣнъ на зерно, практикуемому правителемъ все чаще и чаще.

Земельною единицею служитъ „пагаў", т. е. земельный участокъ, обрабатываемый парою быковъ при 6-ти или 8-ми земледѣльцахъ. На 1 пагау сѣется обыкновенно 3 харвора зерна ($^2/_3$ пшеницы и $^1/_3$ ячменя), дающихъ 30 харворовъ урожая. Въ наиболѣе богатомъ водою Міянъ-Кенги 8 человѣкъ сѣютъ на 1 пагау отъ 4-хъ до 6-ти харворовъ и снимаютъ отъ 80 до 120 харворовъ. 1 пагау=10 десятинамъ. Ежегодный посѣвъ въ Сеистанѣ разсчитывается на 4000 пагау.

Способъ взиманія урожая слѣдующій. Въ началѣ апрѣля мѣсяца мушрифы опредѣляютъ количество урожая. Мушрифы каждаго изъ вышеперечисленихъ округовъ подчинены серимушрифу, назначаемому за взятку отъ 1500 до 2000 тумановъ лишь на одинъ годъ.

Послѣ жатвы въ началѣ іюня, вымолоченное зерно складывается въ гумна (харманы). Къ нимъ прикладываются глиняныя печати мушрифовъ. Сери-мушрифъ выдѣляетъ изъ каждаго гумна причитающуюся правителю третью часть и передаетъ ее пріемщику правителя (тахвильдару). Пересыпка производится мѣдною чашкою „кейль" ёмкостью въ 10 сеистан-

скихъ меновъ [1]) или пустою тыквою въ 5 меновъ. Пріемщикъ получаетъ съ каждаго хармана (гумна) 1 большой кейль (10 сеист. или шахскихъ меновъ) зерна. Пріемщики, коихъ на весь Сеистанъ 6, 7 человѣкъ, сообщаютъ правителю о количествѣ принятаго ими зерна.

Съ 1 пагау, при минимальномъ расчетѣ урожая въ 30 харворовъ, правителю уплачивается $^1/_3$—10 харворовъ, а разныхъ сборовъ сборщикамъ податей, кетхудѣ и пр. 1,85 харвора. Такимъ образомъ на долю земледѣльца остается 18,15 харвара, т. е. 114$^3/_8$ пуда на человѣка съ семьей изъ жены и 2-хъ дѣтей.

При такихъ условіяхъ масса сеистанскаго населенія еле перебивается отъ жатвы до жатвы. У правителя же и кетхудъ всегда имѣются большіе запасы зерна, сохраняемаго въ землѣ на глубинѣ 1$^1/_2$—2 футовъ. Средній урожай, при минимальной оцѣнкѣ, можно опредѣлить въ количествѣ около 3-хъ милліоновъ пудовъ въ годъ, при чемъ изъ этого количества $^2/_3$ пшеницы и $^1/_3$ ячменя.

Персы называютъ Сеистанъ полнымъ зерна адомъ.

Дѣйствительно, климатъ и жизненныя условія Сеистана мало привлекательны: жара, стодвадцатидневный вѣтеръ, дующій съ апрѣля по августъ мѣсяцъ, малая растительность и отсутствіе овощей, миріады москитовъ, мухъ и осъ, обиліе ядовитыхъ змѣй и скорпіоновъ—составляютъ настолько отрицательныя качества Сеистана, что у персовъ эта страна до сего времени служитъ мѣстомъ ссылки.

Двухлѣтнія метеорологическія наблюденія врача вице-консульства Андрея Яковлевича Миллера, регулярно сообщавшіяся въ Главную Физическую Обсерваторію, указываютъ на сухой, жаркій климатъ и сильный, по большей части, сѣверо-западный вѣтеръ.

Очень тяжелымъ дѣлается сеистанскій климатъ въ періодъ засухи, наблюдаемый мѣстнымъ населеніемъ почти каждыя тридцать (30) лѣтъ.

Въ засуху 1902 г., когда Хильмендъ высохъ совершенно почти отъ Рудбара, сѣверо-западный вѣтеръ, не освѣжаемый водами Нейзара, несъ цѣлыя тучи раскаленной пыли, противъ которой не помогали никакія окна и двери. Все населеніе пило скверную, подпочвенную колодезную воду, достававшуюся съ глубины 2-хъ—3-хъ аршинъ. Масса рогатаго скота и дикихъ кабановъ прихильмендскаго района погибла отъ жажды, а рыба отъ безводья, наполнивъ воздухъ зловоніемъ гніющихъ труповъ.

Въ серединѣ сентября, ко времени посѣвовъ, благодаря

[1]) 1 сеистанскій или шохскій менъ = 15 фунтамъ.

необычнымъ обильнымъ дождямъ, Хильмендъ широко разлился и къ марту 1903 года заполнилъ своими водами не только Нейзаръ и Хамунъ, но и заполнилъ по протоку Шиле значительную часть впадины Гоуди—Зире.

Въ 1900, 1901 годахъ я переходилъ Хамунъ посуху, а въ концѣ іюля мѣсяца 1903 года, на пути въ Мешедъ, то же пространство въ 25—30 верстъ между Ляби—Беренгомъ и селеніемъ Афселлабадомъ проѣхалъ на тутинѣ, при чемъ лошади, шедшія въ поводу сзади тутиновъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ плыли.

Въ обильный водою періодъ Сеистанъ обращается въ островъ. Каналы широко разливаются, и жители лихорадочно возводятъ иногда безуспѣшно плотины для защиты своихъ посѣвовъ и жилищъ отъ разрушительнаго дѣйствія воды.

Трехлѣтнія наблюденія того же врача надъ больными, во множествѣ приходившими въ амбулаторію вице-консульства не только изъ сеистанскихъ селеній, но и изъ сосѣднихъ областей Персіи, Белуджистана и Афганистана, указываютъ на то, что туземцы больше всего страдаютъ отъ глазныхъ заболѣваній, составляющихъ, по мнѣнію врача Миллера, истинный бичъ для мѣстнаго населенія.

Еще Конолли отмѣтилъ эту неблагопріятную особенность Сеистана, написавъ, что каждый пятый человѣкъ страдаетъ глазами, трахома развита въ Сеистанѣ чрезвычайно сильно.

Среди другихъ болѣзней заслуживаютъ вниманія сифилисъ и всевозможныя формы туберкулеза среди кочевыхъ белуджей. Широкое распространеніе среди нихъ этой неизлѣчимой болѣзни, быть можетъ, указываетъ на вымираніе упомянутой народности.

Ни мѣстной сеистанской лихорадки, ни острыхъ заразныхъ болѣзней въ Сеистанѣ не наблюдалось, кромѣ случаевъ, занесенныхъ изъ другихъ провинцій Персіи и Индіи.

Тяжелыя для персовъ изъ Мешеда и Тегерана, жизненныя и бытовыя условія Сеистана въ особенности тягостны для европейцевъ.

Вслѣдствіе отсутствія дерева, низкія, жидкія двери приходилось доставать изъ Хафской провинціи и Афганистана, нужно было учить мѣстныхъ плотниковъ, безъ инструментовъ и матеріала, сколачивать столы изъ багажныхъ ящиковъ, издалека выписывать оконныя рамы и стекла и т. п.

Внутренняя побѣлка домовъ алебастромъ до пріѣзда русскаго консула была неизвѣстна. Равнымъ образомъ не были извѣстны оконныя стекла.

Въ безвѣтренное время днемъ досаждаютъ мухи и осы, а

ночью москиты и комары. Когда же задуетъ вѣтеръ, то для огражденія отъ повсюду проникающей пыли нужно закупориваться въ душныхъ помѣщеніяхъ. Знаменитыя сеистанскія блохи въ особенности кровожадны весною во всякую погоду.

Можно пожалѣть, что сеистанскій правитель XI вѣка по Р. Хр. Халафъ ибнъ Ахмедъ Саффаридъ, приказавшій ловить сеистанскихъ ядовитыхъ змѣй и бросать ихъ при помощи особыхъ метательныхъ машинъ въ своихъ враговъ, не переловилъ окончательно этихъ опасныхъ гадовъ. Ежегодно нѣсколько десятковъ сеистанцевъ погибаютъ отъ змѣиныхъ укусовъ.

Неосторожное обращеніе съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, иногда умышленное, составляетъ одну изъ отрицательныхъ сторонъ сеистанской жизни.

Легче попасть въ человѣка, чѣмъ въ маленькую птичку, говорятъ сеистанцы...

Несмотря на вышеизложенныя неудобства сеистанской жизни, мѣстное населеніе оставило во мнѣ наилучшую память.

Въ послѣднее время персидское правительство, уже раньше многое сдѣлавшее для умиротворенія Сеистана, принимаетъ всѣ зависящія отъ него мѣры въ цѣляхъ болѣе тѣснаго слiянія этой страны съ остальнымъ Ираномъ.

Посылаются чиновники особыхъ порученій, учреждены почта и таможня, находящіяся въ завѣдываніи бельгійцевъ, и проведенъ русскимъ телеграфнымъ механикомъ княземъ Вачнадзе изъ Мешеда въ Сеистанъ черезъ Хафъ, Каинъ и Бирджандъ персидскій телеграфъ.

Съ открытіемъ наканунѣ новаго 1904 года сеистанской телеграфной станціи съ русскимъ телеграфистомъ, можно надѣяться, что связь Сеистана съ Хорасаномъ будетъ закрѣплена, и власть центральнаго персидскаго правительства въ этой отдаленной юго-восточной окраинѣ Персіи будетъ окончательно упрочена на благо мѣстнаго населенія.

А. Миллеръ.

ПЕРЕЧЕНЬ ИСТОЧНИКОВЪ.

1) Sir H. Pottinger. Travels in Baloochistan and Sind 1816. Стр. 406—411 описаніе пути капитана Кристи изъ Нушки въ Гератъ черезъ Сеистанъ,

2) Captain Grant его дневникъ путешествія по Мекрану, Белуджистану и Сеистану, изданный въ 1829 г.

3) Captain Edward Conolly. Sketch of the physical geography of Seistan with a map. Journal of the Asiatic society of Bengal V. IX (1840 г.) стр 710 -726.

4) Его-же Journal kept while travelling in Seistan. V. X. (1841 г.) Journal of the Asiatic Society of Bengal стр. 319—340.

5) Lieutenant Leech. A description of the Country of Seisthan. Тотъ же журналъ за 1844 г. V. XIII стр. 115—121.
6) The Journal ot the Royal Geographical Society V. XIV (1844 г.) съ разсказомъ объ убійствѣ въ Сеистанѣ въ 1841 г. д-ра Форбса.
7) Ferrier. Caravan Journeys главы XXVII и XXVIII.
8) Nikolas Khanikoff. Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie Centrale. Paris L. Martinet 1861 г. Стр. 153—164.
9) В. В. Григорьевъ, О скиѳскомъ народѣ Сакахъ 1871 г. С.-Петербургъ.
10) Major-General F. J. Goldsmid. Journey from Bandar-Abbas to Mash-had by Sistan with some account of the last named province. Journal of the Royal Geographical Society Vol. XLIII. 1873 г. Стр. 65—83.
11) Major-General H. C. Rawlinson. Notes on Seistan. Тотъ же томъ того же журнала. Стр. 272—294.
12) D-r Bellew. Record of the Seistan Mission 1872. Official Publication.
13) Его-же „From the Indus to the Tigris" a narrative of a journey through the countries of Balochistan, Afghanistan, Khorassan and Iran in 1872. London Trübner & C°. 1874. 1 Vol.
14) Major Lovett. Visit to the Kuh-i-Khwaja. Journal of the Royal Geographical Society. V. XLIV. 1874 г. стр. 145.
15) Eastern Persia an account of the Journeys of the Persian Boundary Commission 1870—71—72. London Mac Millon & C°. 1876 г. 2 Vol.
16) Petermann's Mittheilungen 1873 г. стр. 149—150; 1874 г.—стр. 59—63; 1877 г.—стр. 66—72; 1878 г. стр. 25—29.
17) Globus Vol. XXXIII 1877 г. стр. 170, 186 и 200.
18) C. R. Markham. The Basin of the Helmund with a map. Proceedings of the Royal Geographical Society. New monthly series Vol I. 1879. London Edward Stanford. Charing Cross 55.
19) Sauvaire. Lettre sur un fels saffâride inédit de la collection de M. de l'Ecluse. въ the Numismatic Chronicle and Journal of the Numismatic Science 3-rd series Vol. I. (1881 г.).
20) Major H. G. Raverty. The Kings of the Suffarian Dynasty of Nimroz or Sijistan. Journal of the Asiatic Society of Bengal. Vol. LIV. 1885 стр. 139.
21) A. de Markoff. Catalogue des monnaies Arsacides, Subarsacides, Sassanides. Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales. V. 1889.
22) Persia and the Persian Question by G. N. Curzon. London Longmans Green & C°. 1892 г. 2 vol. Стр. 223—244, гл. IX т. I-го.
23) Khurasan and Sistan by Lieutenant-Colonel Yate. William Blackwood 1900 г.
24) Sport and Politics under an Eastern Sky by Earl of Ronaldshay. William Blackwood & Sons. Edinburgh and London 1902 г.
25) Ten Thousands miles in Persia by Major P. Molesworth-Sykes. London John Murray. 1902 г.
26) Across coveted lands by A. H. Savage Landor. London. Macmilian & C°. 1902 2 vol. Стр. 142—292, тома 2-го.
27) Полковникъ Стрѣльбицкій. Записка о Восточномъ Хорасанѣ. Сборникъ Матеріаловъ по Азіи. Выпускъ LXII 1895 г. стр. 146—172.
28) Н. Зарудный. Экскурсія по Сѣверовосточной Персіи. Записки Императорской Академіи Наукъ VIII серія Т. X № 1 1900 г. стр. 38—44.
29) Его же. Экскурсія по Восточной Персіи. С.-Петербургъ 1901 г. Т. XXXVI Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, по общей географіи. Стр. 101—169.
30) Его же. Предварительный отчетъ о путешествіи въ 1901 г. въ Чахбаръ. Выпуски 1 и 2-ой Т. XXXVIII Извѣстій Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 1902 г.
31) „Замѣтка о Сеистанѣ" врача А. Я. Миллера. V выпускъ Консульскихъ донесеній 1903 г.
32) Ал-ръ Миллеръ. Маршрутъ отъ г. Мешеда до г. Насирабада и его же 2 отчета о поѣздкахъ по Сеистану. Выпускъ LXXVI Сборника Матеріаловъ по Азіи.
33) В. Бартольдъ. Историко-географическій обзоръ Ирана. С.-Петербургъ 1903 г.
34) Врачъ Андр. Як. Миллеръ. „Очеркъ Сеистана" съ картой. Выпускъ LXXVII Сборника Матеріаловъ по Азіи.

ОТДѢЛЪ II.

Пословицы, поговорки, крылатыя слова, примѣты и повѣрья собранныя въ слободѣ Сагунахъ Острогожскаго уѣзда.

(Окончаніе).

д) Семейнаго характера.

Если подъ кутью (подъ 6 января) расчесать гребенкой волосы и гребенку положить подъ голову и приказать, съ кѣмъ видѣться, съ тѣмъ и повѣнчаешься.

На кутью голодную послѣ вечери ходятъ дивчины подслушивать подъ окна: если Богу молятся, то замужъ выйдетъ въ эту зиму.

Если подъ кутью, когда дѣвушки ходятъ гадать, скажутъ: „о це такъ", то значитъ—она не выйдетъ замужъ.

Для того, чтобы узнать женихъ или невѣста большого или малаго роста, надо подъ Новый Годъ итти въ сарай съ дровами и сразу взять полѣно. Если большое, то большого роста и наоборотъ.

Подъ Новый годъ для того, чтобъ узнать за свѣтскаго или за духовнаго выйдетъ замужъ или женится, надо разложить книги духовнаго и свѣтскаго характера и брать. Если возьмешь духовнаго содержанія, значитъ выйдешь или женишься на духовной.

Ходить плечами впередъ (назадъ) дѣвушкѣ нельзя—останется въ дѣвахъ.

На Богородичные праздники нельзя чесать голову—въ евангеліи сказано: Марфа, Марфа, не чешися.

Чтобъ отвадить ухаживателя за дочерью ходить подъ окнами, обыкновенно обливаютъ ухаживателя помоями.

Дѣвушка, въ случаѣ измѣны со стороны ухаживателя, прокалываетъ глаза на фотографической карточкѣ и выбрасываетъ послѣднюю.

Если при примѣркѣ платье пришьютъ къ сорочкѣ, то кто-нибудь влюбится.

Прошелъ Покрова, зареветъ дѣвка, какъ корова.

Осенью начало сватовства—1 окт. (Покровъ).

Зимою начало сватовства—6 декабря (Никола). Въ этотъ день служатъ молебны тѣ, кто думаетъ женить или жениться.

У кого срослись брови, тотъ любитъ женщинъ.

Молодые мужчины должны носить булавку въ борту своей куртки, чтобы барышни любили.

Ноготь на мизинцѣ отпускаютъ, чтобъ женщины любили.

Молодые люди, найдя мѣдную иголку, должны воткнуть въ бортъ куртки, чтобъ не быть привороженными.

Стаканъ нельзя мыть, барышни не будутъ любить.

Если сидѣть за столомъ противъ угла стола, семь лѣтъ не получишь взаимности.

Мужчины останавливаются на 32 годахъ, т. е. когда освѣдомляешься о лѣтахъ у мужчинъ, то въ большинствѣ они всегда говорятъ, что имъ только 32 года, хотя бы далеко старше были этихъ лѣтъ.

Постель била, стина нима.

Якъ бы тіи лита вернулыся, то ще бъ хлопци гарнулися.

Бываетъ, что у дѣвушки мужъ умираетъ.

Во время менструацій нельзя вѣнчаться, будетъ несчастье.

123 псаломъ, когда идешь къ вѣнцу.

Если невѣста ѣдетъ къ вѣнцу, то должна у воротъ креститься и на каждомъ переулкѣ.

Если невѣста ѣдетъ отъ вѣнца, то не должна ѣхать по той улицѣ, по которой ѣхала къ вѣнцу, а по другой.

Послѣ вѣнца невѣста должна непремѣнно на третій день принять молитву (do wywodu—у поляковъ).

Если невѣста возвращается отъ вѣнца, то она не должна допустить другихъ вступить въ домъ ранѣе себя.

Если вѣнчается дочь или сынъ, то мать не должна присутствовать (не годится).

На 4 пальцѣ (около мизинца) носятъ кольца „на память", также вѣнчальныя.

Жениться—не напасть, да когда женишься—не пропасть.

Любо къ вѣнцу, а не любо къ отцу.

Свадьба довела, хлѣба не дала.

31 стихъ 67 псалма для удачной свадьбы.

Ой, наризавъ на Маланьину свадьбу.

Если мужикъ везетъ по улицѣ горшки, то на той улицѣ не будетъ свадьбы.

Съ ножа нельзя ѣсть дѣвушкѣ, мужъ будетъ такъ остръ, какъ ножъ.

Не примазывай (не приглаживай) кашу, женихъ будетъ лысъ.

Если у дѣвушки подолъ мокрый, то мужъ будетъ пьяница.

Холостому можно, женатому нельзя.

Съ дѣвкой грѣхъ вступать въ связь. Если вступишь съ нею въ связь, долженъ жениться.

Холостому прощается вступленіе въ связь съ женщиною.

Женатому осуждается вступать въ связь съ женщиною: своя есть.

Если найдешь кольцо, то выходитъ замужъ, если дѣвица, или женится, если холостой.

Чтобъ жениться въ данномъ году, слѣдуетъ прикоснуться къ платью невѣсты, когда она обходитъ вокругъ аналоя.

На масляницу женщины привязываютъ неженатымъ колоды за то, что въ мясоѣдъ не женился. Если привяжутъ, то неженатый ставитъ женщинамъ могорычъ.

Подкатить гарбузъ со стороны невѣсты—сдѣлать отказъ жениху (обычай этотъ выводится).

Изъ вѣнчальнаго платья нельзя дѣвочкамъ что-либо шить, ибо онѣ выйдутъ замужъ во второй разъ.

Въ понедѣльникъ нельзя кронть, а то ошибешься.

Про бабъ грѣхъ казать.

На стару не вжадобку (смотрѣть).

Слава Богу, шо сбула старого, пиду на базаръ, куплю молодого.

Надумала стара баба буты молодою.

Говорятъ—мужъ голова; нѣтъ—онъ ноги.

Роби, жинка, золотой гробъ зроблю.

Не мужикъ жинку, а жинка мужика должна ждать.

Срамъ великій, якъ мужику кланяться жинка при мужикахъ.

Гарячи пампушки, та мьяки подушки, дэбэла жинка, солодка горилка, умирать ны треба.

За женой, какъ за стѣной.

Баба такъ баба. Хоть борщу не сумѣетъ сварить, да дворъ закраситъ.

Сь женой должно спать на одной постели, а не на разныхъ.

Безъ мужа не была нужа, а съ мужемъ нужа.

Безъ мужа заила нужа.

Еврейка говоритъ: мы только въ пятницу, а мужья должны всю недѣлю работать для благополучія семьи.

Баба пока борщъ сварила, семь разъ мужика обманула.

Борщъ горячій, значитъ—сердита была.

Если первый ребенокъ мальчикъ, то мужъ будетъ уважать жену.

Если первый ребенокъ будетъ дѣвочка, мужъ и жена никогда не будутъ ладить между собою.

Съ замужней женщиной можно вступать въ связь.

На другу поглядае, а на третью поспивае.

Жена проститъ мужу измѣну, если только соперница красивѣе ея.

28 псаломъ, когда жена убѣгаетъ или бросаетъ своего мужа.

Святый отче Микола, не ходи, сегодня Серега дома. Придешь взавтра, будетъ воля твоя. (Молитва жинки вмѣсто „Отче нашъ").

Если молодыя бабы начнутъ поститься, то некого будетъ крестить.

Имѣть въ домѣ цвѣтокъ, называемый „восковой плющъ", будутъ неудачи въ семействѣ.

Ходить кругомъ стола нельзя—жинка умретъ.

Не нравственная особа та, которая куритъ табакъ (изъ интеллигенціи).

Если на первый день великаго поста придетъ первый кто-либо изъ мужчинъ въ домъ, то весь постъ будетъ удаваться кваша (вареное тѣсто съ грушами и вишнями).

Если женщина придетъ впервые въ домъ на первый день великаго поста, то кваша не будетъ удаваться, — хоть не вари, невкусна будетъ.

Если довгопятый (хоть мужчина, хоть женщина) придетъ въ понидилокъ въ великій постъ, то кваша весь постъ хороша.

Если кургузый (короткопятый) придетъ въ понедѣльникъ великаго поста, кваша весь постъ не будетъ удаваться.

Хлѣбъ и соль на столѣ, значитъ просятъ на родины (Подол. г.).

Если беременная женщина желаетъ навѣстить мертвеца, должна разстегнуть воротъ, чтобы роды были нетрудные.

Если мальчикъ долженъ родиться, то мать ощущаетъ въ правомъ боку.

Если дѣвочка должна родиться, то въ лѣвомъ боку мать чувствуетъ.

Чтобъ родился мальчикъ, при совокупленіи жена должна положить подъ себя штаны мужа или малахай.

Если подъ окно подойдешь, колышутъ дитя, то вскорѣ родитъ тотъ, кто увидитъ (дѣвка или баба).

Если женщинѣ приходитъ время родить, то тогда не впускаютъ никого. Если кто въ хатѣ есть, выгоняютъ, остаются родильница, бабка да родная мать.

Когда родившагося ребенка положатъ вмѣстѣ съ матерью, то кто входитъ въ тотъ день, пока не крещено (не хрищено), требуютъ на „сповивичъ" (снять поясъ).

Если при рожденіи ребенка будетъ разговоръ или шумъ, то будетъ этотъ ребенокъ несчастнымъ.

Когда снопы носишь въ стайку, то не ходи между стайкой или снопами, ибо жена тогда родитъ двойней.

Если дѣти умираютъ, то надо въ кумовья взять родныхъ, брата или сестру.

Если звѣзда падаетъ съ N на S или обратно, то родился ктолибо.

Дочерями красуются, сыновьями въ почетѣ живутъ.

Якъ батьку углы знакомы, такъ дѣтямъ весело играть.

Была сила, когда мать срать носила.

Черезъ плече соплякъ тече, а на бороди слыня, научи-жъ мене, моя маты, якъ соплякъ утираты.

Ахъ, маткинъ сынъ.

Химонова дитина.

Если ребенокъ родится ночью, онъ будетъ счастливъ и богатъ.

Ребенку нельзя смотрѣть въ зеркало, а то не будетъ долго говорить.

Кто долго сосетъ грудь матери, бываетъ тупоумнымъ.

Если ребенка кормить болѣе 2 лѣтъ, онъ будетъ глупымъ, непонятливымъ.

Если ребенокъ болѣетъ животомъ (кусаетъ себя за животъ или послѣдній тугой), то, когда перезвонятъ къ обѣднѣ, бабкѣ надо отрѣзать отъ веревки большого колокола и этотъ отрѣзокъ выварить въ кипяткѣ, и скупать больного.

Младенцамъ не давать цѣловаться—не будутъ долго говорить.

Руки коротки, что не у родной матери росъ.
Родители за нами не гонители.
Лѣпитъ батька съ матерью.
Бый батька въ лобъ, шобъ упавъ у гробъ, а маты у потылицу, шобъ упала въ помыйницу.
Каша—мать наша.
Раздобрилась мачиха до пасынка.

е) Сельско-хозяйственнаго характера.

Черезъ двадцать пять лѣтъ обыкновенно должна начинаться война.
Если кто услышитъ первый вой волка около села, то къ войнѣ.
Це не война (японо-русская), а школа (заключеніе крестьянина).
У крестьянъ двѣ фамиліи: одна письменная, а другая уличная (якъ зовутъ по улишному, якъ по письменному).
Русскій за тычкомъ не гонится.
Русскій узнаетъ по лапоткамъ.
Загуляла голытьба, затряслися лапти.
Хорошіе люди всему цѣну знаютъ.
У чумака, когда колесо ломается, чумакъ ума набирается; если быкъ пристае, такъ у чумака ума не стае.
Съ Семена дня начинаются засидки, т. е. начинаютъ въ хатахъ при огнѣ работать.
На пиру бьется посуда, къ счастью хозяина.
Созвалъ пиръ на весь міръ, ставъ гостить, анъ хуй свиститъ.
Въ каждую пятницу еврейки забираютъ руками пламя отъ зажженной свѣчи три раза—для благополучія дома.
Если въ гостяхъ во время ѣды поперхнешься, значитъ хозяинъ пожалѣлъ своего угощенія.
Въ деньгахъ родства нѣтъ.
Въ деньгахъ глазъ нѣтъ.
Своя копейка потянетъ десять своихъ.
Живи вкупѣ, такъ не будетъ болѣть въ пупѣ.
Въ хозяйствѣ безъ займа не проживешь.
Если лѣвая рука чешется, деньги получать. (Въ старину чиновники получали мзду лѣвой рукой).
Купилъ бы село, да денегъ голо.
Купила-притупила.
Дороге робытся предъ дешевымъ.
Долго бѣднѣли, настала пора богатѣть.
За спасибо деньги не платятъ, пожалуйте деньги.
Изъ спасиба шубы не шьютъ, а денежки пожалуйте.
Уговорецъ—братецъ,—лучше денегъ.
Тамъ не нажива, а прожива.
Попадись въ зубы, будешь безъ шубы.
Для васъ и рубашку съ васъ.

Гдѣ-бъ то дѣвалось, если-бъ не носилось и не дралось.

Стаканъ нельзя мыть послѣ того какъ выпьешь чай, иначе богатство вымоешь.

Богатому жаль корабля, а бѣдному кошеля.

Если въ гости кто придетъ попусту (безъ дѣла), то весь день будутъ ходить за пустяками.

Можно продать по знаку (знакомству).

При постройкѣ дома подъ уголъ кладутъ деньги—къ богатству.

При постройкѣ дома подъ уголъ кладутъ шерсть—къ теплу.

Когда строится домъ и ставятся кроквы, то плотникамъ нельзя мочиться въ строенномъ домѣ или около.

При входѣ въ хату обязательно надо три раза перекреститься и затѣмъ здороваться съ хозяевами.

Купи хату крыту, а шубу шиту.

Вечеромъ нельзя поступать въ прислуги—скоро отживешься.

Если работница, придя наниматься, сразу сядетъ на лавку, то будетъ жить долго.

„Тричи сватъ" называется, если три раза покупалъ скотину или лошадей у одного хозяина.

Купленную скотиняку, нанятую работницу или работника на ночь не бери (не принимай).

Новый горшокъ, если обварить саломъ, будетъ долго въ хозяйствѣ служить.

Оце тоби и рѣшето.

А тамъ свою копу молотятъ.

Когда идешь на судъ, чтобы дѣло рѣшилось въ твою пользу, надо взять съ собою замокъ не замкнутый. Какъ только на судѣ вызовутъ тебя, запри замокъ. Дѣло выиграешь.

49 псаломъ отъ воровъ.

Если зазуля закуетъ на безлиственномъ деревѣ (когда дерево не покрыто листьями), ворамъ къ несчастью.

Пожаръ метлой (все) подберетъ, а воръ кое-что заберетъ.

Если изъ ружья стрѣляешь бѣшеную собаку, то это ружье уже не годится для охоты, промахъ будешъ давать.

Не говѣвши хочешь пасху ѣсть.

Ужинъ не нуженъ, лишь бы былъ обѣдъ.

Аминь пирожкамъ.

Семь сидятъ и соломку ѣдятъ, а какъ восемь станетъ, то и соломки не станетъ.

Брюхо не мѣшокъ, всего про запасъ не накладешь.

Разъ скотина пошла на траву, она худаетъ.

Рева-корова, отели бычка, дай мнѣ молочка.

Если быки идутъ отъ водопоя весной и брухаются—къ падежу.

Если во время доенья коровы придетъ женщина или мужчина, то это вѣдьма или вѣдмѣдь.

Если ласточка подлетитъ подъ корову, когда она изъ стада возвращается, корова испортится.

Гнѣзда ласточекъ нельзя разорять въ своемъ дворѣ, ибо корова испортится.

Чтобъ корова возвращалась домой съ череды, надо перевязать ей шею веревкой.

Нельзя доить корову въ горшокъ или въ миску—грѣшно.

Не бей за столомъ ложкой объ посуду, корова будетъ бру-хаться.

Корова черна, а молоко бѣло.

Если масло не сбивается, то надо бросить мѣдную монету, чтобъ царская корона сбила.

Краснаго быка мясо дороже, а сиваго дешевле.

Въ голодный годъ скотина больше ѣстъ.

Мы на апостолахъ ѣзжали, т. е. на быкахъ. До проведенія желѣзныхъ дорогъ семинаристы, обыкновенно, нанимали нѣсколько подводъ на быкахъ подешевле и отправлялись на вакаціонное время на подобныхъ подводахъ домой.

На Савву нельзя ругаться тому хозяину, у котораго есть лошади.

Если лошадь грызетъ землю, значитъ сильная.

Черныя лошади—пугливыя, сѣрыя—слабосильныя, а красныя—сильныя.

Чтобъ лошадь узнавала свой дворъ, надо взять кусокъ хлѣба, три раза обернуть около жердки въ хатѣ или около маточины въ конюшнѣ и дать съѣсть лошади; если она не станетъ ѣсть чистый, дать въ овсѣ.

Если возмешь кошку, то занеси напередъ и дай понюхать лошади, лошадь не пристанетъ.

Отъ засѣчки лошадей надо острою водкою заливать (Acidum sulfuricum purum dilutum).

Если явятся лошата ранѣе гусятъ, то послѣднихъ выводъ будетъ плохой.

Молодыхъ лошадей надо кормить овсомъ съ пшеницею.

Кнуряче сало жестче, грубѣе.

Не имѣла бабка хлопотъ, такъ купила порося.

Парочка—баранъ да ярочка.

Собака домашняя разно брешетъ на человѣка и на звѣря, на вора и на добраго человѣка.

Если спрятать большой палецъ среди другихъ на подобіе „дули" и показать собакѣ— она не бросится.

Живыхъ видать, да нечего дать.

Была собачина, да и та истрачена.

Старъ кобель, да не батькомъ его звать.

Если кошка выведетъ котятъ, то послѣдихъ нельзя называть мышатами—кошка позагрызаетъ.

Брать или гладить по спинѣ молодыхъ животныхъ нельзя, иначе не будутъ рости.

Если волчатамъ уши прорѣзать, то они изъ этого лѣса (гдѣ были) уйдутъ, разбѣгутся.

Медвѣдь весь вѣкъ не умывается, да гладокъ бываетъ.

Продолговатыя яйца класть подъ насѣдку—будутъ пѣтухи.

Если вылупится цыпленокъ, то въ эту скорлупу надо поплевать, чтобъ также вылупливались и остальные.

Если куры раскричатся въ курятникѣ, то они скоро переведутся.

Перекидать птицу нельзя.

Если поставить пустой улей въ клечанную субботу, то въ него войдетъ рой.

Корми пчелу, якъ дождь иде,—она силу плодитъ (роевъ много) коли сушь, меньше корми,—цила будетъ.

Черезъ пасѣку пчела не должна летать,—погибнетъ.

Пчелы, которыхъ хочутъ убить (бить), за три дня не летятъ за взяткомъ.

Предназначенныхъ къ бою пчелъ бьютъ тогда, когда они перестаютъ летать за взяткомъ.

Исчезновеніе таракановъ изъ хаты предъ пожаромъ.

Хлѣбъ нашъ насущный, бѣлый да вкусный.

Луговое сѣно мыши не ѣдятъ.

Не бѣда, что во ржи лебеда.

На цибулю семь долотъ.

Сколько мыша съѣстъ зерна, столько и прибавляется его; если мало ѣстъ, мало прибавляется—и наоборотъ.

Чтобъ была вторая при мѣряніи на палку, надо взять палку, поставить подъ мышку и взять въ длину всей своей руки палку и затѣмъ, немного поднявъ руку, начинать мѣряться,—первая рука будетъ второю.

Чтобъ была верхняя при мѣряніи на палку, надо взять палку, подставить подъ мышку и взять въ длину всей своей руки палку и затѣмъ, немного сдвинувъ руку, начинать мѣряться,—первая рука будетъ послѣднею.

Если настоящее золото, то, положенное на землю, оно уйдетъ въ нее.

ж) Погода.

По народному воззрѣнію, мѣсяцъ родится только по средамъ и пятницамъ, т. е. послѣ рожденія его можно увидать только въ среду или въ пятницу.

Если на Семенъ-день вѣтеръ изъ подъ солнца, зимой вѣтры будутъ съ сѣвера.

Съ какого краю на Покровъ вѣтеръ дуетъ, оттуда будетъ всю зиму дуть.

До Введенія если снѣгъ выпадетъ, то растаетъ.

Послѣ Введенія если снѣгъ пойдетъ, то ляжетъ зима.

Если снѣгъ падаетъ на ущербѣ да на мокрую землю, зима скоро ляжетъ.

Если первый снѣгъ упадетъ, когда на вишнѣ нѣтъ листа, зима ляжетъ.

Если снѣгъ идетъ крупный, лохматый, съ хлопьями, то онъ не ляжетъ, скоро прекратится.

Если въ вытопленной соломою грубкѣ перегорѣвшій жаръ сбивается въ грудки,—къ морозу.

Если 8 недѣль мясоѣду, а 9 недѣля масляница, то зима будетъ дресливая (мокрая).

Если на 1 недѣлѣ великаго поста година, то три мѣсяца будетъ стоять засуха, при чемъ понедѣльникъ соотвѣтствуетъ маю, вторникъ—іюню, среда—іюлю.

Когда первый громъ услышишь, нужно поцѣловать землю, чтобы не бояться грому.

Какъ день прибавляется, въ землѣ воздухъ холодѣетъ.

Какъ ночь прибавляется, воздухъ въ выходѣ теплѣетъ.

Когда при выносѣ гроба Христова не было дождя, то все лѣто не будетъ дождя.

Если въ субботу пойдетъ дождь, будетъ итти цѣлую недѣлю.

Морозъ не великъ, да стоять не велитъ.

Такой морозъ, что изъ хаты носа не выткнешь.

Если при работѣ дремется, къ непогодѣ, къ дождю; зимой—на снѣгъ.

Первый весенній (теплый) день дѣтвора открываетъ игрою въ мячъ.

Если быки нюхаютъ и поворачиваютъ морды на вѣтеръ—къ дождю.

Черная кошка боится грозы.

Послѣ Семена журавли отлетаютъ въ теплый край.

Если пѣтухи ночью поютъ, веселая ночь.

Лебеди моются—къ дождю.

Если жабичій туркъ далеко слышно, будетъ тепло.

Весь борщъ поѣли,—година будетъ.

Въ доенкѣ молоко пѣнится,—къ дождю.

з) Погода въ примѣненіи къ сельскому хозяйству.

Если Рождество (розговины) на новомъ мѣсяцѣ, то годъ будетъ неурожайный.

Сколько ни родить землѣ, надо и перестать.

Три года урожай, на четвертый не будетъ.

Если зимою дорога бугромъ, то и хлѣбъ долженъ быть бугромъ, т. е. хорошимъ, набористымъ.

Передъ урожаемъ мыша исчезаетъ.

Передъ урожаемъ мыши появляются.

Зима пройдетъ, снѣгъ сойдетъ, а что посѣяно, то взойдетъ.

Если хлѣбъ не родится, то надо украсть съ поля копну хлѣба и этимъ зерномъ засѣять ниву. На слѣдующій годъ обязательно надо возвратить (поставить) копну на туже ниву.

Если много желудей, то урожай на слѣдующій годъ.

Если выгонъ осенью голый (изъ засохшей травы), не будетъ хлѣба и травы.

Если осенью выгонъ зеленый, на слѣдующій годъ будетъ урожай.

Гнои сухіе, хлѣба дорогіе.

Гной сухой, хлѣбъ пустой.

Во время войны мыши уходятъ.

Предъ войною мыши появляются.

Будяковъ урожай, на слѣдующій годъ урожай жита.

Если орѣхи уродятся, то на будущій годъ жито не уродится.

Когда скошено жито, надо спѣшить смолотить его до начала новаго сѣва жита, тогда хлѣбъ будетъ бѣлый и не потеряетъ запаха.

Если урожай „рипешка", будетъ урожай пшеницы.

Если въ пшеницѣ встрѣчаются красные червячки, то на слѣдующій годъ пшеница будетъ хорошею на зерно.

Кто на пасху вечеромъ огня не зажигаетъ, у того не будетъ зоны въ пшеницѣ.

Если сѣно черно, то поляницы будутъ бѣлыя.

Если сѣно уродится зелено, то поляницы будутъ черны.

Если сажать какое-нибудь изъ деревьевъ, то нужно ячмень посыпать въ яму, гдѣ сажаютъ.

Краденое (растеніе), если никто не знаетъ, примется.

На Новый годъ постучать топоромъ по дереву, будетъ хорошій урожай: „дерево злякается и уродитъ“.

При ораньи свистѣть нельзя, ибо чертъ усиливаетъ работу (тяжесть).

9 марта лѣпятъ жаворонки и кресты, въ одинъ изъ послѣднихъ вкладывается копейка. Когда выѣзжаютъ въ поле на сѣвъ, то разламываютъ крестъ, если разломится крестъ на копейкѣ—къ урожаю.

Если проклинать каждый день дерево или какой-либо кустъ, то чрезъ два года усохнетъ оно.

Если собака обмочитъ какой предметъ, послѣдній погибнетъ.

Если во время посѣва картофеля будетъ грызть сѣмена или что-либо другое, то куры будутъ вредить (клевать) картофель.

Надо капусту поливать 12 зорь, разъ она высажена на гряды, тогда она будетъ хороша и червь не нападетъ.

На какой хлѣбъ пошла пчела, тотъ на зерно будетъ хорошъ.

Если пчелы садятся на вышневый цвѣтъ, вышни уродятся; если нѣтъ, вышень не будетъ.

Воскресенье на масляницу ненастье, къ урожаю грибовъ.

Много мошекъ—къ урожаю грибовъ.

Хрѣнъ перестаетъ быть горькимъ весною послѣ перваго грома.

До Ильи грачи по одиночкѣ, а послѣ Ильи большими стаями.

Воздвиженье—сдвиженье гадовъ въ свои норы.

Почему пріобщаются виноградным виномъ?

Въ то время, какъ вели Іисуса Христа на пропятіе, мимо этой толпы одна женщина провожала своего мужа куда-то въ далекій путь. Узнавши, что это за толпа, мужъ строго приказалъ женѣ не заходить въ толпу и даже не смотрѣть на нее. Жена обѣщала сдѣлать по желанію мужа, но, разставшись съ нимъ, она не стерпѣла, чтобъ не посмотрѣть на страждущаго Іисуса. Попавшись въ толпу, она послѣдней была подтолкнута какъ разъ вплоть къ Іисусу. Изъ его ранъ кровь въ это время брызнула на платье той женщинѣ.

Когда она выбралась изъ толпы, она увидала кровь на платьѣ, смыть было трудно и оставить на платьѣ нельзя, чтобъ не узналъ мужъ о томъ, что она была въ толпѣ. Поэтому она рѣшила платье зарыть въ землю, что и сдѣлала.

Возвратясь домой, мужъ увидѣлъ, что у его жены нѣтъ того платья, въ которомъ она его провожала. Онъ спросилъ, куда она дѣвала платье. Жена сначала не сознавалась, но мужъ сталъ ее

бить и тѣмъ вынудилъ сознаться, куда она дѣвала платье. Узнавши, что платье зарыто, онъ потребовалъ указать это мѣсто — иначе не повѣритъ. Жена повела его туда, гдѣ было зарыто платье. Прійдя, они увидали, что на этомъ мѣстѣ выросло какое-то дерево. Это былъ виноградъ. Онъ выросъ изъ окровавленнаго платья. До того времени виноградъ на землѣ не росъ.

Потому, что виноградъ выросъ изъ платья, обрызганнаго кровью Христовой, мы и пріобщаемся виноградымъ виномъ.

Разсказъ о цвѣтѣ папороти.

Въ лѣсу есть трава, называемая папороть, которая цвѣтетъ ночью и отцвѣтаетъ въ одну ночь. Папороть цвѣтетъ непремѣнно подъ Троицынъ день. Къ заранѣе найденному кусту травы и хорошо замѣченному, въ ночь ея цвѣтенія, люди идутъ собирать съ нея цвѣтъ. Цвѣтъ папорти такую силу имѣетъ, что если кто достанетъ, то будетъ знать будущее; будетъ имѣть деньги, (неразмѣнный рубль). Такъ купитъ на 50 или 40 или 90 коп. въ лавочкѣ или на базарѣ и подастъ рубль, то полученная сдача вновь обращается въ рубль. Цвѣтъ съ папороти достать очень трудно вслѣдствіе того, что нечистая сила не даетъ его достать. Когда наступаетъ то время, что трава будетъ разцвѣтать, ожидающій цвѣтенія видитъ, что бѣжитъ запряженная тройка прямо на него и слышитъ крикъ „берегись", чтобъ не стоптали лошади, или слышитъ, что будто кто-то кидаетъ въ него каменья, или выстрѣлы изъ ружья, или просто крикъ „уходи отсюда", или вой какихъ-то дикихъ и странныхъ звѣрей. Ожидающій цвѣта, не вытерпя такого ужаса, убѣгаетъ. Если смѣльчака ничто не пугаетъ, для его взора покажется тогда, что будто взошло солнце. Онъ видитъ: ночь прошла, цвѣта онъ не увидалъ и съ досадой уходитъ. Отойдя саженей на 40 или 60 видитъ: солнце вдругъ изчезнетъ и наступаетъ такая тьма, что травы уже не найдетъ, а утромъ хотя и найдетъ, но трава уже отцвѣла.

Однажды былъ такой случай: пастухъ пасъ быковъ недалеко отъ лѣсу и заснулъ. Проснувшись уже ночью и видя, что около него нѣтъ быковъ, побѣжалъ въ лѣсъ искать ихъ. Бѣжавши по лѣсу, нечаянно набѣжалъ на папороть, которая только что расцвѣла. Пастухъ, не замѣчая травы, перебѣжалъ прямо черезъ нее. Въ это время нечаянно онъ ногою сбилъ цвѣтокъ, который попалъ ему въ башмакъ. Тогда онъ сдѣлался счастливымъ, сразу нашелъ быковъ. Не зная, что у него въ башмакѣ, и не разуваясь цѣлую недѣлю, пастухъ въ это короткое время скопилъ много денегъ и узнавалъ будущее. Между тѣмъ въ башмакъ за это время насыпалось земли. Пастухъ, разувшись, сталъ вытрясать землю изъ башмака, вмѣстѣ съ землею вытряхнулъ и цвѣтъ папороти. Съ этого времени потерялъ свое счастье: потерялъ деньги и не сталъ узнавать будущаго.

Крестьянская свадьба въ слободѣ Сагунахъ.

Когда крестьянинъ задумаетъ женить сына, то первымъ долгомъ идетъ въ церковь служить молебенъ. Вечеромъ зоветъ сосѣда или родственника въ старосты. Прійдя, староста привѣтствуетъ хозяина и садится на лавку или стулъ. Немного посидѣвши, староста спрашиваетъ у жениха о намѣченной невѣстѣ. Узнавши отъ жениха, куда итти сватать, староста вмѣстѣ съ отцомъ жениха садятся за столъ, выпиваютъ по нѣсколько рюмокъ водки и встаютъ изъ-за стола. Затѣмъ зажигаютъ свѣчи и молятся. Помолившись, садятся на лавку. Тогда женихъ кланяется отцу, матери и старостѣ. Послѣ поклоновъ староста беретъ хлѣбъ, увертываетъ его въ платокъ, и идутъ вмѣстѣ съ отцомъ жениха къ намѣченной невѣстѣ, а женихъ остается дома.

Прійдя къ невѣстѣ, староста стучитъ въ окно и проситъ хозяина пустить въ хату обогрѣться. Хозяинъ выходитъ и вводитъ старостовъ въ хату. Староста отдаетъ отцу невѣсты хлѣбъ, а онъ беретъ и кладетъ на столъ, а старостовъ приглашаетъ садиться. Старосты садятся. Затѣмъ староста, указавъ цѣль своего прихода: „мы желаемъ съ воли посвататься", объясняетъ: какой женихъ, сколько ему лѣтъ, что табаку онъ не куритъ, водки не пьетъ, на улицу мало ходитъ и т. д.

Черезъ часъ или полтора старостовъ отсылаютъ домой, оставляя у себя хлѣбъ, и просятъ ихъ приходить утромъ или вечеромъ на слѣдующій день. На другой день старосты идутъ къ невѣстѣ въ хату безъ спроса хозяина. Поговоривши нѣсколько о невѣстѣ, старосты просятъ показать имъ невѣсту. Тогда вызываютъ невѣсту къ старостамъ. Она входитъ и, постоявъ минутъ пять, уходитъ. Въ свою очередь и старостовъ просятъ показать своего жениха. Староста встаетъ и поспѣшно идетъ за женихомъ, а отецъ жениха остается.

Возвратившись съ женихомъ, староста садится на свое мѣсто, а женихъ стоитъ. Его просятъ присѣсть, онъ отвѣчаетъ: „я еще молодой и могу постоять". Тогда снова вызываютъ невѣсту, ставятъ ее рядомъ съ женихомъ или впереди, лицомъ къ лицу, для того, чтобы женихъ и невѣста лучше могли разсмотрѣть другъ друга. Затѣмъ ставятъ ихъ рядомъ, лицомъ къ старостамъ. Послѣ этого отецъ невѣсты спрашиваетъ у жениха, желаетъ ли онъ взять его дочь. Если женихъ скажетъ, что желаетъ, староста въ свою очередь спрашиваетъ у невѣсты, желаетъ ли она итти замужъ за ихъ жениха. Если получилось согласіе и отъ невѣсты, то ее не задерживаютъ — и она уходитъ въ другую комнату или къ сосѣдямъ. Женихъ тоже уходитъ домой. По уходѣ жениха и невѣсты староста поднимаетъ вопросъ о томъ, сколько сватъ желаетъ взять съ нихъ денегъ за невѣсту. Сватъ объясняетъ, что ему нужно 50 или 70 руб. (Запросы бываютъ не меньше 30 и не больше 100) и начинаются торги. Не порѣшивши въ цѣнѣ, старосты уходятъ.

Сватъ возвращаетъ имъ хлѣбъ, но старосты не берутъ, а говорятъ: мы еще подумаемъ дома, а завтра прійдемъ и прибавимъ

вамъ немного, а вы уступите и можетъ, Богъ дастъ, будемъ сватами. Съ тѣмъ уходятъ, оставляя хлѣбъ у свата.

На другой день старосты приходятъ, сходятся въ цѣнѣ, зовутъ снова жениха и невѣсту и спрашиваютъ еще разъ ихъ согласія. Затѣмъ зовутъ мать жениха, а отецъ невѣсты зоветъ сосѣдей человѣкъ 3 или 4; объяснивши пришедшимъ, на какихъ условіяхъ они уладились, зажигаютъ предъ иконами свѣчи и всѣ вмѣстѣ молятся Богу. Послѣ молитвы всѣ жениху и невѣстѣ пожмутъ руки со словами: „дай, Господи, счастливую жизнь". Отецъ жениха тогда отдаетъ отцу невѣсты извѣстную сумму. Невѣста приглашаетъ всѣхъ садиться за столъ. Староста достаетъ изъ кармана заранѣе приготовленную бутылку водки и начинаетъ подносить свату, гостямъ и невѣстѣ, а невѣста подаетъ на столъ закуску. Послѣ выпитой бутылки посылаютъ жениха за другой, третьей и такъ до пяти и болѣе. За могорычемъ сваты ладятъ, когда у нихъ будутъ „платки".

Уладившись, встаютъ изъ-за стола, благодарятъ свата, и старосты уходятъ домой вмѣстѣ съ женихомъ, если это дѣло было утромъ. Если вечеромъ, то женихъ остается ночевать съ невѣстой. Переночевавши, утромъ женихъ уходитъ домой, вечеромъ снова приходитъ ночевать и такъ до тѣхъ поръ, пока не повѣнчаются. Если это случилось до Крещенія Господня, то послѣ освященія воды на Крещеніе женихъ беретъ невѣсту къ себѣ обѣдать. Садятся въ сани, въ которыя запряжено двѣ или три лошади съ колокольчиками на подобіе почты. На другія сани садятся отецъ и мать невѣсты, братья и сестры. Набирается душъ 10 или болѣе. Во время обѣда напиваются до пьяна. Послѣ обѣда женихъ отвозитъ невѣсту, отца и мать невѣсты домой.

Дождавшись того дня, въ который назначены „платки", старосты идутъ раннимъ утромъ къ невѣстѣ и посылаютъ ее за дружками. Она надѣваетъ цвѣтокъ и идетъ собирать всѣхъ своихъ подругъ. Собравши такимъ образомъ 20, а иногда и болѣе дѣвицъ, невѣста вмѣстѣ съ дружками идетъ къ жениху и проситъ жениха и все его семейство на платки. Женихъ и его семейство благодарятъ невѣсту за приглашеніе и просятъ невѣсту и всѣхъ дружекъ садиться за столъ. Дружки садятся. Мать жениха подаетъ на столъ пироги, а женихъ подноситъ по рюмкѣ водки. Выпивши по рюмкѣ или по двѣ, дружки встаютъ изъ-за стола и идутъ домой. Женихъ запрягаетъ лошадь и поспѣшно ѣдетъ вмѣстѣ съ матерью на платки. Пріѣхавши впередъ дружекъ, женихъ и мать входятъ въ хату и дожидаются дружекъ. Наконецъ, приходятъ невѣста и дружки, останавливаются у крыльца и ждутъ пока ихъ позовутъ. Выходитъ отецъ невѣсты и проситъ невѣсту и всѣхъ дружекъ въ хату. Онѣ входятъ въ хату. Въ хатѣ мать невѣсты подаетъ невѣстѣ платки и тарелку. Невѣста подаетъ на тарелкѣ платокъ жениху. Женихъ даритъ ей рубль. Затѣмъ утрется платкомъ самъ и невѣсту и поцѣлуетъ ее. Невѣста тогда подноситъ платки отцу жениха, матери, старостѣ, братьямъ и сестрамъ жениховымъ. По раздачѣ платковъ, дружкамъ мать невѣсты подаетъ половину того хлѣба, съ которымъ старосты приходили свататься. Получивши хлѣбъ, дружки вмѣстѣ съ невѣстой и женихомъ идутъ къ сосѣдямъ, гдѣ женихъ снова подноситъ по нѣ-

сколько рюмокъ водки, а закусываютъ тѣмъ хлѣбомъ, съ которымъ старосты приходили свататься. Съѣвши хлѣбъ, дружки расходятся по домамъ. Спустя часъ или два уходитъ и женихъ. Вечеромъ снова собираются къ невѣстѣ.

Какъ только уйдутъ дружки, сваты садятся за столъ, рѣжутъ хлѣбъ, съ которымъ старосты приходили свататься, пьютъ водку и съѣдаютъ по куску хлѣба. Затѣмъ подаютъ нѣсколько пироговъ, которые и съѣдаются, послѣ чего встаютъ изъ-за стола. Тогда отецъ жениха проситъ свата и всѣхъ его гостей къ себѣ на змовины (на угощеніе).

На змовины приходитъ гостей около 45 душъ. Садятся всѣ за столы и начинаютъ обѣдать. Въ это время играютъ музыканты. Во время обѣда гости напиваются всѣ до пьяна. Послѣ обѣда сваты назначаютъ день вѣнчанія и уходятъ домой.

Какъ только уйдутъ сваты, у жениха собирается молодежь, такъ называемые бояре и свѣтилки. Собравшись, бояре идутъ съ женихомъ и музыкантами къ невѣстѣ на вечерину, гдѣ играютъ и пляшутъ цѣлую ночь и уходятъ домой утромъ. Отъ вечерины до вѣнчанія проходитъ дней 10 и больше. Наконецъ, приходитъ день вѣнчанія. Наканунѣ вѣнчанія женихъ съ бояриномъ несетъ невѣстѣ сапоги, въ сапогахъ положено кусокъ лицевого мыла или нѣсколько копѣекъ вмѣсто мыла, такъ называемые „устелки“ и пряниковъ фунтъ или два. Взявши сапоги, невѣста даритъ по платку жениху и боярину. Женихъ и бояринъ дарятъ невѣстѣ по нѣсколько копѣекъ и уходятъ домой.

Утромъ женихъ съ боярами пріѣзжаетъ къ невѣстѣ. Въ домѣ женихъ и невѣста кланяются отцу и матери. Послѣ ѣдутъ вмѣстѣ въ домъ жениха и здѣсь кланяются отцу и матери, а затѣмъ ѣдутъ въ церковь на вѣнчаніе.

Повѣнчавшись, ѣдутъ къ жениху обѣдать: невѣста, отецъ и мать невѣсты. Послѣ обѣда кто-нибудь изъ жениховыхъ родственниковъ или сосѣдей отвозитъ невѣсту домой, а женихъ запрягаетъ 3 или 4 тройки лошадей съ колокольчиками, такъ называемый поѣздъ. Къ уздѣ лошадямъ привязываютъ квитки изъ бумаги, дугу уматываютъ кумачемъ. Снарядивши поѣздъ, женихъ идетъ въ хату, гдѣ его заводятъ за столъ. Дружокъ, войдя въ хату, останавливается у порога и говоритъ: „старосты—паны старосты“—находящіеся въ хатѣ отвѣчаютъ: „что зволитъ говорить“. Дружокъ проситъ: „благословить молодого князя за столъ завести“. Ему отвѣчаютъ старики: „Богъ благословитъ и мы благословимъ“. Дружокъ повторяетъ это до трехъ разъ. Старики тоже отвѣчаютъ сразу, въ нѣсколько голосовъ. Получивъ благословеніе, дружокъ подаетъ жениху въ руки конецъ платка, а другой держитъ самъ. Такимъ образомъ онъ ведетъ жениха за столъ, а бояринъ идетъ слѣдомъ за женихомъ. За столомъ женихъ беретъ у дружка платокъ и закладаетъ себѣ за поясъ. Тогда свашка пришиваетъ жениху, боярамъ, дружку и всѣмъ возникамъ къ шапкамъ кумачевыя ленты. Какъ только пришьютъ кому надо, дружокъ выводитъ жениха изъ-за стола, такимъ же маверомъ, какъ и вводитъ. Затѣмъ обводитъ жениха вокругъ стула три раза.

Послѣ этого женихъ и бояринъ садятся на сани, боярину по-

даютъ длинную дубину и платокъ. Бояринъ привязываетъ платокъ къ концу дубины, въ видѣ флага поднимаетъ вверхъ и держитъ въ рукахъ.

Мать жениха выворачиваетъ малахай и тулупъ шерстью наверхъ и надѣваетъ на себя, беретъ чашку хмѣлю, смѣшаннаго съ сѣменами и орѣхами, и начинаетъ обсѣвать поѣздъ. Впереди ея дружокъ волочитъ по землѣ большую дубину, и подружiй сзади бьетъ дубиной по землѣ, а иногда и по тулупу, подгоняетъ, чтобъ скорѣе обсѣвала [1]). Такимъ образомъ, обѣгши три раза вокругъ поѣзда и высѣявши всѣ зерна, свекровья останавливается, снимаетъ вывороченный малахай и крестится, а дружки ломаютъ свои дубины и кидаютъ во всѣ стороны. Свекровья кладетъ малахай въ воротахъ на землю, беретъ полу тулупа въ руки, затѣмъ беретъ лошадь полой за поводъ и ведетъ черезъ малахай за ворота и выпускаетъ изъ рукъ. Это дѣлается для того, чтобъ молодыхъ не испортили въ первую ночь.

Поѣздъ мчится къ невѣстѣ. При первой встрѣчѣ, поѣздъ останавливается, дружокъ подзываетъ къ себѣ встрѣчнаго, подноситъ рюмку водки и пышку. Если встрѣча съ мужчиною, поѣздъ продолжаетъ свой путь, если съ женщиною, поѣздъ возвращается назадъ. Черезъ нѣсколько времени поѣздъ снова выѣзжаетъ со двора. Во избѣжанiе того, чтобы не встрѣтиться съ женщиною, заранѣе выходятъ человѣка два. Какъ только поѣздъ выѣдетъ со двора, они идутъ ему на встрѣчу. При другихъ встрѣчахъ поѣздъ не останавливается.

Прiѣхавши къ невѣстѣ, которая въ это время уходитъ къ сосѣдямъ, поѣздъ останавливается. Ворота затворены, а за воротами стоятъ человѣка три, которые объясняютъ, что у насъ нѣтъ никого дома и поэтому мы васъ не пустимъ, а васъ мы не знаемъ. Дружокъ встаетъ съ поѣзда, подноситъ имъ по рюмкѣ водки, объясняетъ кто они такiе и проситъ указать, гдѣ находится невѣста. Подкупленные рюмкой, они указываютъ, гдѣ невѣста. Поѣздъ подъѣзжаетъ туда, останавливается на улицѣ, бояре идутъ за невѣстой. Невѣста не хочетъ идти, тогда бояре берутъ невѣсту подъ руки и ведутъ на поѣздъ. Сажаютъ невѣсту рядомъ съ женихомъ и поѣздъ отправляется и объѣзжаетъ чуть не всю деревню, затѣмъ прiѣзжаетъ къ церкви, и останавливается. Женихъ и невѣста встаютъ и идутъ на церковную паперть и кланяются. Если это случится во время богослуженiя, заходятъ въ церковь, кладутъ поклоны, цѣлуютъ иконы и уходятъ изъ церкви, садятся на поѣздъ и мчатся снова по улицѣ. Иногда при этомъ случается несчастiе: кому-нибудь приходится поплатиться рукою, или ногою, или зубами.

Проѣздивши до тѣхъ поръ, пока стемнѣетъ, поѣздъ заворачиваетъ къ невѣстѣ. Въѣзжаютъ во дворъ. Невѣста встаетъ, идетъ и въ сѣняхъ дожидаетъ жениха. Изъ хаты выходитъ теща и подноситъ жениху рюмку водки, смѣшанную съ хмѣлемъ и зернами. Какъ только возьметъ женихъ рюмку, тотчасъ вскакиваетъ на сани братъ невѣсты, беретъ въ руки вожжи и кнутъ и гонитъ лошадей со двора. Дружокъ проситъ не гнать, подноситъ ему рюмку водки,

---

[1]) Этотъ обрядъ совершается только тогда, когда женятъ первенца.

пышку и нѣсколько копѣекъ денегъ. Братъ невѣсты выпиваетъ водку, беретъ пышку и деньги и поспѣшно слѣзаетъ съ саней. Затѣмъ встаетъ женихъ съ саней, выливаетъ ту водку, которую поднесла ему теща, коню на гриву и идетъ въ сѣни. Здѣсь кланяется вмѣстѣ съ невѣстой отцу и матери невѣсты. Отецъ сидитъ съ хлѣбомъ въ рукахъ, которымъ прикасается нѣсколько разъ къ спинѣ жениха и невѣсты и передаетъ матери. Мать тоже самое дѣлаетъ, что и отецъ. Окончивши это, велять вставать жениху и невѣстѣ. Отецъ и мать идутъ въ хату, а женихъ и невѣста остаются въ сѣняхъ. Тогда дружокъ отворяетъ дверь и кричитъ изъ сѣней: „старосты—панастаросты." Ему отвѣчаютъ: „что зволите говорить?"

— Благословите молодого князя и княгиню за столъ завести.

Дается согласіе и дѣлается все такъ, какъ было сказано выше. Жениха и невѣсту заводятъ за столъ, на которомъ лежитъ каравай, а въ каравай воткнута квитка. Квитка дѣлается такъ: срѣзаютъ кудрявую вишню, уматываютъ всѣ вѣтки разноцвѣтной бумагой. Еще ее уквитчиваютъ (украшиваютъ) грушами, калиною и конфектами.

За столомъ жениха и невѣсту сажаютъ на коверъ. Какъ только усядутся за столъ—женихъ, бояринъ и дружка, тогда дѣвки и молодыя бабы поютъ пѣсню:

„Ой, литивъ горносадъ черезъ садъ,
Пустивъ гильячко на высь садъ,
Цэжъ тоби, Катрычко [1]), на посадъ".

Послѣ этой поется:

„Кисочка мае, мае,
А въ Бориса хуски нимае.
Станимъ мы киску трипаты,
А Борису хустку шукаты".

Послѣ этого теща подаетъ жениху хустку, ее беретъ бояринъ и закладываетъ жениху за поясъ. Тогда старшая дружка (старшой дружкой называется та, которая держала вѣнецъ надъ невѣстой) становится на стулъ для того, чтобы ее всѣмъ было видно и кричитъ: „Старосты—панастаросты, благословить молодому князю вѣнокъ пришить". Ей отвѣчаютъ: „Богъ благословитъ". Въ то время, какъ пришиваетъ дружка вѣнокъ, бояринъ надѣваетъ на жениха свою шапку и женихъ сидитъ до тѣхъ поръ въ шапкѣ, пока ему подадутъ собственную. Дѣвки поютъ:

„Якъ я була швачка,
Мищанская дочка,
Я по рынку ходила,
Шелки покупала,
Вѣнки пришивала
Я ни даромъ давала—
По золотому брала".

---

[1]) Какъ зовутъ невѣсту.

Пришивши вѣнокъ, дружка опять кричитъ: „старосты—панастаросты, шо вы загадали, то мы здилалы, за наши труда по чарѣ вина, за нашу висть, чарокъ шисть, а съ шисты хоть на одну звысть". Дружокъ подноситъ ей рюмку водки и коспикъ. Тогда бояринъ схватываетъ свою шапку съ жениха, а дружка надѣваетъ на жениха его шапку съ вѣнкомъ. Если бояринъ не успѣетъ снять съ жениха свою шапку, то ее беретъ дружка и держитъ у себя до тѣхъ поръ, пока бояринъ выкупитъ. Послѣ этого подружій беретъ въ сѣняхъ на голову крышку изъ дежи, на которой лежитъ коровай. На караваѣ двѣ ложки и два платка. Сверхъ всего лежитъ очипокъ, и кричитъ изъ сѣней: „старосты—панастаросты, благословить сіе покрывало въ честный домъ внести". Получивши благословеніе, подружки вносятъ покрывало въ комнату и кладутъ на столъ. Затѣмъ берутъ съ дружкомъ тѣ платки, которые лежатъ на короваѣ и перевязываютъ другъ друга. Братъ невѣсты садится за столъ и расплетаетъ сестрѣ косу. Дѣвки поютъ: „ой, братику, ны лякайся". Какъ только расплетена коса, дружокъ ему подноситъ рюмку водки и нѣсколько копѣекъ. Выпивши водку, братъ встаетъ изъ-за стола. Тогда дѣвки поютъ: „ой, братику, татаринъ..." Въ это время невѣста плачетъ. Послѣ встаютъ свашки (свашками называются сестра жениха и сестра невѣсты) и говорятъ: „благословите здилать съ хлиба паляницю, а съ дивки молодицю". Получивши благословеніе, свашки снимаютъ съ невѣсты вѣнокъ, или лучше сказать цвѣтокъ, и подаютъ матери. Затѣмъ берутъ очипокъ и надѣваютъ на голову невѣсты и поютъ: „покрывалнычка плачетъ, покрываться не хоче, не такъ покрываться, какъ поцилюваться". Затѣмъ дружокъ проситъ благословенія хлѣбъ—соль раздать. Получивши благословеніе, дружокъ рѣжетъ коровай на куски и раздаетъ всѣмъ гостямъ. По раздачѣ коровая и шишекъ, женихъ и невѣста встаютъ изъ-за стола и выходятъ изъ комaты на дворъ, гдѣ у крыльца стоитъ стулъ, на которомъ лежитъ хлѣбъ. Дружокъ обводитъ ихъ вокругъ стула три раза, новобрачные крестятся и кланяются на четыре стороны, и уходятъ обратно въ комнату, гдѣ имъ даютъ ужинать. Послѣ ужина отецъ и мать невѣсты благословляютъ жениха и невѣсту иконой и отдаютъ невѣстѣ въ руки. Преданка беретъ квитку и коровай, курицу и двѣ ложки—тѣ, что тогда были внесены съ очипкомъ. Затѣмъ новобрачные садятся на сани и ѣдутъ домой. Предъ выѣздомъ бояре крадутъ все, что только попало подъ руки: ведра, коромысло, чашки и пр. При самомъ выѣздѣ со двора на воротахъ зажигаютъ пучекъ соломы, черезъ который ѣдутъ, или стрѣляютъ изъ револьвера.

Пріѣхавши домой, поѣздъ останавливается у крыльца, встаютъ всѣ и идутъ въ хату; новобрачные же останавливаются въ сѣняхъ. Преданка несетъ курицу и квитку. Ставитъ квитку на столъ вмѣстѣ съ жениховою, а курицу, обрѣзавъ крылья, для того, чтобы не летала, пускаютъ подъ печь. Отецъ и мать жениха идутъ въ сѣни встрѣтить жениха и невѣсту и вводятъ ихъ въ хату. Войдя въ хату невѣста отдаетъ свекру икону Взявши икону, свекоръ и свекровья благословляютъ ею жениха и невѣсту. Послѣ благословенія дружокъ заводитъ за столъ жениха и невѣсту, а дѣвки поютъ:

„прылитила да тетерычка ны учоре, а тыперичка, и ны кышкайты ны колошкайты. Хай наша тытеричка привыкаетъ тыперичка; тутъ у насъ ихалы за дывыцею, взялы іи молодыцею“. Послѣ этого женихъ и невѣста встаютъ изъ-за стола и идутъ въ опочивальню. Бояре и дружки уходятъ по домамъ, а старики садятся за столъ и кутятъ.

Утромъ новобрачные снова приходятъ въ ту комнату, изъ которой вчера выходили, гдѣ старики уже давно и ожидаютъ ихъ. Послѣдніе привѣтствуютъ ихъ съ добрымъ утромъ. Предапка проситъ невѣсту что-нибудь съѣсть. Если невѣста провела дѣвство въ цѣломудренной чистотѣ, то поетъ: „Ой, спасибо да морозочку, що ны побывъ да калыночки, ны покорывъ да родыночкы и близькои, и далекои, и матинки рыднэнькои“. Еще невѣста не успѣетъ окончить, какъ эта пѣсня подхватывается нѣсколькими голосками и пропѣвается разовъ сто.

Если невѣста дѣвство не сохранила въ чистотѣ, то тогда молчитъ. Какъ только узнаютъ, что невѣста не поетъ, то тогда пѣть начинаютъ сразу нѣсколько голосовъ. „Я застуною була, я застукана була, якъ застукалы въ куточку, якъ сукыну дочку“. Если поютъ „я заступою була“—въ хату несутъ конскій хомутъ и надѣваютъ на преданку, она отмахивается руками и кричитъ: „я не виновата, поэтому вы надѣвайте на свою молоду!“ или, не желая терпѣть стыда, убѣгаетъ изъ комнаты. Послѣ хомута ведутъ въ хату кобылу или корову, подводятъ къ невѣстѣ, закладываютъ подъ хвостъ пучекъ конопель и зажигаютъ, затѣмъ выгоняютъ изъ хаты. Затѣмъ вкатываютъ колесо, кладутъ на срединѣ комнаты, въ ступку колеса закладываютъ колъ и громко хохочутъ. Послѣ этого выходятъ на улицу мужчина и женщина. Мужчина наклоняется, такъ что лбомъ прикасается къ землѣ, а женщина поднимаетъ платье и прыгаетъ на него. Сосѣди и всѣ, кто тутъ случится въ это время, смотрятъ. Пока это совершается, изъ дома невѣсты приходятъ двѣ или три женщины и мужчина, приносятъ съ собою миску варенниковъ и просятъ къ себѣ всѣхъ присутствующихъ снидать (завтракать). Ихъ благодарятъ за приглашеніе и подносятъ по рюмкѣ водки,— а женихъ и невѣста идутъ къ сосѣдямъ въ баню (баней называется та комната, гдѣ невѣста даетъ жениху свое бѣлье).

Потомъ идутъ домой, гдѣ уже собралось человѣкъ тридцать молодежи, такъ называемая перезва. Парубки и дѣвки здѣсь не бываютъ. Невѣста даетъ каждому по платку. Получивши платки, перезва забираетъ всѣ тѣ вещи, какія вчера бояре украли и идутъ снидать. Впереди всѣхъ идутъ новобрачные. Невѣста въ очипку, къ очипку привязаны гарусныя ленты, которыя висятъ на спинѣ и по которымъ судятъ о „честности“ невѣсты. Такія ленты привязываетъ та невѣста, которая сохранила дѣвство,— а если не сохранила, то лентъ не бываетъ. За женихомъ и невѣстой идутъ музыканты, а за музыкантами гости, которые пляшутъ и поютъ тѣ пѣсни, которые указаны выше. Такъ идутъ по нѣсколькимъ улицамъ для того, чтобъ больше узнали о поведеніи невѣсты.

Прійдя къ дому невѣсты, перезва останавливается у крыльца и продѣлываетъ все то, что продѣлывали въ домѣ жениха для того, чтобы

знала мать невѣсты о ея поведеніи. Мать невѣсты выходитъ и проситъ перезву въ хату, причемъ невѣста кланяется матери, также и женихъ, если невѣста честная. Если же нѣтъ, женихъ не кланяется. Послѣ поклона невѣсты, перезва идетъ въ хату, возвращаетъ всѣ принесенныя вещи, которыя бояре украли, уѣзжая съ поѣздомъ. Садятся за столъ и начинаютъ снидать. Поснидавши, перезва идетъ домой, такъ же какъ и изъ дому, только другими улицами. Возвратившись домой, перезва играетъ и пляшетъ, а дружокъ беретъ каравай и свитку невѣсты и ѣдетъ звать на дары. Пріѣхавши къ свату онъ отдаетъ имъ квитку, беретъ поясъ, рѣжетъ каравай, раздаетъ по куску и проситъ на дары. Отецъ и мать невѣсты ѣдутъ вмѣстѣ съ дружкомъ, гости ѣдутъ на своихъ лошадяхъ или идутъ пѣшкомъ.

Явившихся на дары сватъ ласково привѣтствуетъ и проситъ садиться за столъ. Гости садятся за столъ и начинаютъ обѣдать. На срединѣ обѣда начинаютъ дарить. Новобрачные берутъ тарелку. На тарелкѣ ставятъ двѣ рюмки и подносятъ отцу невѣсты. Выпивши рюмку, отецъ даритъ дочери корову, которая стоитъ пять рублей, да и ту отдастъ черезъ годъ, а зятю кладетъ нѣсколько копѣекъ на тарелку. Затѣмъ подносятъ матери. Мать даритъ платокъ или нѣсколько аршинъ холста. Такимъ образомъ обносятъ и всѣхъ гостей, которые дарятъ, кто рубль, кто мѣшокъ пшеницы или ячменя, а кто побогаче, то и овцу. Окончивъ обычай даренья, продолжаютъ обѣдать и поютъ пѣсню:

„Столыкы-жъ вы мои заслани,
Гостоньки мои зазвани,
На васъ, гостоньки, дывлюся,
Всмакъ горилочки напьюся.
Маты жъ ты моя старая,
На шожъ ты менэ скарала:
За пьяпиченьку отдала?
А пьяниченько пье, гуляе,
Прійде до дому—бье, лае,
Невдашенькою взывае.
Комынъ помажу,—ны гляны,
Лавку змыю—ны сяды,
Постиль постылю—ны ляжи.
Уважай, мыла, уважай,
У вышневый садъ утикай.
У вышневомъ саду калына,
На калыни малына,
А на малыни зузуля.
Вона ны куе, а буркуе,
Никто зузули ны чуе“.

Послѣ обѣда гости встаютъ изъ-за стола и идутъ домой, а на мѣсто ихъ садятся жениховы родственники и дарятъ.

Окончивши дары и напившись допьяна, расходятся по домамъ. Утромъ снова собираются похмѣляться. Женихъ ѣдетъ къ тестю и проситъ его къ себѣ и нѣкоторыхъ его гостей (только уже не всѣхъ,

кто былъ на дарахъ). Въ домѣ жениха похмѣляются. Тѣ, кто дарилъ по мѣшку, привозятъ ихъ съ собой. Затѣмъ снова начинаютъ кутить. Если у хозяина окажется мало водки, то тогда сами сложатся копѣекъ по десяти или больше, купятъ водки и напиваются допьяна.

Этимъ и кончается свадьба.

„Водить козла".

„Водить козла"—дѣтская игра на масляницѣ. Устраивается она такъ: собираются на улицѣ дѣти обоего пола. Берутся за руки попарно и становятся въ цѣпь. Передняя пара образуетъ ворота, чрезъ которыя послѣдняя пара пробѣгаетъ, такъ что передняя становится послѣднею. Такъ игра продолжается до утомленія. При этомъ поютъ:

„Вскочилъ козелъ въ огородъ, въ огородъ,
Потопталъ козелъ лукъ-чеснокъ, чеснокъ,
Хватили козла за рожокъ, за рожокъ,
Повезли козла на торжокъ, на торжокъ,
Продали козла за три рубля, за три рубля,
За три рубля купили три узла, три узла:
За первый рубль бѣлило, бѣлило,
За другой рубль красило, красило,
За третій рубль чернило, чернило.
Я бѣлилычкомъ набѣлюсь, набѣлюсь,
Я красилычкомъ накрасюсь, накрасюсь,
Я чернилычкомъ начернюсь, начернюсь.
Шумъ ходе по городу,
А шумиха рыбу лове,
Что вловыла, то пропыла,
Сучкѣ-дочкѣ не вгодила:
Жди, дочка, до субботы,
Куплю сукна да чоботы.
Жди дочко до пьятныцы,
Отдамъ тебе за пьяницу.
Плетью коса заплетыся, заплетыся,
Трубою золотою обведыся, обведыся. Ура, ура!
И бѣгутъ сквозь ворота передняго ряда.

Г. Яковлевъ.

Эстонскія толкованія сновъ.

Въ 1879 г. проф. *М. А. Колосовъ* писалъ: „Снотолкованія... почти не тронуты наукой. Кромѣ лубочныхъ изданій, нѣтъ ни одного сборника толкованій сновъ. Нельзя не пожалѣть о томъ". (Русскій Филологическій Вѣстникъ, т. I, стр. 172). Вмѣстѣ съ тѣмъ Колосовъ напечаталъ небольшой сборникъ снотолкованій, записанныхъ въ Обоянскомъ уѣздѣ Курской губ. г. *Машкинымъ*.

Съ тѣхъ поръ въ нашей литературѣ появилось нѣсколько статей, посвященныхъ народнымъ толкованіямъ сновъ. Такъ, *Е. Романовъ* напечаталъ въ „Этнографическомъ Обозрѣніи" (1889 г. кн. III, стр. 54—72) „Опытъ бѣлорусскаго народнаго снотолкователя" (губ. Могилевская и Витебская). Въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа" находимъ снотолкованія изъ гор. Ейска (вып. XXIX, отд. 3, с. 24—26), гор. Майкопа (вып. *XXXIV* отд. 3, с. 5—6) и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей (ibid. 27—28).

Но напечатанныхъ матеріаловъ еще слишкомъ мало для того, чтобы сдѣлать какіе-либо общіе выводы. И это обстоятельство побуждаетъ насъ обнародовать небольшой сборникъ снотолкованій, записанныхъ нами со словъ старухи-эстонки изъ Юрьевскаго (Дерптскаго) уѣзда.

Аиста видѣть—родится ребенокъ въ томъ домѣ.

Арестованной себя видѣть—къ замужеству.

Въ *банѣ* мыться—къ болѣзни.

Бисеръ видѣть—къ слезамъ.

Блины—къ ссорѣ.

Болячки (kärnad) имѣть на рукахъ—получить деньги.

Бороду большую имѣть—къ чести и уваженію; обритую бороду—къ потерѣ уваженія.

Босыя ноги имѣть—остаться безъ мѣста.

Быкъ бодаетъ—кто-нибудь причинитъ вредъ.

Вино столовое (wein, а не wiin, т. е. не простое, а сладкое вино) пить—замужемъ хорошо жить.

Воду видѣть (или купаться въ ней): чистую—къ здоровью и вообще къ добру, мутную—къ худу.

Волосы длинные имѣть—къ дальней дорогѣ.

Выстрѣлъ слышать—будутъ ругать.

Вѣнчаніе (бракосочетаніе) собственное видѣть—къ смерти или тяжкой болѣзни.

Гнѣздо птенцовъ безъ матери видѣть — въ роднѣ будутъ дѣти-сироты.

Голымъ себя будетъ—стыдно будетъ.

Горохъ въ зернахъ—къ сплетнямъ.

Гребень—къ чести, уваженію.

Громъ слышать—будутъ ругать.

По грязной дорогѣ итти—къ худу, несчастію.

Гуся ловить—замужъ выйти.

Деньги серебряныя видѣть — получить кашель; деньги бумажныя—къ выигрышу въ лоттереѣ.

Дерево растетъ около дома—дѣти пойдутъ дальше (выше) своихъ родителей.

Дерево срубили на дворѣ—къ смерти хозяина этого двора.

Дождь видится въ то время, когда спящему холодно.

Доить корову—сваты пріѣдутъ; другіе доятъ корову—плакать.

Дорогу широкую и гладкую видѣть — къ жизни (поправиться житьемъ).

Закатъ солнца видѣть — къ близкой смерти.

Звонъ колокола слышать—къ хорошимъ вѣстямъ [1]).

Здороваться съ кѣмъ-нибудь — къ новому знакомству.

Въ зеркало смотрѣться — быть обманутымъ другомъ (пріятелемъ).

Змѣю видѣть — кто-либо готовитъ противъ васъ злой умыселъ.

Зубъ выдернуть или если зубъ самъ выпадетъ, но безъ пролитія крови — переѣхать на житье въ другое мѣсто; съ кровью — къ смерти.

Калъ видѣть—получить неожиданно деньги.

Картофель—къ безхлѣбицѣ, нуждѣ.

Кверху итти (подниматься на гору или на лѣстницу)—къ улучшенію жизни; книзу итти—къ ухудшенію.

Ключъ видѣть (отъ замка)—сдѣлаться хозяиномъ чего.

Книгу читать—къ сплетнямъ.

Кольцо на рукѣ имѣть—выйти замужъ (или жениться).

Корову видѣть—означаетъ: у спящаго накопилось много грѣховъ, нужно итти въ церковь.

Корову тощую видѣть—къ неурожаю, толстую—къ урожаю.

Косу (орудіе косьбы) видѣть—къ смерти.

Кошку видѣть—близко врагъ.

Красную лошадь—къ пожару.

Крестъ—къ горю.

Кровь—къ свиданію съ родными.

Кровь изъ роту течетъ—къ дождю.

[1]) Если звонитъ въ ухѣ (не во снѣ, а у бодрствующаго), то нужно сказать: „Царство небесное покойнымъ родителямъ"! — и „звонъ" прекратится. (Примѣта).

Летать—сгорѣть (спящій самъ сгоритъ).

Лису во дворѣ видѣть—къ пожару.

Ложку видѣть—родится дѣвочка. (Срв. ножикъ).

Лошадь кусаетъ—къ болѣзни.

Лѣсъ зеленый видѣть—къ улучшенію жизни; сухой—къ ухудшенію.

Медвѣдя видѣть—къ замужеству (медвѣдь идетъ—сватаетъ женихъ или собирается сватать; медвѣдь тащитъ—скоро свадьба).

Мышь видѣть—придутъ воры.

Мясо видѣть (или ѣсть его)—ругаться съ кѣмъ-либо.

Ножикъ—родится мальчикъ. (Срв. эстонскую же примѣту: ножъ упадетъ со стола—придетъ гость, ложка упадетъ—придетъ гостья).

Обнову (въ одеждѣ)—къ новостямъ.

Огонь—къ любви.

Орла видѣть—къ улучшенію жизни.

Отсутствующаго (живущаго далеко) человѣка—къ полученію отъ него письма.

Печка топится—къ горячей любви. (Срв. огонь).

Письмо получить—къ новостямъ.

Плакать—смѣяться.

Платокъ носовой видѣть—плакать; платокъ головной—къ головной боли.

Пожаръ—къ холоду.

Покойникъ (или нищій) что-либо у васъ возьметъ или выпроситъ—къ смерти кого-нибудь изъ родныхъ. (Если не дать, то ничего). Если покойникъ придетъ и поведетъ васъ съ собою, то умрете вы сами.

Полотно—къ смерти кого-нибудь изъ родныхъ.

Полъ мыть или мести—уйти изъ этого дома въ другой.

Похудѣть (а также видѣть себя маленькимъ или старымъ)—къ болѣзни.

Пчелъ видѣть—къ пожару.

Пѣсни пѣть—къ слезамъ.

Рыбу видѣть—къ холоду.

Рѣку—къ дальней дорогѣ.

Свѣчку горящую: длинную—долго жить, короткую—скоро умереть.

Смерть (кончину) кого-либо видѣть—къ хорошей погодѣ. Напротивъ, покойника видѣть живымъ—къ дурной погодѣ.

Смѣяться—къ слезамъ.

Собака кусаетъ—кто-нибудь хитростью навредитъ.

Стадо коровъ видѣть—быть въ многолюдномъ обществѣ (на свадьбѣ, на пиру).

Старичка видѣть—Богъ близко къ спящему.

Строить для себя домикъ—къ смерти.
Стряпать (готовить кушанье)—получить выговоръ.
Сѣно видѣть—снѣгъ выпадетъ.

Трость имѣть въ рукахъ—начальствовать.

Умывать лицо—къ слезамъ.
Усы большіе имѣть—получить казенное мѣсто (должность).
Утонуть—выйти замужъ.

Хлѣбъ печеный—къ работѣ. Хлѣбъ, растущій въ полѣ и въ снопахъ—къ урожаю.
Съ холостымъ человѣкомъ обниматься дѣвушкѣ—къ болѣзни.
Холстъ—то-же, что полотно.

Цвѣты бѣлые—къ добру.
Цѣловаться невѣстѣ съ женихомъ—разойтись имъ (не жениться).

Часы дамскіе (маленькіе) найти—ребенокъ будетъ; часы мужскіе (большіе)—замужъ выйти.
Чорта (kurat) видѣть—къ подаркамъ.

Ѣхать быстро на лошади—къ сильному вѣтру.
Яица куриныя видѣть—къ выигрышу въ лоттереѣ.

Приведенныя снотолкованія эстовъ вообще схожи съ русскими снотолкованіями. Замѣчается также и соотвѣтствіе ихъ съ значеніемъ поэтическихъ символовъ въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ; напр., огонь—любовь, утонуть—выйти замужъ, и т. д. Не исключена возможность и заимствованія отъ русскихъ. Какъ нѣчто новое, по сравненію съ извѣстными намъ сборниками снотолкованій, мы встрѣчаемся здѣсь, такъ сказать, съ физіологическимъ объясненіемъ сновидѣнія, а именно: видѣть дождь означаетъ ощущеніе спящимъ холода [1]). Вообще же, мотивы толкованій тожественны съ указанными у Колосова (Р. Филолог. Вѣстн. I, 173) [2]).

Д. Зеленинъ.

---

[1]) Физіологическую же подкладку можно видѣть въ снотолкованіи: „въ *банѣ* мыться—къ болѣзни": начавшійся у больного жаръ ощущается имъ и напоминаетъ прежде всего баню, въ которой всегда жарко; срв. ходячее сравненіе: „жарко, словно въ банѣ" (*Д. З.*).

[2]) Дополняю сдѣланныя вначалѣ г. Д. Зеленинымъ указанія на литературу сновидѣній и снотолкованій: *Этнографическое Обозрѣніе*, кн. III, стр. 210; XIX, 110; XXIII, 38; XXXIV, 17; XXXVI, 133—151 (обширн. мат. по тремъ губерн.); LI, 23, 107; „*Живая Старина*", XIII, в. 1 и 2, стр. 224; *П. Поляковъ.* Снотолкователь, приписываемый мусульманами ветхозав. патріарху Іосифу. Каз. 1901; и *Эминскій Этнографическ. Сборникъ*, в. I, ч. 2.

Н. В—въ.

Литовскія суевѣрья и примѣты.

Собранныя въ Шавельскомъ уѣздѣ Ковенской губерніи.

Сообщилъ **А. Янулайтисъ.**

(*Окончаніе*).

---

e) Apie ištekejimą ir žavejímą.

124. Jeigu kokios norint mergaitės namuose bus jos jaunikis, ir ten suduž stiklas tai šita mergaite nebeištekes už jo.

125. Jeigu einant mergaitei su savo jaunikiu parbėga kelią juoda kate, tai jedu pasimes.

126. Norint ką privylioti reikía pirtyje uno vantos paimti du lapeliu, padeti ar po pažasčių ar kur kitur, kad pritranktu prakaits, paskui parejus namo iš pirties sudžiovinti ir sutrupinus duoti tam pačiam žmogui, kuri neri privylioti: įberti kur norint, ar į kišeni, ar kur kitur.

127. Vakare príeš šv. Jona vaínikus pina, leidžia ant upes ir žiuri: jeigu tiedu vainiku drauge

e) О замужествѣ и гаданіяхъ.

Если въ домѣ какой нибудь дѣвицы будетъ находиться ея ухаживатель, и тамъ разобьется стаканъ, то эта дѣвица уже не выйдетъ замужъ за него.

Если дѣвицѣ съ ея ухаживателемъ перебѣжитъ дорогу черная кошка, то они разстанутся (разлучатся).

Желая кого нибудь приманить, надо взять въ банѣ отъ вѣника два листика, положить ихъ подъ пахомъ или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, чтобы напитались потомъ, затѣмъ, прійдя домой изъ бани, высушить, и, размельчивъ, дать тому самому человѣку, котораго хотятъ приманить: насыпать ему куда нибудь, или въ карманъ, или куда нибудь въ другое мѣсто.

Вечеромъ наканунѣ Ивана Купала вьютъ вѣнки, пускаютъ по рѣкѣ и смотрятъ: если оба

nuplauks, tai už to ištekės, kurį užmislijo,—jeigu parsiskirs, tai ne.

128. Prieš šv. Andrieju surašo vardus ir padeda po paduška (priegalve), koki vardą ištrauks, toki žmogu ir gaus [1]).

129. Prieš kučias paima bliudelį, pripil vandens aplinkui bliudo pirlipo poperiukų su yvairiais vardais. Prie ko laivelė, paleista ant vandens, priplauks, už to istekės ar tą ves [2]).

130. Laimę teip reikia lemti: paimti šviną, ištirpyti ir palieti ar į vandeni ar ant geležies. J ką panašus bus išpiltas toks daiktas, tas tokią laimę ir turės [2]).

131. Vakare, po kučiu, paima malku glėbi, kiek paims patamsyje, ir paskui, atsinešus, skaito po pora, jeigu išeina lygiai, tai šimet ištekės.

132. Švento Andriejaus nakti kas prisisapnuoja atsigulus prie slenksnis, tai tas įvyks.

133. Kučiu vakara mergaitės sudeda į gelda čevarykus; katros iškrent, ta pirma ištekės.

[1]) Taip daroma mieste ir dvaruose.

[2]) Tas ir sodžiuje daroma. Ir man pačiam teko laime lemti drauge su kitais vaikais: vienam išejo jaučiai su ragais, man moteriške. Anas jau mire, nesulaukes laimes.

вѣнка поплывутъ вмѣстѣ, то выйдетъ за того замужъ, на котораго задумала,—если пойдутъ врозь, то нѣтъ.

Наканунѣ Андреева дня списываютъ имена и кладутъ подъ подушкой, какое имя вынетъ, того человѣка и получитъ [1]).

Въ сочельникъ передъ кутьей берутъ миску, наливаютъ воды, кругомъ приклеиваютъ бумажки съ разными именами. Куда пристанетъ пущенная на воду лодочка, за того выйдетъ замужъ или на той женится [2]).

О счастьѣ-судьбѣ такъ надо гадать: взять свинца, растопить и лить или на воду, или на желѣзо. На что̀ будетъ похожъ этотъ вылитый въ предметъ, тотъ и будетъ имѣть такую судьбу-счастье [2]).

Въ сочельникъ вечеромъ, послѣ кутьи, берутъ охапку дровъ, сколько можно взять въ потемкахъ, и затѣмъ, принеся, считаютъ по парѣ, если четъ— то въ этомъ году свадьба.

Что̀ присннтся въ ночь на св. Андрея, если лечь у порога, то и случится.

Въ сочельникъ вечеромъ дѣвушки кладутъ башмаки въ корыто; чьи выпадутъ раньше, та раньше выйдетъ замужъ.

[1]) Это практикуется въ городѣ и имѣньяхъ среди помѣщиковъ.

[2]) Это дѣлатся и въ деревнѣ. Мнѣ самому пришлось гадать о своей судьбѣ вмѣстѣ съ другими дѣтьми. Одному вышли волы съ рогами, мнѣ женщина. Тотъ уже умеръ, не дождавшись своего счастья.

134. Kad duonos bakanas skiriasi, tai iš tos vietos kasnorint išsiskirs.

Если булка хлѣба разрѣзается, то кто нибудь изъ этого дома отлучится.

135. Sv. Jono vakara kupolineja. Renka kvietkus ir pina vainikus—kupolės (ius). Susikur ugų ir šoka apie ją ir degina kupoles (-ius). Jeigu kartais nesudegina, tai atiduoda karvems, kad pieno dangiaus duotu.

Наканунѣ Ивана Купала гадаютъ. Собираютъ цвѣты и вьютъ вѣнки—*куполи*. Разводятъ огонь и скачутъ вокругъ него и сжигаютъ куполи. Если тогда не сгорятъ, то отдаютъ коровамъ, чтобы давали побольше молока.

136. Mergaitės negali sėsti ant bačkos, nęş vyrą girtuoklį gaus.

Дѣвушкѣ нельзя садиться на бочкѣ, ибо получитъ пьяницу мужа.

137. Pries Sv. Jona mergaitės pasnikauja išttisa diena ir nieko nevalgo ir negeri. Kas pirmas paduos gerti, už to ir ištekės.

Наканунѣ Ивана Купала дѣвушки постятся цѣлый день, ничего не ѣдятъ и не пьютъ. Кто первый подастъ пить, за того и выйдетъ.

138. Sv. Jono vakarą mergaitės eina į kutę gaudyti geriuku: jei sugaus aviniuką, tai ta ištekės, o jei avytę, tai neištekės šiuos metus.

Наканунѣ Ивана Купала дѣвушки идутъ въ хлѣвъ ловить ягнятъ: если кто поймаетъ барашка, то выйдетъ замужъ, а если овечку, то въ этомъ году не выйдетъ замужъ.

139. Sv. Jono vakarą mergaites išeina į ulyčgali ir klausos: iš kur šunys loja, ištos pusės piršliai atjos.

Вечеромъ наканунѣ Ивана Купала дѣвушки выходятъ на конецъ улицы и прислушиваются: откуда лаютъ собаки, съ той стороны пріѣдутъ женихи.

140. Prieš Naujus metus iš vakara mergaitės pastato skeltines už pečiaus; iš ryto patamsėje griebia skeltinę; jeigu daili skeltinė, tai dailų vaikiną gavs, o jei šakotą, tai nedailų.

Вечеромъ наканунѣ Новаго Года дѣвушки ставятъ полѣнья за печкой; на утро въ сумерки берутъ полѣно; если гладкое полѣно, то, значитъ, получитъ пригожаго парня, если сучковатое, то непригожаго.

141. Jeigu mylimaji sapne pamatei, tai reikia tuojaus atbudus podušką apversti, tai ir jis tavę pamatys.

Если увидала во снѣ своего возлюбленнаго, то нужно сейчасъ же проснувшись перевернуть подушку, тогда и онъ тебя увидитъ.

142. Jeigu prikište nusmuko, tai ir mylimasis smuks šalyn.

Если упалъ передникъ, то и возлюбленный удеретъ прочь.

143. Jeigu su keršа kumele parvaževo parsodžiu, tai tamsodřiuje nieks neištekes nei ves. Toděl mergaitěs pyksta, jeigu pamato ką su keršа kumele važuojant.

Если кто-нибудь проѣхалъ по деревнѣ на пѣгой лошади, то въ этой деревнѣ никто ни женится, ни выйдетъ замужъ. Поэтому дѣвушки сердятся, если увидятъ кого-нибудь ѣдущаго на пѣгой лошади.

144. Jeigu skalbent ir džiovinant mazgini, geras oras, tai vaikinai myli, jeigu blogas — nemyli.

Если во время стирки и сушки бѣлья стоитъ хорошая погода, то любятъ парни, если плохая, то не любятъ.

145. Jeigu žiedas nuo jaunojo parsprogs arba luš, tai jis mirs.

Если кольцо отъ жениха лопнетъ или переломится, то онъ умретъ.

f) apie vestuves.

f) О свадьбѣ.

146. Jeigu imant šliubą žvakes iš katros norint pusės blogai žiba, tai tam bus blogai: liudnai bus gyventi.

Если во время вѣнчанія свѣчи съ чьей нибудь стороны тускло горятъ, то этому придется плохо: печальная будетъ жизнь.

147. Jeigu trupinis iš burnos valgant iškris, ant vestuviu pakvies.

Если крупица упадетъ изо рта во время ѣды, пригласятъ на свадьбу.

148. Važuojant į bažnyčią ant šliubo, kad sutink pirmutini vyrišką, tai pirma mirs pats, o kad moterišką—tai pati.

Если, ѣдучи въ церковь къ вѣнцу, встрѣтятъ первымъ мущину, то сначала умретъ мужъ, а если женщину,—то жена.

149. Po šliubo kaip nuvažuoja jaunoji pas jaunaji, tai meta kailinius ant jos, kad vaikai butu turtingi.

Когда изъ подъ вѣнца новобрачная ѣдетъ въ домъ мужа, то бросаютъ на нее овчину, чтобы дѣти были богатыми.

150. Po šljubo jaunoji privalo padėti savo vainiką po priegalve (toj lovoje, kur gulės), tai vyras mylės.

По вѣнчаніи новобрачная должна положить свой вѣнокъ подъ подушкой (на той кровати, гдѣ будутъ спать), и мужъ будетъ любить.

g) Apie mirima. — Apie nužurejimą.

151. Jeigu koks pakeleivis pasidyvys ant kokio gyvolio, pavadins jį ar gražiu ar geru, tai tus gyvolys ar nusprogs arba, jeigu korvě ar oška, pieną sutrauks.

152. Jeigu kas pažinrejęs į maža vaiką pasakys: „koks gražus vaikelis“, tai tas vaikas numirs.

153. Jei katei papeiksi vaikus, tai papiaus, o jeigu pagyrsi, tai dar labiaus mylės.

154. Kad lubos braška, tai iš tu namų mirs kas norint.

155. Kučiu vakarą povečerijiai sudeda visų šaukštus kniupsčiais. Kalėdų rytą žiuri, kieno šaukštą rado atsivertusi, tai tas mirs.

156. Kaip lydžia kuną į kapus ir sutink važuojant, tai dar mirs.

157. Kad negali kas greitai numirti, tai padeda šluotą po galva, tai greičiau numiršta.

158. Kaip numirelį išneš iš namu, toj vietoj padeda duonos bakana, kad daugiaus tuose namuose kas nemirtu.

g) О смерти.—О дурномъ глазѣ.

Если какой нибудь путникъ будетъ дивиться какой нибудь скотинѣ, назоветъ ее или красивой, или хорошей, то она или падетъ, или, если это корова или коза, у нее испортится молоко.

Если кто, посмотрѣвъ на дитя, скажетъ: „какое красивое дитятко“, то это дитя умретъ.

Если кошкѣ будешь порицать ея дѣтей, то загрызетъ, а если похвалишь, то будетъ любить еще больше.

Если трещитъ потолокъ, то кто нибудь умретъ въ этомъ домѣ.

Въ сочельникъ вечеромъ послѣ ужина складываютъ всѣ ложки внизъ лицомъ, на Рождество утромъ смотрятъ, чья ложка перевернулась, тотъ и умретъ.

Когда провожаютъ покойника на кладбище и повстрѣчаютъ ѣдущаго, то еще умретъ кто нибудь.

Если не можетъ кто-нибудь скоро помереть, то кладутъ метлу подъ подушку: поскорѣе помираетъ.

Когда покойника выносятъ изъ дому, на томъ мѣстѣ кладутъ булку хлѣба, чтобы больше никто не умеръ въ этомъ домѣ.

159. Kad kiaulė einant laukan išneša ant nugaros siaudu žiupsnelį, tai mirs kaš norint.

Если свинья, выходя изъ хлѣва, выноситъ на себѣ горсточку соломы, то кто нибудь умретъ.

160. Jeigu numirėliui negali užspausti akiu, tai dar kas norint mirs.

Если покойнику не могутъ закрыть глаза, то еще кто нибудь умретъ.

161. Kada kiaulė paršiukus turi, tai niekam negalima sakyti: nės, jeigu kas pasidyvys, tai, kaip moterys rokuoja, gali tas kiaulei kenkti.

Если свинья опоросилась, то никому нельзя говорить: ибо, если кто либо подивится, то, какъ говорятъ бабы, это можетъ повредить свиньѣ.

162. Jei kas turi blogą akį ir pasižiuri kam į akis, tai tą jisaî sugadins. Paprastai, gali nužiurėti žydai čigonai, ir tuli kriksčionys ypač atžinduliai. Todel tokiems žmonėms visai neverta žiurėti į akis.

Если кто либо имѣетъ дурной глазъ и посмотритъ кому нибудь въ глаза, то онъ того испортитъ (сглазитъ). Обыкновенно могутъ сглазить евреи, цыгане и нѣкоторые христіане, особенно „атжиндули“ (т. е. такіе, которыхъ разъ перестали кормить грудью, а затѣмъ снова начали). Поэтому не стоитъ смотрѣть въ глаза такимъ людямъ.

163. Jeigu kątik atsikėlęs pirmą dieną Kalėdų išgirsi kapojant, tai tais metais kasnorint mirs.

Если, только что вставши, въ первый день Рождества услышишь, что рубятъ топоромъ, то кто нибудь умретъ въ этомъ году.

164. Ant vienos kojos nešokinek; motina numirs.

Не прыгай на одной ногѣ: мать умретъ.

165. Jeigu su saule lija, tai ponai mirs.

Если идетъ дождь, и свѣтитъ солнце, то баре умрутъ.

166. Jeigu kas mešlą veža par sapna, tai tas mirs.

Если кто либо везетъ навозъ во снѣ, то тотъ умретъ.

167. Negalima dyvytics iš svetimu kvietkų ir plaukų kvietkos nuvys, plaukai nuslinks.

Нельзя дивиться на чужіе цвѣты и волосы: цвѣты завянутъ, волосы порѣдѣютъ.

168. Negalima prausties viename vandenyje: negalės buti vienas ant kito lajdotuviu (pakasinų).

Нельзя мыться въ одной и той-же водѣ: нельзя будетъ быть на похоронахъ другъ друга.

169. Vaikų ar jaunų gyvolių žmonems neverta radyti, gali dar sugadinti, nužiurėti.

Дѣтей и молодыхъ животныхъ нельзя показывать людямъ, могутъ еще сглазить.

V. Vaistai ir kitos naudingos patarmes.

Цѣлебныя снадобья и другіе полезные совѣты.

170. Prusokus reikia teip iš varyti iš namų: lydžent numi rėli reikia išmesti prusokų saują ir paskui pelenais apibarstyti pečiu kryž kryžiom.

Прусаковъ такъ выводятъ изъ дома: сопровождая покойника нужно выбросить горсть прусаковъ и затѣмъ посыпать печку золою крестъ на крестъ.

171. Gelent danti, reikia nevalgyti kiaurą dieną ir nakti ir melsties prie šv Palionijos [1]).

Если болитъ зубъ, нужно не ѣсть цѣлый день и ночь и молиться св. Аполлоніи [1]).

172. Jaunu menesiu negalima eiti į pirti: niežas apniks.

При первой четверти луны нельзя итти въ баню: можно получить чесотку.

173. Veliku ryta prieš saulės tekejima reikia visam nusiplauti, kad nebutu vočių, skaudulių ir t. t.

На Пасху утромъ до солнечнаго восхода нужно всему вымыться, чтобы не было вередовъ, волдырей и пр.

174. Kovo mėnesyje prisnigus, reikia tuom sniegu prausties, norint gražiai buti ir vaikinams įtikti.

Если снѣгъ выпадетъ въ мартѣ, то нужно этимъ снѣгомъ мыться, чтобы быть пригожей и нравиться парнямъ.

175. Gerklei susirgus reikia paimti stiklo meta vandens, iš virinti su katės šudu ir paskui tverti, skalauti ir gerti tą vandeni.

Если болитъ горло, нужно взять стаканъ воды, сварить съ кошачьимъ пометомъ и затѣмъ дѣлать примочки, полоскать и пить эту воду.

176. Gerklei skaudant reikia 5 rupužės nagiukus uno kairiosios kojos nupiaustyti, sugrusti, dideli stikla vandens paimti, iš vyrinti uždengus, o paskui iš gerti.

Если болитъ горло, надо отрѣзать у жабы 5 ногтей съ лѣвой ноги, столочь, взять большой стаканъ воды, сварить прикрывъ (посуду), а затѣмъ пить.

---

[1]) Šv. Palioniją stabmeldžiai baisiai kankino, dantis išmušo ir t. t ir partą ji yra nuo dantu skandejima.

[1]) Св. Аполлонію ужасно мучили язычники, вышибали зубы и т. п. и, благодаря этому, она защитница отъ зубной боли.

177. Plaučiu uždegimą gavus, reikia paimti žmogaus mižalų stikla, medaus šaukštą ir ramunelių saujukę ir išvirinti uždengus ir duoti išgerti; biški pagijus vieton vandens reikia gerti kanapiu pieno ir agles skujų arbatą. Arbata teip daroma: paimti š rausvas skujas (gegužės mėn.) ir virinti; galima imti ir sausas, bet ne teip jos išein ant gero.

Получивъ воспаленіе легкихъ, надо взять стаканъ человѣчьей мочи, ложку меду и горсточку ромашекъ, сварить въ закрытой посудѣ и дать выпить; немножко оправившись, вмѣсто воды надо пить конопляное молоко и чай изъ еловыхъ шишекъ, который такъ приготовляется, взять 5 красноватыхъ шишекъ (въ маѣ м.) и варить; можно брать и сухія, но не такъ идутъ въ прокъ.

178. Ant tako nemyžk: miežys iššoks ant akies.

Не мочись на тропинкѣ: появится на глазу ячмень.

179. Kas baltai prausias, tą varnos apšiks.

Кто слишкомъ чисто умывается, того запачкаетъ пометомъ воронъ.

VI. Nelabasis.—Bausmes numirus.—Veles.

VI. Лукавый.—Наказанія по смерти.—Души.

180. Jeigu užpirksi Grigaliaus mišias, kurias privalo laikyti tas pats kuningas par ištisą mėnesį, gali buti dovanotos nuodemės ir ko didžiausiam kaltininkui, ir jis gali buti išganytas.

Если закажешь Григорьянскія мессы, которыя обязательно долженъ служить одинъ и тотъ же священникъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца, могутъ быть прощены грѣхи и величайшему грѣшнику, и онъ можетъ быть спасенъ.

181. Kas adata pavogs, tam reikės po smerčio par adatos skyla lysti.

Кто украдетъ иголку, тому придется по смерти пролѣзать чрезъ ушко иголки.

182. Negalima nagų ant žemės mesti, reikės po smerčio surinkti.

Нельзя бросать ногтей наземь, придется по смерти собрать ихъ.

183. Nagų negalima mesti ant žemės, nės, po smerčio príreikus ant kalno lipti, be nagų neužlipsi.

Нельзя бросать ногтей наземь, ибо, когда по смерти придется лѣзть на гору, безъ ногтей не взберешься.

184. Negalima nagų ant žemės mesti, kad velnías kepalušuiko sau nepasidirbtu.

Нельзя бросать ногтей на землю, чтобы чертъ не сдѣлалъ себѣ шляпы.

185. Kas vaikščioja viduje rankąs užpakalyje susidejęs, tai „ponaitį“ arba „vokiečiuką“ (t. y. velniuką) vedžiojasi.

186. Negalima ištarti žodžio „velnias“, bet apie jį sakant reikia jį vadinti kipšu, nelabuoju, nelabiuku, piktaja dvasia, piktadvasiuku, ponaičiu, vokiečiuku — ir t. t, vilnoniu, nės jis gal pributi ir pasirodyti.

Teippat negalima stačiai sakyti: gyvate, rupuže, vilkas ir t. t. bet vieton tu žodžių vartoti: ilgoji ar margoji, piktvarlė, miškinis šuo ir t t.

187. Viduje negalima švilpiniuoti, nės galima sušaukti nelabasias dvasias.

188. Negalima lauke vidurnaktyje švilpiniuoti, nės gali pasirodyti kokiam norint pavydale nelabiukas [1]). Norėdamas prisišauki draugą prisišauksi priešą.

189. Jeígu kas dvieja sumeža į vieną duobelę ar kryžkryžiom meža, tai velniuką sudžiovina.

[1]) Tankiai teip atsitinka, kad kas ganydamas arklius nakti išgirsta ką norint švilpent, jeigu atsiliepia arba pats pradeda švilpauti, tai ir ateina nelabiukas, kur išrodo kaip gegne, agle ožys ar dar kaip kitaip ir řmogu pra, deda dovyti. Norint atsigynti, reikeratas apsukui apgriežti: nelabikasa trins, trins, puls, puls, šokinės apsakui, bet nepreis, ratas neleidžia. O ant ryto nerasi rasos nubraukytos.

Кто ходитъ по избѣ сложивъ руки назади, тотъ водитъ за собою (съ собою) „панича“ или „нѣмчика“ (т. е. чертенка).

Нельзя произносить слова „чертъ“ (или „дьяволъ“) и, говоря о немъ, надо выражаться описательно: kipsas, лукавый, нечистый, злой духъ, шерстяной (поросшiй шерстью), паничъ, нѣмчикъ и т. п., ибо онъ можетъ самъ явиться и показаться.

Точно также нельзя прямо называть змѣю, жабу, волка и т. д., надо вмѣсто этихъ словъ употреблять иныя: длинная или пестрая, худшая лягушка, лѣсная собака и т. п.

Въ хатѣ нельзя свистать, такъ какъ можно созвать нечистыя силы.

Нельзя въ полѣ свистать въ полночь, такъ какъ можетъ показаться подъ какимъ нибудь видомъ нечистый [1]). Желая позвать друга, призовешь недруга.

Если мочатся вдвоемъ одновременно въ одну ямочку или же крестъ на крестъ, то чертенокъ худѣетъ.

[1]) Часто случается, что кто нибудь, пася лошадей ночью, слышитъ чей то свистъ: если отзовется или же самъ пачнетъ свистать, то и приходитъ нечистый, который представляется, — то жердью, то елью, то козломъ или еще иначе, и начинаетъ лизать человѣка. Желая избавиться, надо начертить вокругъ себя кругъ; нечистый будетъ бѣгать, скакать, прыгать, метаться кругомъ да около, но не доберется: мѣшаетъ кругъ. А на утро не найдешь слѣдовъ на росѣ.

190. Negalima švilpti triobose ar daržinėse: velnias gali ateiti.

Нельзя свистать въ хатѣ или въ сараяхъ: можетъ чертъ прійти.

191. Davatkos eidamos į atlaidus ar į tolimą kelionę kabinasi ant kaklo devindrekį arba velnio šudą.

Богомолки (девотки), идучи на храмовые праздники или въ далекій путь, вѣшаютъ на шею „devodrekis", или чертовъ пометъ.

192. Kad stalas subraška, tai dušios reikalauja mišių.

Если заскрипитъ столъ, то душамъ нужны мессы (панихиды).

193. Jeigu koks medis be vejo sviruoja, tai dušios maldu reikalauja: ten jos šveistaineje (čjsčiuje) kenčia. Eidamas pro šali, kalbek maldelę „amžina atilsi dovanok ir t. t".

Если какое либо дерево качается безъ вѣтра,—то души нуждаются въ молитвахъ: это онѣ терпятъ муки въ чистилищѣ. Проходя мимо, читай молитву: „вѣчный покой, дай душамъ Господи и т. д."

193. J veidrodį (zerkolą) neveizek: velnias pasirodys.

Въ зеркало не гляди: покажется чертъ.

194. Nereikia megzdyties, Ponas Dienas liežuvi prisegs.

Не нужно передразнивать: Господь Богъ пристегнетъ языкъ.

195. Žmogaus nagus sudegink radęs, kad velniukas nebraižytu su jais: su savo jis negali, nės žmogus krikštitas.

Нашедши ногти человѣка, сожги, чтобы чертъ не скребалъ ими: своими онъ не можетъ, такъ какъ человѣкъ крещенъ.

196. Pries vejo nemyšk: kinkas apsimyši, į rugienas nešik: subinę sudurstysi (patarlė).

Не мочись передъ вѣтромъ: обмочишь ляжки; не испражняйся на ржаномъ полѣ: задницу выколешь (пословица).

197. Atbulas neik: savo tevą į pragarą vedi.

Не иди задомъ: ведешь своего отца въ адъ.

198. Su kojomis sėdėdamas nesupuok: velnio vaikus supi.

Сидя, не качай ногами: качаешь чертовыхъ дѣтей.

199. Velnio nekeikk: suriebės, o išjuok: sudžius.

Черта не проклинай: разжирѣетъ, а издѣвайся: похудѣетъ.

200. Žmogaus nagus sudegink, nės velnias susirenka ir pasidirba kepalušiuką.

Найдя человѣческіе ногти, сожги, такъ какъ чертъ собираетъ и изготовляетъ себѣ шляпу.

201. J ugui negal spiauti, po smerčio karštą (degintą) plytą laižysi.

202. Nakti ant dangaus su pirštu nerodyk: Ponui Dievui akis išbadysi, o po smerčio užtą turėsi kenteti.

203. Bevalant rugius ir vasarojų par laukus eina viesulo pavydale pirklių „gaspadorius“, purto gubas ir žiuri, ar gerai javai užderejo. Jis eina į Liepoju ir pasako pirkliams. Jeigu į viesulą paleisti su peiliu, tai peilis nukris sukruvintas [1]).

204. Piktosios dvasios vaiksčioja nakti tik ligi gaidžių; gaidžiams pragidus akys prašvinta, mato, kad ji kas klaidįna, velniukai, pakarokliai nuostoja žmogų varginę.

205. Viesule, sako, velniukai vestuves daro. Koki norint kunigo daiktą užtenka įmesti, kad viesulas išnyktu.

206. Pakaroklis turi toki pat stiprumą, ką ir gyvas turejo. Jis vaiksčioja nuo sutemos ligi

[1]) Kartais viesuolas pagauna ir peili, jeigu kur yra pas gubą padetas, ir nusineša į Liepoju.

Vienam žmogui teip buvo pražuvęs peilis. Užkiek ten laiko jis nuveže javus i Liepoju parduoti. Gi žiur pas tą pirkli, kuriam pardave, jo peilis. „Kam, sako, mano peili paėmei?“ Pirklys nusigando. „Kam tu, sako, mano gaspadoriui ranką parkirtai? Aš tau bučiau kažin kiek užmokejęs. O dabar nesiseks man“.

Нельзя плевать въ огонь: по смерти придется лизать раскаленный кирпичъ.

Ночью не показывай пальцемъ на небо: Господу Богу глазу выколешь, а по смерти придется терпѣть за это муки.

Во время уборки ржи и яровыхъ хлѣбовъ по полямъ идетъ въ видѣ вихря „хозяинъ“ купцовъ, трясетъ снопы и смотритъ, хорошо ли хлѣба уродились. Онъ идетъ въ Либаву и передаетъ обо всемъ купцамъ. Если въ вихрь пустить ножемъ, то ножъ упадетъ окровавленнымъ [1]).

Нечистыя силы ходятъ ночью до первыхъ пѣтуховъ; когда пѣтухи запоютъ, въ глазахъ становится яснѣе, человѣкъ видитъ, что кто-то водилъ его; черти, висѣльники перестаютъ мучить человѣка.

Въ вихрѣ, говорятъ, черти устраиваютъ свадьбу. Достаточно бросить туда какую нибудь вещицу священника, чтобы вихрь исчезъ.

Висѣльникъ обладаетъ той же силой, какую имѣлъ при жизни. Онъ ходитъ отъ суме-

[1]) Иногда вихрь уноситъ съ собою въ Либаву и ножъ, если онъ гдѣ нибудь забытъ въ кучѣ сноповъ.

У одного человѣка разъ пропалъ ножъ. По истеченіи извѣстнаго промежутка времени повезъ онъ зерно въ Либаву на продажу. И вотъ видитъ у того купца, которому онъ продалъ, свой ножъ. „Зачѣмъ, говоритъ, взялъ мой ножъ?“ Купецъ испугался. „За чѣмъ, говоритъ, моему хозяину поранилъ руку? Я бы заплатилъ тебѣ, сколько бы ты ни захотѣлъ. А теперь не повезетъ мнѣ“.

gaidžių. Jeigu jis turejo kokias brostvas [1]) (arba brolystes), tai su tomis jo ne įveiksi. Velnias-gi kryžiaus ir brolysčų bijosi, net turėdamas jas ant kaklo ir pasikarti negalėsi. Pakaroklis tų daiktų nesibijo ir sako: „As pats turejau". Ko geriaus, jeigu jis nėra turejęs Pranciškaus [2]), tai su juomi surišti, pakaruoklis ir sudribs. Ir gulės dieną ir naktį ir nesijudins, kol jo neatleisi.

рекъ до пѣтуховъ. Если онъ имѣлъ какія либо „братства" [1]), то при помощи ихъ ничего ему не подѣлаешь. Чертъ же боится креста и „братствъ"; имѣя ихъ на шеѣ, даже и повѣситься не будешь въ состояніи. Висѣльникъ такихъ вещей не боится и говоритъ: Я самъ имѣлъ".—Лучше всего, если онъ не имѣлъ поясъ св. Франциска [2]), имъ можетъ связать и висельникъ упадетъ. И будетъ лежать день и ночь, и не шелохнется, пока его не отпустишь.

207. Nuo pakaroklio yra toki maldelė: „ko tu vaiksčioji" prakeiktas šetone, tavę tėvas ir motina iškeikė, saulė ir menuo ir visi šventiejei, eik sau nuo manęs" (arba „stovėk čia ant vietos", ar kaip nori kitaip) — ir jis padarys, kaip pasakysi: ar stovės, ar nueis sau.

Для защиты отъ висѣльника имѣется такая молитва: „Что ты ходишь, проклятый сатана, тебя прокляли отецъ и мать, солнце и мѣсяцъ и всѣ святые, иди прочь отъ меня" (или: „стой здѣсь на мѣстѣ" или еще иначе), и онъ исполнить то, что скажешь, или будетъ стоять или пойдетъ по свояси.

VII. Visokie burtai ir prietarai.

208. Jeigu ką apvoge, reikia kreipties prie šv. Antano Kretingoj [3]) ir užpivkti mišias.

VII. Разныя суевѣрья и примѣты.

Если кого обокрали, нужно обращаться къ св. Антонію въ Кретингенѣ [3]) и заказать мессу.

[1]) Rožančiu, škaplierius.
[2]) Yra tai Sv. Pranio Assužiečio juosta.
[3]) Kreitingos miestelyje (Kauno red.) buvo kliošτorius, garsus altoriu šv. Antano.

[1]) Четки, скапулы (scapula). Скапулы это два куска сукна на шнуркѣ съ именемъ Іисуса, Маріи или другого братства. Носятъ на шеѣ.
[2]) Поясъ св. Франциска Ассизскаго. Носятъ главнымъ образомъ девотки-женщины.
[3]) Въ Кретингенѣ (Ков. губ.) былъ монастырь, славящійся алтаремъ св. Антонія.

209. Kad kam nelaimě atsitiko, reikia nusiusti ant mišių į Kretingą.

210. Velyku nakti reik iššauti, tai sako savo neprietelius atmuši.

211. Jaunu menesiu negal ně triobos, nei pečiaus perstatyti: svirpliu atsiras.

212. Kas pirmiau parvažuoja ar pareina Velyku ryta iš bažnyčios, tas peřmiau šiuos metus su darbais eis.

213. Kas par nanjus netus ką dirba, tą par visus metus dirbs.

214. Sengalyj (delčiuje) už mesdavo austi, kad audžent nesisuktu.

215. Petnyčios vakara negalima pradėti riekti bakaną: jeigu nori valgyti, tai pasiskolink.

216. Šulnį delčiuje valyk, kad čystas butu vanduo, o kad valysi pilnatyje ar priešpilyje, atsiras vabalų ir varlių.

217. Iš lauko grižtdamas aprišk visa dalgį, kad neblizgetu: Perkunas netrenks [1]).

218. Kad gervės į pietų šali traukent pasiklystu reikia statyti obeles arba kepurę uzsidėti atžagariai.

219. Negalima dovanoti kam kitam peili: susibarsi.

[1]) Teip daroma apie Sidlava.

Если съ кѣмъ нибудь приключилось несчастье, нужно послать на мессу въ Кретингенъ.

Нужно выстрѣлить въ Пасхальную ночь: отобьешь всѣхъ своихъ недруговъ.

Въ первой четверти нельзя перестраивать ни избы, ни печки: появятся сверчки.

Кто первымъ возвращается послѣ пасхальной обѣдни изъ церкви, тотъ впереди всѣхъ пойдетъ на полевыя работы.

Кто дѣлаетъ что-либо на новый годъ, тотъ будетъ работать цѣлый годъ.

Въ послѣдней четверти начинали ткать, чтобы во время работы ткань не сучилась.

Въ пятницу вечеромъ нельзя начинать рѣзать булку хлѣба; если хочешь ѣсть, то займи.

Колодецъ чисти въ послѣднюю четверть, чтобы вода была чистая, а если будешь очищать въ полнолуніе или въ третьей четверти, появятся червяки и лягушки.

Возвращаясь съ поля, обвяжи всю косу, чтобы не блестѣла, Перкунъ не ударитъ [1]).

Чтобы сбить съ пути журавлей, направляющихся на югъ, надо вертѣться или надѣть наоборотъ шапку.

Нельзя дарить кому-нибудь иголку: поссоришься.

[1]) Это практикуется около м. Шидлова.

Подробное содержаніе
ЯКУТСКАГО СПЕКТАКЛЯ
„ОЛОНХО“.

ДѢЙСТВІЕ 1-е

Богатырь свѣта, прекрасный человѣкъ „Бäріäт Бäргäн“, приходитъ къ предку якутовъ, Богатому Сабыјa, и около его жилища (урасы) останавливается у развѣсистаго дуба. Изъ жилища выбѣгаетъ къ нему на встрѣчу слуга Богатаго Сабыјa, Сорук Боллур, которому богатырь свѣта объясняетъ, что онъ прибылъ изъ дальней стороны, по благословенію своихъ родителей, 90-лѣтняго старика Джохсоҕоллоі и 70-лѣтней старухи Сäрбäгälläi, высватать себѣ дочь Богатаго Сабыјa, невыразимо прекрасную Аіталыма Куо. Слуга убѣгаетъ обратно и сообщаетъ о слышанномъ своимъ господамъ, которые выходятъ на встрѣчу къ жениху. Богатый Сабыјa, осмотрѣвъ его, говоритъ, что онъ ему нравится, но пусть скажетъ свое мнѣніе его жена. Старуха Сабаҕаі также хвалитъ жениха, но предоставляетъ своей дочери самой рѣшить по влеченію своего сердца. Тогда слуги приглашаютъ невыразимо прекрасную Аіталыма Куо, которая говоритъ, что ея маленькое сердце затрепетало, жидкая кровь закипѣла и ее заволновали чувства, до сего времени ей неизвѣстныя, но она, какъ покорная дочь, горячо любящая родителей, свято исполнитъ ихъ волю и, какъ они прикажутъ, такъ и сдѣлаетъ. Послѣ этого жениха приглашаютъ войти въ домъ. Не проходитъ и часа времени, какъ поднимается сильнѣйшій вихрь, слышится лязгъ желѣзныхъ нартъ, ревъ медвѣдя и карканье ворона, послѣ чего появляется богатырь тьмы, „съ 3 тѣнями Желѣзный Лыбырдан“, и требуетъ у Богатаго Сабыјa, чтобы онъ свою дочь, невыразимо прекрасную Аіталыма Куо, отточивъ, какъ стрѣлу, окутавъ, какъ стекло, и разукрасивъ цвѣтами, какъ землю-мать, снарядилъ въ дальнюю дорогу; въ противномъ случаѣ онъ разоритъ его богатство, погубитъ его самого, жену и всѣхъ домочадцевъ и разрушитъ ихъ жилища, смѣшавъ ихъ съ пепломъ. Услыхавъ такія надменныя рѣчи, богатырь свѣта выхватываетъ свою пальму, на блестящемъ лезвеѣ которой отражаются губы и зубы смѣшливаго юноши, глаза и брови кокетливой дѣвицы, и, выйдя къ богатырю тьмы, держитъ къ нему рѣчь о томъ, что сватаемая имъ дѣвушка уже принадлежитъ ему, богатырю свѣта, какъ предназначенная самой судьбой, и совѣтуетъ врагу возвратиться по добру по здорову туда, откуда онъ явился. Возму-

щенный такою дерзкою рѣчью, богатырь тьмы вырываетъ стоячее дерево и вступаетъ съ свѣтлымъ богатыремъ въ бой, въ концѣ котораго богатырь тьмы выбиваетъ у своего противника пальму и поражаетъ его смертельнымъ ударомъ. Возгордившись одержанной побѣдой, богатырь тьмы еще грознѣе требуетъ себѣ невѣсту, которую и выводятъ изъ дома ея родители. Жалуясь на свою горемычную судьбу, оплакивая горячо любимаго жениха, она прощается со своими родителями, съ отческимъ кровомъ, гдѣ она родилась, съ родными полями, гдѣ она провела свое беззаботное дѣтство, и рыдая падаетъ къ ногамъ родителей, говоря, что если бы не любовь къ нимъ, то она ртутью протекла бы въ землю, дымомъ бы разсѣялась по воздуху, но не пошла бы за ненавистнаго злодѣя.

ДѢЙСТВІЕ 2-е.

Внутри жилища (урасы) Богатаго Сабыјa лежитъ на медвѣжьей шкурѣ пораженный богатырь свѣта. Богатый Сабыјa умоляетъ приглашеннаго имъ свѣтлаго шамана по имени Кыкыллан умилостивить духовъ и возвратить жизнь молодому человѣку, единственному сыну престарѣлыхъ родителей, опорѣ и кормильцу семьи, пораженному жестокимъ врагомъ за желаніе защитить свою возлюбленную невѣсту. Шаманъ соглашается исполнить просьбу хозяина и, занявъ приготовленное ему мѣсто, одѣвается при помощи особо приставленнаго къ нему лица—кутуруксут (находящійся въ хвостѣ)—въ свой шаманскій костюмъ и беретъ въ руки бубенъ съ колотушкой. Затѣмъ начинаетъ бить въ бубенъ и заклинаетъ духа огня и другихъ покровительствующихъ ему духовъ явиться къ нему и оказать помощь въ трудномъ дѣлѣ, которое онъ взялся исполнить, какъ лицо, на которое, по предопредѣленію судьбы, возложена обязанность защищать угнетенныхъ и обиженныхъ. Послѣ этого шаманъ поднимается со своего сѣдалища и направляется на край смертельнаго Сѣвера, гдѣ находятся души людей (кісі кута тіјар Öiüü тöрдö). По пути онъ встрѣчаетъ воду смерти (Öiüü ŷта), чрезъ которую ныряетъ желѣзной гагарой и откуда отнимаютъ его двое чистыхъ юношей. Когда онъ приближается къ цѣли своего путешествія, то слышитъ сперва собачій лай, а потомъ выскакиваетъ къ нему на встрѣчу развратная дочь злого духа, которая, за обѣщаніе шамана найти ей жениха, выкрадываетъ у своего отца, злого Господина Xâн Луо (Луо Xâн Тојон), душу богатыря свѣта и передаетъ ее шаману. Шаманъ прячетъ ее въ своемъ ухѣ и возвращается обратно. По прибытіи его, вокругъ него высѣкаютъ огнивомъ огонь, чтобы очистить его отъ нечистыхъ силъ. Неразлучный духъ шамана и его спутникъ и путеводитель Кäälääнi поютъ торжественную пѣснь о побѣдѣ намъ злыми духами и о возвращеніи жизни богатырю свѣта, послѣ чего шаманъ поднимается наверхъ къ Господину Ÿрÿн Ајы и получаетъ отъ него ÿрÿн' сölöгöі (животворящая пища), дающую удвоенную силу и крѣпость, и вливаетъ ее въ ротъ богатырю, который поднимается со своей постели, какъ пробужденный отъ долгаго сна, и благодаритъ Богатаго Сабыјa и его жену за ихъ заботы и попеченіе. Затѣмъ

богатырь свѣта прощается съ ними и обѣщаетъ не возвращаться къ нимъ до тѣхъ поръ, пока не разыщетъ ихъ дочь и не освободитъ ее изъ рукъ богатыря тьмы.

ПРИМѢЧАНІЕ: Шаманы изображаютъ встрѣчаемыхъ ими духовъ, а также подражаютъ голосамъ разныхъ птицъ сами.

ДѢЙСТВІЕ 3-е.

Въ полѣ, около лѣтняго жилища Богатаго Сабыја часто разставлены молодыя березки (чӓчір), подъ которыми стоитъ посуда для приготовленія кумыса (сімір) и деревянные кубки (ајах). Передъ самой большой посудой становится на одно колѣно одинъ изъ приглашенныхъ гостей и, держа въ рукахъ деревянный ковшъ, увѣшанный конскимъ волосомъ (сіällääх хамыјах), славословитъ Создателя Творца вселенной, мать сырую землю и заканчиваетъ слѣдующими словами: „Исполненный лучшихъ намѣреній, мудрыхъ совѣтовъ, стою, ожидаю! Создательница наша, Хранительница Госпожа, мать наша! воспитанный нами скотъ огради, рожденныхъ нами дѣтей укачай! Неба Создательница, трехъ небесъ мать, съ бѣлооблачнаго сѣдалища своего небрежно взгляни на насъ! Рождающая Создательница Госпожа, выслушай! Творецъ Господинъ, благослови!" Послѣ этого подбрасываетъ кверху ковшъ и кричитъ: „Уруі! Уруі! Уруі!" Этотъ возгласъ повторяютъ за нимъ всѣ присутствующіе.

Послѣ восхваленія (алгыс) всѣ садятся на полу и пьютъ кумысъ, по окончаніи чего устраиваютъ хороводъ (ӥн̡кӥӥ). Участники хоровода берутъ другъ друга за руки и, образовавъ кругъ, медленно покачиваясь, подвигаются противъ солнца; одинъ изъ участвующихъ запѣваетъ, а остальные повторяютъ его пѣсню. Поютъ о томъ, какъ послѣ суровой зимы наступаетъ привольное лѣто, какъ природа послѣ своей спячки оживаетъ, какъ деревья и цвѣты начинаютъ распускаться и цвѣсти, какъ послѣ темной ночи наступаетъ ясный день, пробуждая всѣхъ живущихъ въ мірѣ, какъ слабый и беззащитный ребенокъ превращается въ сильнаго и здороваго человѣка, какъ человѣкъ изъ отдѣльныхъ деревъ строитъ себѣ жилище, какъ онъ, путемъ упорнаго труда, достигаетъ своего счастья, какъ путемъ борьбы возможно освободиться отъ цѣпей рабства и достигнуть свободы и воли, какъ добро должно восторжествовать надъ зломъ и какъ, наконецъ, люди должны добиться своего счастья. [1])

Сообщилъ *Эд. Пекарскій.*

---

[1]) Спектакль этотъ былъ въ Якутскѣ въ началѣ текущаго года. См. хронику въ вып. III.

ОТДѢЛЪ III.

Библіографія.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

О книгахъ, брошюрахъ и оттискахъ статей этнографическаго характера, присланныхъ въ редакцію „Живой Старины“ (И. Р. Геогр. Об-во у Чернышева моста, съ надписью „для рецензіи“), кромѣ напечатанія ихъ списка, сотрудниками будутъ даваться рецензіи.

Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Т. XXII, вып. 1 и 3. Казань. 1906.

Въ указанныхъ выпускахъ „Извѣстій“, въ спеціальномъ отдѣлѣ, отводимомъ редакціей „этнографическимъ матеріаламъ“, помѣщены двѣ статьи, касающіяся до сихъ поръ еще мало изслѣдованныхъ въ этнографическомъ отношеніи народностей: 1) „Этнографическій очеркъ *Мильковича*, писателя (?) конца XVIII в., о чувашахъ“, съ предисловіемъ *Н. В. Никольскаго* (вып. I, стр. 34—67) и 2) „Обозрѣніе языческихъ обрядовъ, суевѣрій и вѣрованій вотяковъ казанской и вятской губерній“ свящ. *І. Васильева* (вып. 3, стр. 185—219).

Очеркъ уѣзднаго землемѣра Мильковича о „бытѣ и вѣрованіяхъ чувашъ Симбирской губерніи“ не представляетъ чего-либо новаго въ этнографической литературѣ: онъ уже дважды появлялся въ печати, но въ измѣненномъ противъ оригинала видѣ и съ искаженіями чувашскаго текста, и только теперь впервые печатается первоначальный текстъ очерка, причемъ г. Никольскимъ дана, въ примѣчаніяхъ, реставрація чувашскаго текста рукописи въ современной транскрипціи. Въ составъ „очерка“ входитъ краткое (стр. 60—63) извлеченіе изъ описанія казанской губерніи, сдѣланнаго Мильковичемъ въ 1804 году и заключающаго нѣкоторыя новыя свѣдѣнія, въ томъ числѣ преданіе о князѣ Пулатѣ.

Статья о. І. Васильева пріобрѣтаетъ особую цѣнность и интересъ въ виду поставленной авторомъ самому себѣ цѣли: „выяснить темное въ сочиненіяхъ и статьяхъ по этнографіи вотяковъ, исправить ошибочное и дополнить сказанное остающимися въ неизвѣст-

ности обрядами и вѣрованіями этого народа, изложивъ все въ болѣе строгой системѣ". Нельзя не согласиться съ авторомъ, что и для духовенства, преслѣдующаго свои спеціальныя цѣли „укрѣпленія христіанства" и ведущаго „противоязыческую полемику", „изученіе обрядовъ, суевѣрій и вѣрованій вотяковъ представляется весьма необходимымъ" (стр. 185, предисловіе). Въ 3-емъ выпускѣ „Извѣстій" помѣщено лишь начало работы о. Васильева, содержащее первыя одиннадцать главъ (религія вотяковъ, понятіе о Богѣ, космогоническія воззрѣнія, вотяцкіе жрецы, дѣйствующія лица при моленіяхъ, моленія общія и родовыя—постоянныя, непостоянныя и случайныя).

Въ томъ же 3-емъ выпускѣ (стр. 149—163) необходимо отмѣтить имѣющую спеціальный интересъ статью *С. Н. Введенскаго*: „О значеніи слова γόρα у Константина Багрянороднаго", какъ новую попытку рѣшенія вопроса, надъ разъясненіемъ котораго до сихъ поръ тщетно трудились очень многіе выдающіеся изслѣдователи русской старины.

Эд. Пекарскій.

Истринъ, В. М. Изслѣдованія въ области древне-русской литературы. I—V. Спб. 1906. Стр. 257+VI.

Подъ такого рода общее заглавіе В. М. Истринымъ подведены пять статей довольно разнороднаго содержанія: I. Хроника Георгія Синкелла. II. Древне-русскіе словари и „Пророчество Соломона". III. Краткій хронографъ съ хроникой Іоанна Малалы. IV. Редакціи Толковой Палеи. и V. Русская литература XI—XIV вв. и литература малорусская. Всѣ предлагаемыя въ этомъ сборникѣ статьи печатались, начиная съ 1903 г., въ „Журн. Мин. Народн. Просв." и имѣютъ нѣсколько случайный характеръ. Самъ авторъ въ предисловіи пишетъ: „Первоначально имѣлось въ виду высказать по нѣкоторымъ вопросамъ нѣсколько замѣчаній, ограничиваясь по возможности болѣе общими положеніями. Но... по мѣрѣ того, какъ шло изслѣдованіе одного вопроса, являлась необходимость привлекать новые матеріалы и расширять ранѣе намѣченныя рамки наблюденій. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя другія темы, которыхъ имѣлось въ виду коснуться, все далѣе и далѣе уходили. Поэтому, въ настоящей книгѣ, съ одной стороны, не выполнено то, что̀ имѣлось въ виду, съ другой — преподносится читателю то, что̀ не обѣщалось". Такъ какъ со времени появленія одной статьи до другой приходило порядочно времени, то появлялись критическія замѣчанія и статьи, вызывавшія отвѣты, иногда—раньше, чѣмъ оканчивалась печатаніемъ та или иная глава. Такъ, II глава вызвала критическія замѣчанія г. Франка, а эти послѣднія, въ свою очередь, вызвали V главу настоящей книги. Точно также первая половина IV гл. дала матеріалъ для статей акад. Шахматова и г. Истомина по тому же вопросу, а онѣ, въ свою очередь, вызвали вторую половину IV главы. [1])

Н. В—въ.

---

[1]) Въ ноябрск. книжкѣ „Журн. Мин. Нар. Просв." появился отвѣтъ г. Истомина на статью г. Истрина.

Шайжинъ, Н. С. Олонецкій фольклоръ. Былины (критико-библіографическій обзоръ былинъ и 14 новыхъ былинныхъ записей). Петрозаводскъ, 1906. стр. XIV + 176. Ц. 40 к.

Первоначально текстъ этой брошюрки былъ напечатанъ въ „Олонецк. Губ. Вѣд.“ за 1906 г. За предисловіемъ, мало относящимся къ дѣлу, авторъ даетъ „Критико-библіографическій обзоръ“ Олонецкаго фольклора. Подъ этимъ заглавіемъ помѣщенъ составленный по работѣ Лободы перечень былинныхъ записей, сдѣланныхъ въ „Олоніи“, съ краткой оцѣнкой ихъ качества. Сюда присоединено и обозрѣніе былинъ новѣйшей записи, вошедшихъ въ эту книжку. Наиболѣе любопытною является статья „Былинная традиція въ Олонецкомъ краѣ“, гдѣ рѣшаются, на основаніи данныхъ мѣстнаго характера, вопросы: 1) кто занесъ въ Олонію русскихъ былинныя богатства; 2) въ силу какихъ причинъ она сдѣлалась хранилищемъ не только русскаго, но и финскаго эпоса и 3) какъ скоро можетъ заглохнуть въ Олоніи былинная традиція? Въ заключеніе обзора Олонецкихъ былинъ г. Н. С. Шайжинъ касается вопроса о происхожденіи общерусскаго былевого эпоса. Послѣ этихъ статей помѣщены тексты 14 варіантовъ былинъ, записанныхъ въ Пудогѣ и Заонежьѣ отъ трехъ сказителей и двухъ сказительницъ. Варіанты ранѣе извѣстныхъ былинъ даютъ мало новаго и интереснаго. Въ концѣ книжки помѣщены „Свѣдѣнія о сказителяхъ и сказительницахъ напечатанныхъ былинъ“ и три страницы опечатокъ.

Вообще говоря, нужно лишь привѣтствовать появленіе работъ провинціальныхъ тружениковъ, но можно и пожалѣть, что, имѣя въ рукахъ болѣе 1.000 №№ фольклористическихъ записей, Н. С. Шайжинъ выпускаетъ ихъ микроскопическими порціями, заранѣе обрекая на забвеніе.

Н. В—въ.

Пав. Виноградовъ. Сказитель И. Т. Рябининъ и моя поѣздка съ нимъ. Томскъ, 1906. (Отд. отт. изъ №№ 10 и 14 „Сибирск. Отгол.“ за 1906 г.). стр. 24.

Авторъ возилъ сказителя былинъ Рябинина въ Петербургъ, Москву, Кіевъ, Одессу, Софію, Бѣлградъ, Вѣну и Прагу. Интересную книгу можно написать, свершивъ съ интереснымъ человѣкомъ такое путешествіе, а г. Виноградовъ ограничивается сухимъ, протокольнымъ чисто репортерскимъ пересказомъ того, гдѣ и какъ встрѣчали его, Виноградова, и сказителя Рябинина, начиная отъ высочайшихъ особъ до гимназистовъ и гимназистокъ старшихъ классовъ, и какими наградами его (г. Виноградова) и сказателя Рябинина награждали. Да и репортерскія-то свѣдѣнія скудны, такъ какъ первыя 4 стр. брошюры даютъ свѣдѣнія о былинахъ вообще, всѣмъ давно извѣстныя, а, начиная съ 13 стр. до конца, трактуется ни къ селу ни къ городу о низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Сербіи и Болгаріи.

Н. Он—въ.

А. С. Пругавинъ. Монастырскія тюрьмы и борьба съ сектантствомъ. Изданіе второе, дополненное. Москва. 1906 г.

Знакомство съ русскимъ расколомъ и сектантствомъ будетъ неполнымъ безъ книги А. С. Пругавина. Составленная главнымъ образомъ на основаніи разбросанной по разнымъ журналамъ и газетамъ литературы, а отчасти—добытыхъ самимъ авторомъ архивныхъ данныхъ и его личныхъ впечатлѣній при посѣщеніи имъ Соловецкой и Суздальской тюрьмы, книга сводитъ все имѣющееся до сихъ поръ по этому предмету. Изучающій религіозныя движенія въ народѣ, ихъ возникновеніе, развитіе и проявленіе, въ книгѣ Пругавина увидитъ ту страшную обстановку, въ которой оказывались новаторы въ дѣлѣ вѣры или слишкомъ ревностные прямолинейные ея исповѣдники, попадая при еще вчера существовавшемъ режимѣ въ монастырскія тюрьмы. Нужно сказать однако, что въ страшныя узилища сажали не однихъ раскольниковъ и сектантовъ; въ нихъ ввергали также государственныхъ преступниковъ, этихъ „воровъ и бунтовщиковъ", на оффиціальномъ языкѣ совсѣмъ недавняго времени, сумасшедшихъ, кровосмѣсителей, уголовныхъ убійцъ и совсѣмъ дѣтей, свершавшихъ преступленія. Князья и графы, бароны и генералы, дворяне, купцы, мѣщане, крестьяне, солдаты и духовенство разныхъ ранговъ, отъ пономаря до архіерея, были часто досмертными и во всякомъ случаѣ долголѣтними „сидѣльцами" въ монастырскихъ тюрьмахъ.

Составленныя изъ ряда очерковъ, напечатанныхъ первоначально въ газетахъ „Право", „Сынъ Отечества" и др. и безъ переработки статьи помѣщены въ одну книгу, послѣдняя носитъ яркій публицистическій характеръ, что впрочемъ почти неизбѣжно, такъ какъ еще совсѣмъ недавно существовали всѣ ужасы, которые описываетъ авторъ въ книгѣ, и трудно равнодушно говорить о нихъ.

Н. Ончуковъ.

Сиповскій, В. Русланъ и Людмила. (Къ Литературной исторіи поэмы). Спб. 1906. (Отд. отт. изъ „Пушкинъ и его современ.", в. IV).

Отмѣчая вліяніе на Пушкина, при созданіи поэмы „Русланъ и Людмила", сказокъ Чулкова, авторъ въ концѣ своей работы останавливается надъ вопросомъ объ отношеніи Пушкина къ народной поэзіи. При этомъ г. В. Сиповскій, пересматривая уже затронутый проф. Вс. Миллеромъ вопросъ, даетъ новое разъясненіе въ данномъ направленіи. Онъ утверждаетъ, что многія изъ сказокъ—не народнаго происхожденія, а чисто литературнаго, книжнаго, но обработаны поэтомъ въ народномъ русскомъ духѣ. А относительно народныхъ пѣсенъ, записанныхъ поэтомъ напоминаетъ его собственныя слова при передачѣ Кирѣевскому сборника пѣсенъ: „Когда-нибудь, отъ нечего дѣлать, разберите-ка, которыя поетъ народъ и которыя смастерилъ я самъ". Кирѣевскій не сумѣлъ [1]) этого сдѣлать. А это было бы интересно.

Н. В—въ.

[1]) Вѣрнѣе—„не успѣлъ".

Рѣдинъ, Е. К. Профессоръ Николай Θеодоровичъ Сумцовъ. Къ 30-лѣтней годовщинѣ его учено-педагогической дѣятельности. Харьковъ. 1906. 32 стр.

Проф. Н. Ф. Сумцовъ одинъ изъ самыхъ популярныхъ профессоровъ Харьковскаго Университета и вмѣстѣ съ тѣмъ видный ученый и крупный общественный дѣятель. Главнѣйшіе научные труды его, пользующіеся извѣстностью не только въ Россіи, но и заграницей, посвящены украинской литературѣ—древней и новой, малорусской народной поэзіи, пѣснямъ, сказкамъ, думамъ, заговорамъ и т. д. и малорусской этнографіи, въ широкомъ значеніи этого слова. Въ отмѣчаемой нами брошюркѣ читатель найдетъ: краткій очеркъ дѣятельности проф. Н. Ф. Сумцова за пятилѣтіе (1900—1905 гг.), лѣтопись чествованія его 2 и 9 октября 1905 г. и списокъ его сочиненій за тотъ же періодъ времени [1]). Въ спискѣ перечислено почти 100 названій (№№ 287—380) работъ плодовитаго ученаго. Изъ нихъ на долю этнографіи приходится 15 (№№ 313 — 327); кромѣ того въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ есть статьи—по народной словесности, исторіи искусства и мѣстнаго характера. Въ началѣ—не совсѣмъ удачный портретъ юбиляра. *Н. В—въ.*

Рѣдинъ, Е. К. Искусство и Археологія. Библіографія. Спб. 1906.

Эта брошюрка въ 24 стр., представляющая собою оттискъ изъ „Византійскаго Временника“ за 1905 г., является сборникомъ краткихъ рецензій на книги и статьи, касающіяся, преимущественно, вопросовъ христіанской иконографіи. Археологическія статьи здѣсь отмѣчены лишь постольку, поскольку онѣ соприкасаются съ искусствомъ. Всего рецензируется 43 книги и статьи и указано 19 рецензій, на русскомъ и иностранныхъ языкахъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ отзывы Е. К. Рѣдина дополняетъ проф. Д. Айналовъ. Наиболѣе крупныя замѣтки посвящены работамъ *Н. П. Кондакова* („Лицевой иконописный подлинникъ. Т. I. Иконографія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа“)—6 стр. и *В. И. Сизова* („Миніатюры Кенигсбергской лѣтописи“). Изъ иностранныхъ *Fernand Cabrol*. „Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie“.

Н. В—въ.

А. И. Томсонъ. Общее языковѣдѣніе. Лекціи. Одесса. 1906. VIII+416.

Эта книга представляетъ первую попытку въ русской научной литературѣ систематическаго изложенія общаго языкознанія. Авторъ за немногими исключеніями (напр. страницъ, посвященныхъ такъ называемой „аналогіи“ и методологіи правописанія), не претендуетъ на новые взгляды и теоріи, но за то не безъ таланта соединяетъ въ одну цѣльную картину главные итоги современнаго языкознанія. По общему характеру своего лингвистическаго міросозерца-

---

[1]) Списокъ всѣхъ сочиненій Н. Ф. Сумцова за 25-лѣтіе (1875—1900) приведенъ въ очеркѣ того же автора „Профессоръ Н. Ф. Сумцовъ. Къ 25-ти лѣтней годовщинѣ его учено-педагогической дѣятельности“. См. „Труды Педагогич. Отд. Ист.-Филол. О-ва при Харьковск. Унив. Вып. VII“ (Харьковъ. 1900) и отд. отт. Здѣсь отмѣчены заглавія 286 статей.

нія, проф. Томсонъ примыкаетъ къ психологической школѣ Вильгельма Вундта, при чемъ лингвистическія теоріи А. А. Потебни и И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ,—этихъ талантливѣйшихъ славянскихъ философовъ языка,—повидимому, на него не оказали никакого вліянія.

Изложеніе г. Томсона отличается большой наглядностью и доступностью для каждаго образованнаго читателя, чему, между прочимъ, содѣйствуетъ обиліе примѣровъ изъ русскаго языка.

Г. И.

Проф. А. Л. Погодинъ. Почему не говорятъ животныя? Къ вопросу о происхожденіи языка. Варшава 1905, 4°, 42 стр.

Авторъ выступаетъ въ этой статьѣ горячимъ противникомъ антропоморфизма, т. е. привычки разсматривать душевную жизнь животныхъ съ точки зрѣнія психологической природы человѣка. Приведя множество фактовъ, доказывающихъ, что въ душевной жизни первенствующую роль играетъ инстинктъ, г. Погодинъ такимъ образомъ отвѣчаетъ на поставленный въ заглавіи статьи вопросъ. „Животныя не говорятъ потому, что внутренней жизни у нихъ собственно нѣтъ, что чувства, у нихъ возникающія, выражаются непосредственно въ дѣйствіяхъ, или другими словами потому, что безразличныхъ въ смыслѣ пріятности представленій животное не знаетъ; познаніе ради познанія—привилегія человѣка. Находясь въ состояніи полусна или подчиняясь непроизвольному теченію представленій, животное не мыслитъ, не анализируетъ явленій, не опредѣляетъ своего „я". Тамъ, гдѣ нѣтъ анализа,—нѣтъ понятій и нѣтъ языка" (стр. 42).

Г. И.

Барацъ, Г. Повѣсти и сказанія древне-русской письменности, имѣющія отношеніе къ евреямъ и еврейству. (Отд. отт. изъ „Кіевс. Старины"). Кіевъ. 1906. 13 стр.

Въ этой брошюркѣ авторъ даетъ своеобразное и оч. тенденціозное истолкованіе двухъ мѣстъ изъ Кіево-Печерскаго Патерика. По тому и другому объясненію выходитъ, что въ древности Кіево-Печерскій монастырь служилъ мѣстомъ заточенія и вразумленія „наружно-обращенныхъ въ христіанство евреевъ"... И преп. Ѳеодосій Печерскій „вставалъ много разъ ночью и самолично, тайно отъ всѣхъ, исходилъ (изъ своихъ покоевъ) къ сосланнымъ въ монастырь для исправленія неискреннымъ конвертитамъ, препирался съ ними, укоряя и стыдя ихъ"... Объясняя второе мѣсто г. Г. Барацъ, при помощи ряда гипотезъ, приходитъ къ выводу, что св. Никита Затворникъ былъ окрещенный помимо воли родителей малолѣтній еврей. Но въ самомъ разсказѣ „Патерика" нельзя найти ничего подобнаго.

Н. В—въ.

П. А. Несторовскій. Бессарабскіе русины. Историко-этнографическій очеркъ. *Императорскимъ* Русскимъ Географическимъ обществомъ присуждена серебряная медаль. Варшава. 1905. 174+II. Ц. 1 р. съ пересылкою.

Книга г. Несторовскаго представляетъ безусловно полезный вкладъ въ русскую этнографію: до нея о бессарабскихъ русинахъ не имѣ-

лось ни одного спеціальнаго изслѣдованія. А между тѣмъ эти русины или, какъ они сами себя иначе называютъ, руснаки, заслуживаютъ должнаго вниманія уже по одному тому, что являются довольно крупной этнографической единицей, составляя $^{1}/_{8}$ часть населенія Бессарабской губерніи (ихъ насчитываютъ до 250 тысячъ). Живутъ они сплошнымъ населеніемъ въ Хотинскомъ уѣздѣ, въ его восточной половинѣ, простирающейся по берегу Днѣстра, занимая приблизительно цѣликомъ волости: Рукшинскую, Клишковскую, Грозинскую, Данкоуцкую, Кельменскую, Романкоуцкую и Секурянскую; кромѣ того, отдѣльные поселки ихъ находятся въ сосѣднихъ уѣздахъ: Сорокскомъ и Бѣлецкомъ; проф. А. А. Кочубинскій указываетъ еще два села въ Аккерманскомъ уѣздѣ: „Стефанёвку“ и „Райляпку“, населенныхъ выходцами русинами, называемыми помѣстному „райками“ или „буцами“. Надо думать, что въ старое время районъ жительства русиновъ былъ гораздо больше, и они занимали, по мнѣнію ученыхъ, не только верхній бессарабскій берегъ Днѣстра, но и средину этой рѣки, и являются здѣсь сравнительно съ другими народностями автохтонами; но подъ вліяніемъ румынъ они подвинулись къ сѣверу. И это усиленіе румынской народности, начавшееся еще въ XVI вѣкѣ, не прекратилось и теперь: такъ въ селѣ Грозинцѣ, на которое еще Чубинскій указывалъ, какъ на чисто русинское, теперь чаще и чаще слышится молдавская рѣчь. При изученіи этого племени, ставшаго почти самостоятельнымъ („въ настоящее время они уже не русины Буковины и Галиціи и не малороссы юго-западныхъ губерній Россіи“, такъ ихъ характеризуетъ г. Несторовскій), не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ концѣ XVI и началѣ XVII в. въ нынѣшній Хотинскій уѣздъ переселилось много южно-руссовъ изъ Украины и Волыни; также не мало было переселено русиновъ во второй половинѣ XVII в. молдавскимъ княземъ Александромъ Дукою, который былъ признанъ гетманомъ Украины; были и болѣе раннія переселенія (такъ, есть преданіе о мармарошскихъ выходцахъ при воеводѣ Драгошѣ). Поэтому, можетъ быть, и типъ бессарабскаго русина не вездѣ одинаковъ. Въ той части Хотинскаго уѣзда, которая лежитъ на отрогахъ Карпатъ, соприкасаясь съ австрійскою Буковиною, и носитъ названіе Бессарабской Буковины, типъ русина гораздо чище и красивѣе: русины здѣсь подвижнѣе, предпріимчивѣе и энергичнѣе приднѣстровскихъ; у нихъ больше гордости, любви къ независимости; буковинецъ всегда опрятенъ, онъ, можно сказать, даже щеголь; занятія его разнообразнѣе, чѣмъ у его сосѣда: кромѣ хлѣбопашества, онъ занимается садоводствомъ, огородничествомъ (разводитъ чеснокъ), кустарнымъ производствомъ, извозомъ; отхожій промыселъ („фальчи“, „срочковая работа“) развитъ у буковинца сильнѣе; да и языкъ буковинца нѣсколько иной,—впрочемъ, это больше сказывается въ акцентѣ и въ большемъ обиліи молдавскихъ словъ и выраженій.

Вотъ этимъ-то русинамъ и посвящена книга г. Несторовскаго. Сперва, онъ знакомитъ читателя съ территоріей, гдѣ живутъ русины, съ ея климатомъ; затѣмъ, даетъ краткій историческій очеркъ этого края; далѣе, посвящается глава облику, тѣлосложенію, характеру русиновъ; въ слѣдующихъ частяхъ (самыхъ обширныхъ) описывается

внѣшній и внутренній бытъ. Все это отличается достаточной полнотой и ясностью изложенія, такъ что передъ читателемъ развертывается отчетливая картина житья-бытья бессарабскихъ русиновъ. Книга издана хорошо и читается безъ труда.

Въ заключеніе позволю себѣ остановиться на гипотезѣ г. Несторовскаго о этнографическомъ родствѣ бессарабскихъ русиновъ съ зарубежными малороссами. Къ сожалѣнію, авторъ, указавъ на это родство, не раскрылъ полнѣе, въ чемъ оно состоитъ, и читателю приходится вѣрить ему на слово, что „между бессарабскими русинами (въ бес. Буковинѣ) и австрійскими Подолянами трудно уловить какое-нибудь существенное различіе“ (стр. 6). Мало того, онъ даже склоненъ думать, что не въ вѣрѣ [1]), не въ языкѣ и не во внутреннемъ духовномъ укладѣ бесс. русины роднятся съ зарубежными (стр. 7). Но едва-ли это вѣрно. По крайней мѣрѣ, что касается языка, то онъ, по нашему мнѣнію, имѣетъ болѣе чертъ языка зарубежныхъ малороссовъ, нежели нашихъ. Въ оправданіе своихъ словъ, дадимъ краткую характеристику [2]) языка бесс. русиновъ: 0) безразличное *і* изъ *ѣ* и др. $\bar{е}$ и $\bar{о}$ (сік = сокъ и сѣкъ, ніс = носъ и нёсъ); 1) твердое *ы* вмѣсто *и* и *ы*; 2) частое *в* вм. *л* (горивка, орев); 3) мѣстами (с. Вѣтрянка) *ке* вм. *ки* (покень); 4) вм. нач. *о—в* (втвори);—5) *ф* вм. *хв* (фист); 6) вм. звонкихъ согл. глухіе передъ глухими (дорошка), не всегда: різко; 7) конечное *ц* твердо (хлопцу); 8) вм. *вя*, *пя*, *мя*—*вья*, *пья*, *мья* (вьязаты); 9) возможны удвоенныя согласныя при одиночныхъ (подвірря, весілля, треття, завитання при свиня и др.);—10) твор. пад. ж. р. и мѣстоименій на—*оў* (рукоў, мноў); 11) дат. пад. муж. р. на—*овы*, а не—*ові*; 12) возвр. мѣстоим. произносится *са* и можетъ стоять передъ глаголомъ; мѣстами (въ с. Отакахъ)—*сы*: спытайсы, фоста сы бои; 13) *що* вм. что; 14) различія между твердымъ и мягкимъ склоненіемъ, видимо, нѣтъ: по земли, на мори и т. д. съ *и* изъ *ѣ*, а не съ *ы* изъ *и*; 15) *го*, *все* чаще съ *е*, чѣмъ съ *ё*; 16) въ 3 л. *тъ*, если оно сохраняется, твердо; впрочемъ мѣстами въ с. Вѣтрянкѣ, кажется, есть и *ть*; т—твердо и въ пов. накл. (идитъ), но есть и *ть*: возмить (въ с. Каплівкѣ); 17) буд. время съ неопред. накл.; 18) сослагат. накл.: як бы—мъ знала (въ пѣснѣ).—Изъ этихъ чертъ 0, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 10, 11, 12, и 18—я, т. е. одиннадцать, роднятъ говоръ бесс. русиновъ съ зарубежными малороссами, и только четыре (8-я, 9, 14 и 17) съ нашими.

Л. Л. В.

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что если подъ вѣрой подразумѣвать и религію, то австрійская Буковина, единственная изъ православныхъ церквей съ преобладающимъ русскимъ населеніемъ, сохраняетъ *православіе* за предѣлами Россіи. Археологическіе поиски въ Буковинѣ. И. Евсѣева. Каменецъ-Подольскъ. 1904, стр. 1.

[2]) При составленіи этой характеристики, кромѣ главы объ языкѣ въ книгѣ г. Несторовскаго и его записей ibidem (не всегда, надо замѣтить, удачныхъ), мы пользовались еще статьями, помѣщенными въ Кіевской Старинѣ за 1905 годъ: 1) П. Несторовскій. Матеріалы по этнографіи бессарабскихъ русиновъ, октябрь; 2) Вол. Яблоновській. Весилля въ с. Отакахъ (Этнографичный нарысъ), май.

Т., М. Н. Природа и населеніе Россіи въ 4-хъ частяхъ. Подъ ред. *В. В. Битнера*. Ч. I. Народы Азіатской Россіи. Съ рисунками. Спб. Изданіе „Вѣстника Знанія“ (В. В. Битнера). 1906. Стр. 62.

Рѣдко можно встрѣтить, даже на нашемъ книжномъ рынкѣ, столь беззастѣнчивый примѣръ эксплоатаціи читающей публики, какъ лежащая предъ нами крайне невѣжественно „составленная М. Н. Т. подъ редакціей В. В. Битнера“ компиляція, изданная не какимъ-либо лубочнымъ предпринимателемъ, а журналомъ, претендующимъ, казалось бы, быть разсадникомъ *знанія*. Для убѣжденія въ справедливости сказаннаго, стоитъ развернуть хотя бы страницы 31—35, гдѣ о якутахъ наговорено столько лжи, что больше было бы трудно наговорить даже по спеціальному заказу „ученаго“ редактора. Мы узнаемъ изъ книжки, что зимнія юрты якутовъ дѣлаются будто бы „изъ досокъ, прикрѣпленныхъ къ четыремъ столбамъ“, а „крыша изъ жердей“; — что лѣтнія юрты (урасы), сдѣланныя изъ бересты, якобы „очень легко переносятся съ мѣста на мѣсто“; — что якуты питаются не только „сосновой корой или лыкомъ“, „но даже насѣкомыми, мышами, кротами“, а лошади будто бы „ѣдятъ кору лиственницы“ (какія-то сказочныя животныя!);—что „новорожденныхъ дѣтей якутки по нѣскольку разъ въ сутки натираютъ снѣгомъ;—что главнымъ предметомъ охоты якутовъ служитъ будто бы кабарга, и т. д. Рисунокъ, подъ которымъ подписано: „Якуты на ихъ лѣтней стоянкѣ“, изображаетъ кого угодно, но только *не якутовъ;* онъ представляетъ воспроизведеніе, въ меньшихъ размѣрахъ, рисунка, помѣщеннаго въ мартовской книжкѣ журнала „Природа и Люди“ за 1880 годъ; оттуда же авторъ позаимствовалъ и нѣкоторыя выраженія -- съ буквальною точностью. Не далеко же ушло издательство „Вѣстника Знанія“, если занимается перепечаткою старыхъ бабушкиныхъ бредней!.. Какою то насмѣшкою надъ здравымъ смысломъ звучатъ слова редактора, что изданные имъ очерки „не преслѣдуютъ цѣли дать болѣе того, что̀ необходимо знать человѣку, ищущему *общаго образованія*“... (см. предисловіе). Вотъ что называется: смѣлость города беретъ...

Полагаемъ, что и сказаннаго достаточно для того, чтобы предостеречь нашихъ читателей отъ пріобрѣтенія изданія, разсчитаннаго на невѣжество публики. [1])

Эд. Пекарскій.

И. С. Свѣнцицкій. Матерьялы по исторіи возрожденія Карпатской Руси. I Сношенія Карпатской Руси съ Россіей въ 1-ю половину XIX вѣка. Львовъ. 1906 (Изданіе Галицко-русской Матицы), 212 стр.

И. С. Свѣнцицкій возымѣлъ счастливую мысль собрать въ одной книгѣ матерьялы, объясняющіе литературныя и культурныя связи вождей галицко-русскаго національнаго возрожденія съ научными и литературными дѣятелями имперской Россіи. Въ вышедшій I вы-

---

[1]) Эта случайно попавшаяся намъ книжка, отданная на просмотръ спеціалисту, даетъ вѣрное представленіе объ общемъ характерѣ выпускаемыхъ г. В. Битнеромъ *научныхъ* изданій. *Н. В.*

пускъ этого изданія вошли: воспоминанія и записки русскихъ офицеровъ о Галиціи, побывавшихъ въ этой странѣ во время наполеоновскихъ войнъ (Ѳ. Глинки, А. М. Данилевскаго, В. Броневскаго и др.), нѣкоторыя статьи о Галиціи и извлеченія изъ нихъ въ русскихъ журналахъ 1804—1850 гг., статьи, письма и другія бумаги угрорусса врача И. С. Орлая (директора Нѣжинскаго Лицея кн. Безбородки и Ришельевскаго въ Одессѣ въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія), нѣкоторыя неизданныя работы („Мадьярскія слова, взятыя изъ русскаго языка", „Карпато-русскія пословицы", „Объ украинскомъ правописаніи") его земляка и также медика знаменитаго Юрія Венелина, далѣе путевыя записки и переписка П. И. Кеппена, переписка М. П. Погодина и И. И. Срезневскаго и пр. Къ главнѣйшимъ статьямъ издатель присоединилъ библіографическія и другія примѣчанія, которыя, не смотря на свой не всегда правильный русскій языкъ, даютъ возможность читателю довольно быстро опознаться въ разнообразномъ матерьялѣ книги. *Г. И.*

С. Новаковић. „Косово.-Српске народне песме о боју на Косову. Једанаесто на ново попуњено издање съ новим предговором Београд 1906, 70 стр.

Первое изданіе этой антологіи сербскихъ народныхъ пѣсенъ о битвѣ на Косовѣ полѣ вышло въ Бѣлградѣ въ 1871 г. Съ тѣхъ поръ вышло еще шесть новыхъ изданій этого труда латиницей (въ Загребѣ) и 3 кириллицей (въ Бѣлградѣ). Уже этотъ внѣшній успѣхъ книжки знаменитаго сербскаго слависта является до извѣстной степени доказательствомъ его успѣха внутренняго, который заключается въ чрезвычайно-удачномъ расположеніи пѣсенъ и въ здравыхъ и цѣлесообразныхъ пріемахъ ихъ изданія: въ основу ихъ онъ положилъ классическія записи Вука, и лишь въ очень немногихъ случаяхъ позволилъ себѣ стилистическія усовершенствованія въ ихъ текстѣ. Въ небольшомъ предисловіи ак. Новаковичъ повторяетъ свое прежнее мнѣніе (въ настоящее время раздѣляемое едва-ли не всѣми), что о Косовскомъ боѣ никогда не существовало цѣльной эпопеи, а были только пѣсни, воспѣвавшія отдѣльные его эпизоды. Первоначально въ этихъ пѣсняхъ не было даже ни слова объ измѣнѣ Вука Бранковича, которая стала темой сербскаго народнаго эпоса не раньше XVI в., подъ вліяніемъ книжной литературы.

Было бы очень желательно, чтобы сборникъ ак. Новаковича нашелъ себѣ переводчика въ комъ-нибудь изъ русскихъ поэтовъ. *Г. И.*

П. А. Лавровъ. Разборъ труда П. А. Ровинскаго. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Тома I и тома II 1 и 2 части, представленныя на соисканіе преміи проф. Котляревскаго. Спб. 1906, 106 стр.—Подробно изложивъ содержаніе труда П. А. Ровинскаго и попутно сдѣлавъ рядъ критическихъ замѣчаній на нѣкоторыя отдѣльныя его наблюденія и выводы, рецензентъ признаетъ трудъ г. Ровинскаго вполнѣ заслуживающимъ преміи Котляревскаго, какъ своего рода „этнографическій подвигъ". Въ приложеніи къ „Разбору" проф. Лавровъ напечаталъ четыре документа времени владыкъ Петра I и Петра II, извлеченные имъ изъ архива князя

Николая Черногорскаго, а также „Повѣсть о „Скендербегѣ Черноевичѣ“ (по рукописи Импер. Публ. Библіотеки). Очень жаль, что, печатая послѣдній текстъ, проф. Лавровъ ограничился только приведеніемъ голаго текста безъ всякихъ, хотя бы только библіографическихъ и историко-литературныхъ, комментаріевъ. *Г. И.*

Бобчевъ, С. С. Обычай и законъ (страница изъ „Исторіи древне-болгарскаго права“). Отд. отт. изъ сборника статей въ честь В. И. Ламанскаго. Спб. 1906, 15 стр.

На основаніи данныхъ хризовуловъ и современной народной поэзіи, авторъ доказываетъ, что и у болгаръ, какъ и у другихъ народовъ, обычай предшествовалъ закону. Значеніе строго-юридической нормы законъ получилъ у болгаръ только тогда, когда принятіе христіанства вызвало необходимость созданія термина, соотвѣтствующаго греч. νόμος.

Г. И.

I. Цвіичъ. Македонскіе славяне. Этнографическія изслѣдованія („Славянская Библіотека“ докт. фил. И. С. Шайковича I) Спб. 1906, IV+59+III.

Авторъ этой книжки—извѣстный сербскій геологъ и географъ профессоръ Бѣлградскаго университета, и потому можно было бы ожидать, что онъ отнесется къ столь запутанному и сложному научному вопросу, какъ „македонскій“ съ подобающей научной объективностью и безпристрастіемъ. Къ сожалѣнію, отъ явной политической тенденціи не остались свободными и его „изслѣдованія“, хотя она и задрапирована здѣсь въ тогу „научной осторожности и критицизма“. Авторъ старается въ своей книгѣ именно доказать, что македонскіе славяне не могутъ считаться ни сербами, ни болгарами, такъ какъ они почти совсѣмъ лишены національнаго самосознанія, такъ-сказать, національно-безразличны. Но тѣ факты, которые проф. Цвіичъ приводитъ въ доказательство своего положенія, скорѣе подтверждаютъ болгарскую теорію происхожденія македонцевъ, чѣмъ опровергаютъ. Такъ, напр., если самъ авторъ признаетъ, что словомъ „бугарскій“ македонцы „обозначаютъ болѣе простой образъ жизни, труда и мышленія“, то это только лишній разъ доказываетъ, что названіе „болгарина“ стало общимъ для большинства македонцевъ, не вслѣдствіе болгарской пропаганды, а вслѣдствіе какихъ-то болѣе органическихъ причинъ. Конечно, вслѣдствіе малой культурности, національное самосознаніе не можетъ быть очень здѣсь устойчивымъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что оно равно нулю, какъ спѣшитъ насъ увѣрить въ этомъ проф. Цвіичъ. Скептическое отношеніе къ его разсужденіямъ возбуждается въ читателѣ еще болѣе, когда онъ тщетно старается найти въ книжкѣ проф. Цвіича какія-нибудь указанія относительно языка македонскаго населенія: хотя языкъ и не можетъ служить исключительнымъ признакомъ народности, все же при этнографической квалификаціи извѣстной этнической группы онъ играетъ громадную роль. Вотъ почему очень жаль, что въ своемъ арсеналѣ аргументовъ противъ болгарскаго происхожденія языка македонцевъ проф. Цвіичъ не нашелъ ничего, кромѣ общихъ

фразъ. А между тѣмъ, стоило бы ему немного призадуматься хотя наприм. надъ тѣмъ фактомъ, почему при множествѣ до насъ дошедшихъ „среднеболгарскихъ“ памятниковъ, несомнѣнно написанныхъ въ Македонiи въ XII и XIII вв. (нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ притомъ довольно точную географическую и хронологическую дату, какъ извѣстная Болонская псалтирь), мы не имѣемъ изъ этого времени и мѣста ни одного сербскаго памятника?

Въ предисловiи къ первому выпуску своей „Библiотеки“ г. Шайковичъ напоминаетъ старую истину о глубокомъ невѣжествѣ, которое царитъ въ русскомъ обществѣ относительно всего славянскаго. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ пожалѣть, что въ качествѣ 1 № „Славянской Библiотеки“ для русскаго читателя имъ выбрана явно тенденцiозная и ничего въ сущности не разъясняющая книжка. *Г. И.*

Sprachenkarte von Böhmen. 1: 500.000. Mit 4 Eckkartonne Masse 1: 200.000 von Dr. Heinrich Rauchberg Wien 1905?

Для составленiя этой карты ея авторъ, профессоръ нѣмецкаго университета въ Прагѣ, воспользовался данными народной переписи въ Чехiи 31 дек. 1900 г. Распространенiе языковъ чешскаго и нѣмецкаго въ Чехiи онъ изобразилъ на картѣ по отдѣльнымъ мѣстностямъ, а не по общинамъ, потому что въ Чехiи „есть много общинъ, которыя обнимаютъ мѣстности, различныя по языку. Въ Чехiи числилось ко времени послѣдней народной переписи 7407 мѣстныхъ общинъ и 12,820 мѣстностей. Слѣдовательно, изображенiе по мѣстностямъ гораздо точнѣе, чѣмъ по общинамъ; оно разлагаетъ цѣлый рядъ смѣшанныхъ на первый взглядъ общинъ на ихъ единыя по языку составныя части, и даетъ возможность узнать, какъ строго проходятъ границы языковъ въ дѣйствительности“. *Г. И.*

Wilhelm Schulze, Griechische Lehnworte im Gotischen. Sitzungsberichte der kgl. preussischen Akademie d. Wissenschaften zu Berlin. Band XXXVI (1905), 725—758. — Труды художника, какъ извѣстно, положили начало новому перiоду въ области изученiя греческаго языка. Аѳинскiй профессоръ въ цѣломъ рядѣ статей,—въ настоящее время изданны имъ вновь въ трудѣ: Μεσαιωνικὰ καὶ νέα ἑλληνικά, Аѳины, 1905, доказалъ, что современные греческiе говоры восходятъ къ общегреческой народной Κοινή, всемiрному языку послѣклассическаго перiода. Въ трудахъ Каджикадиса, посвященныхъ изслѣдованiю исторической грамматики греческаго языка, мы находимъ богатый матерiалъ и для изученiя греческаго языка. Остроумiе греческаго ученаго, главнымъ образомъ, сказывается въ указанiи исконно-греческаго элемента въ современныхъ греческихъ говорахъ. Такимъ образомъ труды его находятся въ нѣкоторомъ противорѣчiи съ изслѣдованiями покойнаго G. Meyer'а, заслугой котораго слѣдуетъ признать глубоко-серьезное изученiе иноязычныхъ заимствованiй въ греческомъ языкѣ. Въ своихъ „Türkische Studien“ и „Albanesisches Wörterbuch“ тотъ же ученый подчеркнулъ важность изученiя греческихъ заимствованiй въ языкахъ Балканскаго Полуострова, а также и Востока, для исторiи греческаго языка. Своими замѣчательными работами Мейеръ съумѣлъ заинтересовать подобнаго

рода изслѣдованіями цѣлый рядъ лингвистовъ. Подъ его вліяніемъ написано изслѣдованіе Thumb'a „Die griechischen Lehnwörter im Armenischen“, Byz. Zeitschr. IX, 388—452, далѣе въ высшей степени цѣнная работа S. Krauss'a „Die griechischen Lehnwörter im Talmud, Midrasch und Targum, 2 тома и проч.

Въ этимологическомъ изслѣдованіи греческаго языка, въ 90-хъ годахъ, такимъ образомъ, обнаруживается своеобразный Drang nach Osten, и странно, что до сихъ поръ еще не появилась работа, посвященная изслѣдованію турецкихъ элементовъ въ новогреческомъ языкѣ, которая могла бы замѣнить далеко не исчерпывающіе данный вопросъ, но тѣмъ не менѣе капитальные „Türkische Elemente“ Миклошича.

Съ прошлаго года, кажется, наступаетъ новый періодъ въ этимологическомъ изученіи среднегреческаго языка,—періодъ изученія греческаго вліянія на языки западной Европы, языки романо-германскаго міра. Начало этому періоду положилъ молодой нѣмецкій ученый Th. Claussen въ двухъ работахъ, посвященныхъ греческимъ заимствованіямъ въ романскихъ языкахъ и, одновременно съ нимъ, извѣстный излѣдователь народной Κοινή—A. Thumb, въ статьѣ got. paida, Zeitschrift f. deutsche Wortfoschung, VII, 261—267; и, наконецъ, указанное выше изслѣдованіе W. Schulze, къ разбору котораго я и перехожу: работа Schulze ярче другихъ работъ этого „новаго періода“ свидѣтельствуетъ объ успѣхахъ въ области изученія греческаго языка: врядъ ли мы ошибемся, если замѣтимъ, что появленіе ея лѣтъ 10 тому назадъ было бы прямо невѣроятно. Разумѣется, въ трудѣ имѣются и недостатки, но они вполнѣ искупаются его достоинствами. Особенно удачны, на нашъ взглядъ, наблюденія автора въ области такъ-называемой народно-греческой аспираціи, которыя даютъ ему право возстановить народное ἔθνος, на основаніи копрскаго SEΘNOC и армянскаго hetános. Изъ этого народно-греческаго слова Schulze выводитъ др. верхнѣм. heidan, готск. haiϑno, что весьма правдоподобно (см. уже раньше Torp и Bugge, J. F., V, 178—180). Такимъ образомъ, мнѣ кажется, на греческой почвѣ произошла аспирація въ словахъ: ἁλόη изъ ἀλόη, по свидѣтельству армянск. halūe, а также ἱδιώτης изъ ἰδιώτης по свидѣтельству сирійск. hedjūtō (см. Соболевскій, Фонетика ц.-слав. языка, 27), наконецъ въ ὁπώρα изъ ὀπώρα на основаніи понтійск. μορόπωρον изъ μεθόπωρον, см. Thumb; „Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus“, 19.

Послѣ сказаннаго я уже считаю излишнимъ подчеркивать преимущества работы Шульце и перехожу къ ея недостаткамъ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ утвержденіе, что между греками и готами не было продолжительныхъ культурныхъ сношеній (стр. 742), иначе въ языкѣ готовъ, по его мнѣнію, сохранилось бы больше слѣдовъ греческаго вліянія, между тѣмъ греческія заимствованія въ готскомъ языкѣ относятся почти исключительно къ богослужебной терминологіи и носятъ, такимъ образомъ, книжный характеръ. Этотъ выводъ намъ кажется весьма необоснованнымъ; послѣдователи славянскихъ языковъ знаютъ, какъ мало до насъ дошло народныхъ словъ старославянскаго языка и какъ много погибшихъ формъ этого языка можно возсоздать путемъ сравненія живыхъ сла-

вянскихъ нарѣчій [1]). Безъ сомнѣнія, не меньше погибло и готскихъ словъ, ибо и этотъ языкъ сохранился лишь въ богослужебныхъ книгахъ. Реконструктивная работа здѣсь, по части греческаго элемента, по крайней мѣрѣ, значительно затрудняется тѣмъ, что другія германскія нарѣчія, въ виду постоянныхъ сношеній съ Римомъ, подверглись гораздо менѣе значительному вліянію со стороны Византіи, что необходимо должно было отразиться и въ языкѣ. Впрочемъ, и дошедшій до насъ готскій словарь далеко не исчерпанъ нашимъ изслѣдователемъ. Выше уже отмѣчено слово paida, изъ греч. βαίτη, пропущенное Шульце. Но число народно-греческихъ элементовъ не трудно и увеличить: сюда относится слово karkara, которое не восходитъ къ латинскому carcer, какъ думаетъ Feist: „Grundzüge der gotischen Etymologie“, 141, а заимствовано съ среднегреческаго κάρκαρον, въ свою очередь восходящаго къ латинскому слову (см. G. Meyer: „Neugr. St.“, III, 27), и представляетъ собой nom. plus. греческой формы. Далѣе готск. paska восходитъ къ народно-греч. πάσκα, а не къ литературному πάσχα, какъ указалъ Feist, с. l., 142; изъ того же источника взято наше паска, употребляемое, напр., въ бѣлорусскихъ говорахъ, см. „Сборникъ отд. русск. яз. и словесн. Имп. Ак. Наукъ“, XII, 220.—Далѣе, готск. paúrpura взято не съ лат. purpura (какъ Feist, с. l., 142), а, по свидѣтельству начальнаго au,—съ греч. πορφύρα; готск. praúfetus ближе всего подходитъ къ греч. προφήτος изъ προφήτης, которое мы находимъ въ такомъ цѣнномъ памятникѣ греческаго языка какъ „Рѣчь тонкословія греческаго“, изданіе Никольскаго, „Памятн. древней письменности“, CXIV, 1, 5.—Новогреческое σαββάτο, Schulze, 745, считаетъ кристаллизованной формой dativ'a, возникшей подъ вліяніемъ ударенія въ выраженіи ἐν σαββάτῳ. Объясненіе это намъ кажется ошибочнымъ, не смотря на то, что принципіально оно возможно, какъ показываютъ и наблюденія Крумбахера Byz. Zeitschr., XV, 664. Ошибочно оно потому, что σαββάτο народная форма, а дательный падежъ ἐν σαββάτῳ принадлежитъ литературному языку и изъ народной рѣчи исчезъ уже въ началѣ среднихъ вѣковъ, какъ показываютъ примѣры Hatzidakis, Einleitung, 221 sq., Dieterich, Untersuchungen, 151 sq. Правильнѣе, на нашъ взглядъ, видѣть въ σαββάτο вліяніе суфикса—ατον, который имѣется въ родѣ: δροσάτον, Prodrom, III, 576; καποδάτον, и проч. см. Hatzidakis, Einleitung, 184.

Ф. Фасмеръ.

---

[1]) Попытку возсоздать цѣлый рядъ старославянскихъ словъ мы надѣемся сдѣлать въ ближайшемъ будущемъ въ работѣ, посвященной изслѣдованію греческихъ элементовъ въ старославянскомъ языкѣ.

Журналы за 1906 г.

Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва. Кн. XXXII. Омскъ. 6) *М. Чорчановъ*. „Замѣтка о киргизахъ Павлодарскаго уѣзда". Въ приложеніи: „Особая замѣтка. Какимъ порядкомъ опредѣляется время года у киргизъ".

Извѣстія И. Р. Г. О-ва, вып. II—III (двойной). *Григорьевъ, В.* Къ вопросу о поземельномъ устройствѣ инородцевъ Минусинскаго края. *Колчакъ, А.* Послѣдняя экспедиція на островъ Беннета, снаряженная И. А. Н. для поисковъ барона Толля (съ 2 табл. рис.). *Тульчинскій, К.* Изъ путешествія къ Берингову проливу (съ 4 табл. рис.). *Барковскій, И.* Статистика путей сообщенія Россіи. *Чичерина, С.* Положеніе просвѣщенія у Приволжскихъ инородцевъ (съ 4 табл. рис.). *Воейковъ, А.* Распредѣленіе населенія земли въ зависимости отъ природныхъ условій и дѣятельности человѣка (съ 3 черт. и 5 картогр.). Письма *И. Толмачева* изъ Хатангской экспедиціи.

Извѣстія Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ. **Т. XXII.** Нѣжинъ. 1906. Описаніе рукописей библіотеки (Пріобрѣтенія 1904—1905 г.г.). *М. Сперанскаго.* Отличительныя черты классическаго міровоззрѣнія. *И. Семенова.* Къ вопросу объ основномъ характерѣ древне-еллинскаго государства. *А. Покровскаго.* Филологическіе этюды и замѣтки. *И. Турцевича.*

Кіевская Старина, № 9. Воспоминанія etc. *Н. И. Соколова* (продолженіе).—Сонъ Пресвятыя Богородицы (по списку начала XVIII в.). *А. Шрамченко.*—Як Сатана збірав закони по землі (изъ народныхъ устъ). *Ив. Бѣньковскій.* Рецензія *В. Данилова* на: „И. Абрамовъ. Черниговскіе малороссы" (отт. изъ „Жив. Старин."). **№№ 10—12.** Воспоминанія etc. Н. И. Соколова (продолженіе).

Русскій Филологическій Вѣстникъ, № 3—4 (двойной). *А. Орловъ.* Исторія объ Азовскомъ взятіи и осадномъ сидѣніи отъ турецкаго царя Брагима (окончаніе). *Г. Ильинскій.* Апокрифъ „Acta Pilati" въ спискѣ Орбельской тріоди XIII в. *А. Соболевскій.* Замѣтки въ области русской діалектологіи. *Зеленинъ, Д.* О говорѣ Оренбургскихъ казаковъ. *В. Бобровъ.* Русскія народныя сказки о животныхъ. *А. Ветуховъ.* Заговоры, заклинанія, обереги и т. под. (продолженіе). *Е. Карскій.* М. И. Соколовъ (некрологъ). Замѣтки и обширная библіографія. Въ педагогич. отд.—*В. Чернышева.* Законы и правила русскаго произношенія.

Славянскія Извѣстія (8 №№ въ годъ). *Мука, Э.* Полабскіе славяне. №№ 2, 4, 5 и 7. *А. Яцимирскій.* Изъ исторіи культурныхъ и литературныхъ сношеній румынъ съ сербами. №№ 4 и 5. *А. Я.* Каѳедра славяновѣдѣнія въ Румыніи. № 3. *Н. Державинъ.* Болгарскія колоніи на югѣ Россіи. №№ 1, 2 и 6. *Э. Мука.* Литература лужицкихъ сербовъ съ 1548—1899 г. № 1. *Н. Александровъ.* Карлъ Яромиръ Эрбенъ. № 2. *Н. Новича.* Переводъ сербской народной пѣсни. № 6. Рядъ мелкихъ замѣтокъ, некрологи, библіографія.

Труды Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва, т. VII, в. 3. 1904 г. Спб. 1905. *Корнакова, А. Д.* Поѣздка къ хубилгану-бакши (перерожденецъ, святой учитель) Долцунъ-Гыгэну.—*Талько-Грынцевичъ, Ю. Д.* Къ антропологіи тунгусовъ. Иройскіе Хамнеганы. Антрополого-этнологическій очеркъ. (I. Этнографическій очеркъ. II. Антропологическій очеркъ. III. Антропологическія изслѣдованія).—Отчетъ отдѣленія за 1904 г.

Ученыя Записки Имп. Казанскаго Университета, **кн. 1—12,** *А. А.* Указатель авторовъ и статей, напечатанныхъ въ Ученыхъ Запискахъ въ 1906 г., XII; *А. Александровъ.* О трудахъ А. И. Яцимирскаго по славянской

филологіи, VII—VIII; *Н. Петровскій.* Первые годы дѣятельности В. Копитаря, I—IX, XII; *И. Стратоновъ.* Замѣтки по исторіи земскихъ соборовъ Московской Руси, III; *К. Харламповичъ.* Сказанія о 42 амморійскихъ мученикахъ (разборъ), V—VI; *М. Хвостовъ.* Развитіе внѣшней торговли Египта въ греко-римскій періодъ, I, IV, X и XII.

Этнографическое Обозрѣніе. № 1 и 2 (двойной). *М. Сперанскаго.* Курскій лирникъ Т. И. Семеновъ. *С. Кузнецова.* Изъ воспоминаній этнографа. *Кн. Н. Трубецкого.* Къ вопросу о „Золотой Бабѣ". *Е. Елеонской.* Нѣкоторыя замѣчанія о пережиткахъ первобытной культуры въ русскихъ народн. сказкахъ. *Дм. Успенскаго.* Народныя вѣрованія въ церковн. живописи. *В. Харузиной.* Нѣсколько словъ о родильныхъ, о крестинныхъ обрядахъ и объ уходѣ за дѣтьми въ Пудожск. у. *Е. Якушкина.* Замѣтка объ одномъ очрѣдкомъ изданіи бѣлорусскихъ пѣсенъ. *М. Сперанскаго.* Одинъ изъ старыхъ рукописныхъ сборниковъ снотолкованій и пѣсенъ. *Д. Зеленина.* Южно-великорусскія страданія. *Его же.* Къ исторіи распространенія тайныхъ сектъ въ Прикамскомъ краѣ. *П. Городцова.* Азанъ-юрты. Зап.-Сиб. легенда. *Его же.* Чудь. Зап.-Сиб. легенда. *А. Диваева.* Семь сказокъ киргизовъ.—Библіографія и хроника.

П. В.

Новости этнографической литературы.

Авенаріусъ, В. Книга былинъ. Сводъ избранныхъ образцовъ русской народной эпической поэзіи. Изд. 7-е. М.

Акты, издаваемые Виленскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. XXXI. Акты о литовскихъ татарахъ. Вильно.

Алферовъ, А. и *Грузинскій, А.* Допетровская литература и народная поэзія. Хрестоматія, тексты, переводы, примѣчанія, словарь. М.

Ахелисъ, Т., проф. Происхожденіе права. Перев. Д. Марголина. Кіевъ.

Багалѣй, А. проф. Археологическая карта Харьковск. губ. съ объясненіемъ текста. М.

Барацъ Г. М. О судебныхъ доказательствахъ по Русской Правдѣ. (Отт. изъ „Вѣстн. Права").

Бондаренко, И. Архитектурные памятники Москвы. Вып. II и III. Эпоха Петра I. Эпоха Елизаветы. Эпоха Екатерины II. М.

Брюкнеръ, проф. Исторія русской литературы. II ч. (Прилож. къ „Вѣстн. Знанія"). Спб.

Быковскій, И. Исторія старообрядчества всѣхъ согласій, единовѣріе, начало раскола и сектантства. Съ иллюстр. и портретами. Очеркъ. М.

Бѣляевъ, Н. О булатахъ. Съ прилож. историческихъ свѣдѣній о булатѣ въ Россіи, *В. Ф. Желѣзнова* и описанія коллекціи восточнаго оружія *Д. К. Чернова.* Спб.

Виноградовъ, Н. Великорусскій вертепъ. (Предисловіе. Текстъ вертепной драмы. Библіографическій указатель литературы). Спб.

Виташевскій, Н. По тайгѣ за золотомъ. По дневнику и письмамъ автора. Спб.

Воеводинъ, Л. Е. 45 народныхъ старинныхъ пѣсенъ въ заводахъ Пермской губ. Пермь.

Григорьевъ, В. Къ вопросу о поземельномъ устройствѣ инородцевъ Минусинскаго края. Спб. (Отд. отт. изъ „Изв. И. Р. Г. О-ва").

Деличъ, Ф. Библія и Вавилонъ. Изслѣдованіе. Съ 27 рис. Изд. 3-е. Спб. 1907.

Добрынинъ, Л. и *Бѣлугинъ, Ѳ.* Прикаспійскія степи. (Астраханская губ. и Уральская обл.). Съ рис. М.

Едемскій, М. Кокшеньгская старина. (Отт. изъ Зап. Рус. Отд. И. Р. А. О-ва). Спб. 12 стр.

Етнографічний збірник. Видае Етн. Ком. Наук. Т-ва ім. Шевченка. Т. XVIII. Коломийки. Зібрав В. Гнатюк. Т. II. У Львови. 312 стр.

То-же. Т. XXI. Галицько-руські народні мельодії, зібрані на фонограф Йосифом Роздольским, списав і зредагував С. Людкевич. Ч. I. У Львови. 187 стр.

Жаковъ, К. Очерки изъ жизни рабочихъ и крестьянъ на сѣверѣ. Спб.

Извѣстія Историко - Филологич. Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ. Т. XXII. Нѣжинъ. 18+13++II+40+29+15+101+111+32+6.

Ильинскій, Г. Апокрифъ „Acta Pilati“ въ спискѣ Орбельской Тріоди XIII в. (Отт. изъ Р. Ф. В.). 209—217 стр.

Его-же. Грамота бана Кулина. Опытъ критическаго изданія текста съ комментаріями. Съ прилож. фототипич. снимка. Изд. О-ва Люб. Др. Письм. Спб. 35 стр.

Его-же. Копитарова Тріодь XIII в. (Отт. изъ Р. Ф. В.). Варшава. 199—215 стр.

Его-же. Сверлижскіе отрывки. (Отт. изъ „Статей по славяновѣдѣнію“). Спб. 32 стр. и 3 фототип. снимка.

Исаковъ, С. Лекціи по искусству (русскому). I и II (Прилож. къ „Вѣстн. Знанія“). Спб. 40 стр.

Каминскій, В. Праздникъ Пасхи въ с. Косаревѣ, Дубенск. у., Волынской губ. (Отт. изъ „Кіевск. Ст.“). Кіевъ.

Качоровскій, К. Русская община. 2-е изд. М.

Келтуяла, В. Курсъ исторіи русской литературы. Пособіе для самообразованія. Часть I. Исторія древней русской литературы. Кн. первая. Спб.

Китерманъ, Б. Къ вопросу о длительности звуковъ въ русск. языкѣ. Спб. 30 стр. + 2 л. снимковъ.

Козловъ, П. К. Монголія и Камъ. Труды экспедиціи И. Р. Г. О-ва, совершенной въ 1899—1901 гг. Т. I, ч. 2. Спб. (Съ 2 картами, 38 фототип. и 51 политип.).

Котельниковъ, А. Нужна ли и зачѣмъ нужна статистика. Спб.

Кулаковскій, Ю. Прошлое Тавриды. Съ 3 карт. и 6 рис. Кіевъ. 141. стр.

Логиновъ, Г. Статистика землевладѣнія Европейской Россіи по уѣздамъ. Спб.

Марръ, Н. Краткій каталогъ Анійскаго музея (съ рисунками). Анійская серія № 1. Спб.

Мезіеръ, А. Въ поискахъ правды и смысла жизни. Очеркъ изъ исторіи русскаго масонства. Спб.

Миллеръ, В. Отголоски смутнаго времени въ былинахъ. (Отт. изъ „Изв. Отд. р. яз. и сл. И. А. Н., т. XI, кн. 2). Спб. 104 стр.

М., Н. Т. Природа и населеніе Россіи. 4 ч. (Прилож. къ „Вѣстн. Знанія“). Спб. 62+68+64 стр.

Невзоровъ, А. Торговый оборотъ въ пословицахъ русскаго народа. Спб.

Никольскій, Н. Матеріалы для повременнаго списка русскихъ писателей и ихъ сочиненій (X—XI в.). Корректурное изд. Спб. 596 стр.

Орловъ, А. С. Сказочныя повѣсти объ Азовѣ. „Исторія“ 7135 года. Изслѣдованіе и текстъ. Варшава. 270 стр.

Его-же. Историческія и поэтическія повѣсти объ Азовѣ (взятіе 1637 г. и осадное сидѣнье 1641 г.). Тексты. М. V+236 стр.

Отчетъ о дѣятельности Западно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва за 1904 годъ. Омскъ. 1906 г. 25 стр.

Отчетъ о присужденіи премій профессора А. А. Котляревскаго въ 1904 г. Спб.

Отчетъ о 47 присужденіи наградъ графа Уварова. Спб. 38 стр.

Отчетъ Подольскаго церковно-историко-археологическаго О-ва за 1905 г. Каменецъ-Подольскъ.

Отчеты о засѣданіяхъ Имп. О-ва Любит. Др. Письм. въ 1904—1905 гг. Съ приложеніями. Спб. 73 стр.

Очередная выставка послѣднихъ поступленій Музея Антропологіи и Этнографіи имени П. В. при И. А. Н. Ноябрь—декабрь 1906 г. Спб. 12 стр.

Памятки украïнсько-руськоï мови і літератури. Т. IV. Апокріфи і легенди з украïнських рукописів. Зібрав, упорядкував і пояснив Др. Іван Франко. Т. IV. Апокріфи эсхатольогічні. У Львові. XLVII+524 стр.

Петровъ, А. Статьи объ Угорской Руси. Замѣтки по этнографіи и статистикѣ. Спб. („Зап. Историко-Филолог. факульт. Спб. Унив.“, прилож. къ т. LXXXI, и отдѣльно).

Пештичъ, Н. П. Народности Россіи по губерніямъ и областямъ. Составлено по заявленіямъ о родномъ языкѣ при первой всеобщей переписи 1897 г. Спб. (карта въ листѣ).

Поливка, Ю. Aus der Zeitschrift des Vereins für Volkskunde in Berlin. Heft 2. Südslavisch und Russisch.

Политическая энциклопедія. Т. I, в. 3. (Бразилія—Выборы). Спб. 321—480 стр. и 8 картъ.

Пругавинъ, А. Религіозные отщепенцы. Очерки современнаго сектантства. Вып. I. Сютаевцы. Апостолъ Зосима. Еретики. В. II. Немоляки. „Вредныя секты“. Штунда среди великороссовъ. Бѣлоризцы. Интеллигентная секта. М.

Путеводитель по Китайской восточной желѣзн. дорогѣ. Спб.

Радищевъ, А. Н. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Текстъ про-

изведенія. Объяснительныя статьи. Спб.

Радловъ, В. Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. В. XX. (стр. 321—640). Спб.

Робертсонъ, Дж. С. Кафиры Гиндукуша. (Извлеченіе). Съ прилож. схемы Кафристана. Перев. съ англ. *А. Половцова* и *А. Снѣсарева.* Ташкентъ.

Ростовцевъ, М. Керченская декоративная живопись и ближайшія задачи археологическаго изслѣдованія Керчи. Спб.

Рудаковъ, В. Третій областной историко-археологическій съѣздъ въ губ. г. Владимірѣ. Спб. (Отд. отт. изъ „Ист. Вѣстн.").

Русская библіографія по естествознанію и математикѣ, сост. состоящ. при И. А. Н. Спб. бюро международн. библіографіи. Т. II (1901—1902). Спб. VI+246 стр.

Рѣдинъ, Е. К. Искусство и археологія. Библіографія. Спб. 24 стр.

Его-же. Портретъ Козьмы Индикоплова въ русскихъ лицевыхъ спискахъ его сочиненія. Спб. 20 стр.

Его-же. Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ. Къ 30-лѣтней годовщинѣ его учено-педагогической дѣятельности. Харьковъ. 32 стр.

С., А. Отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ въ 1905 г. И. С. Абрамовымъ въ Смоленской губ. S. l. et a. 27 стр.

Сборникъ Законодательныхъ Памятниковъ древняго западно-европейскаго права. Подъ редакц. П. Г. Виноградова и М. Ф. Владимірскаго-Буданова. В. I. Lex Salica. Кіевъ. IV + 326+11 стр.

Сборникъ отдѣленія русск. языка и словесн. И. А. Н. Т. LXXXI. Спб. 78 + 42 +112+110+81+175+375+190 стр.

Сиповскій, В. Исторія русской словесности. Ч. I, в. 1. Народная словесность. Спб. 122 стр. Ч. I, в. 2. Исторія литературы XI—XVIII в. Спб. 243 стр. Ч. II. Исторія литературы съ эпохи Петра до Пушкина. Спб. 311 стр.

Снѣсаревъ, А. Индія, какъ главный факторъ въ средне-азіатскомъ вопросѣ. (Взглядъ туземцевъ Индіи на англичанъ и ихъ управленіе). Спб.

Сумцовъ, Н. Объ этнографическомъ изученіи Екатеринославской губерніи.

Тіандеръ, К. Ѳ. Поѣздки нормановъ въ Бѣлое море. Спб.

Томсонъ, Александръ, проф. Общее языковѣдѣніе. Лекціи. Съ мног. рис. въ текстѣ. Одесса.

Труды Варшавскаго статистическаго комитета для десяти губерній Царства Польскаго. Вв. XXI, XXII, XXIII, XXIV и XXV.

Труды Вятской архивной комиссіи. В. I. и II. Вятка. 62—IV—178—90 стр.

Труды Харьковской комиссіи по устройству XIII археологическаго въ г. Екатеринославѣ. Изд. подъ ред. *Е. К. Рѣдина.* (Сборникъ харьковск. историко-филолог. О-ва, т. VI). Харьковъ.

Тюшовъ, В. Н. По Западному берегу Камчатки. (Съ картой). Спб. Зап. И. Р. Г. О-ва по Общей Географіи. Т. XXXVII, № 2.

Успенскій, А. Иконы церковно-археологическаго музея О-ва Любит. Духовнаго Просвѣщенія. Вып. III. М.

Успенскій, В. и *Воробьевъ, Н.* Лицевое житіе св. Алексѣя Человѣка Божія. Фотолитографич. воспроизведеніе рукописи изъ библіотеки царя Алексѣя Михайловича. Спб.

Ихъ-же. Лицевое житіе св. Маріи Египетской. Фотолитограф. воспроизведеніе рукописи изъ библ. царя Алексѣя Мих. Спб.

Фонъ-Дервизъ, Н. В. Сухумскій округъ. Тифлисъ. 77 стр. (*Записки* Кавказск. Отд. И. Р. Г. О-ва. Кн. XXV, в. 8-й).

Франко, И. Сьвятий Климент у Корсуні. У Львові.

Хлѣбниковъ, П. Астрахань въ старые годы. I. Вторая половина XVI вѣка. Спб.

Чамберленъ, Г. С. Евреи, ихъ происхожденіе и причины ихъ вліянія въ Европѣ. Спб.

Черевански, Вл. Исчезнувшее царство. (Эпоха Семирамиды). Историч. монографія. Со мн. грав. и рис. Ч. I и II. Спб.

Чернышевъ, В. Законы и правила русскаго произношенія. Звуки. Формы. Удареніе. (Отт. изъ Р. Ф. В.). Варшава. 47 стр.

Чтенія въ Имп. О-вѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Моск. Унив., кн. 2 и 3 (217 и 218). М.

Шахматовъ, А. Корсунская легенда о крещеніи Владиміра. (Отт. изъ Сборн. статей въ честь В. И. Ламанскаго). Спб. 126 стр.

Шерръ, I. Магометъ и вѣроученіе. Перев. Н. Н. Мазуренко. Спб.

Энциклопедическій словарь. 3-й дополнительный полутомъ. (Кошбухъ-Прусикъ). Спб.

Яцимирскій, А. Изъ исторіи славянской письменности въ Молдавіи и Валахіи. XV — XVII в. Спб. 9 + CXVIII + 176.

Н. В.

ОТДѢЛЪ IV.

I. Русское народное воспитаніе.

Нѣсколько указаній и вопросовъ для собиранія матеріаловъ о немъ.

Русское народное воспитаніе, несмотря на свою практическую и научную важность, чрезвычайно мало изслѣдовано. Мы предлагаемъ здѣсь нѣсколько общихъ замѣчаній и вопросовъ, руководствуясь которыми, лица, близкія къ народу, могутъ сообщать Географическому Обществу, редакціи „Живой Старины", или автору настоящей замѣтки [1]) полезныя свѣдѣнія о воспитаніи дѣтей у крестьянъ, мѣщанъ, купцовъ, которые живутъ по старинѣ, по обычаю и примѣру отцовъ и дѣдовъ.

Достоинство этихъ сообщеній будетъ заключаться въ количествѣ и обстоятельномъ изложеніи фактовъ и условій, при которыхъ они происходятъ, въ точности и правдивости описанія, въ безпристрастіи наблюдателя, въ строгомъ отличіи того, *что есть*, отъ того, *что желательно и что должно быть*. Внимательный наблюдатель и самъ сумѣетъ расширить рамки своихъ изслѣдованій или обратиться къ подробностямъ, которыя не указаны въ прилагаемыхъ вопросахъ, но выдвинуты самою жизнью, какъ это сдѣлалъ А. И. Косогоровъ, авторъ прилагаемаго для примѣра сообщенія.

Воспитаніе физическое.

Кормленіе младенцевъ и уходъ за ними. Пища подросшихъ дѣтей. Заботы объ ихъ здоровьѣ и чистотѣ тѣла. Дѣтскія игры (названіе и описаніе ихъ). Лѣченіе дѣтскихъ болѣзней. Участіе дѣтей въ домашнихъ работахъ. Защита дѣтей отъ дурной погоды, зноя, холода, сырости, вѣтра. Вліяніе бѣдности на ихъ здоровье. Отношенія мальчиковъ и дѣвочекъ (уродливыя проявленія ранняго полового развитія).

---

[1]) По адресу: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 12 лин., д. № 31а, кв. 63, Вас. Ил. Чернышевъ.

Воспитаніе умственное.

Какія понятія даютъ дѣтямъ старики и старухи о предметахъ и явленіяхъ природы (вѣтрѣ, громѣ, молніи, солнцѣ, лунѣ и т. п.), о физическихъ и духовныхъ свойствахъ человѣка, о природѣ и жизни людей въ чужихъ странахъ и у насъ, объ измѣреніи предметовъ по вѣсу, объему, разстоянію, о свѣтскихъ книгахъ и писателяхъ, о произведеніяхъ народнаго творчества (былинахъ, пѣсняхъ, сказкахъ, загадкахъ) и т. п.

Если есть старинное народное училище (школа грамоты безъ образованнаго учителя), то желательно имѣть подробное ея описаніе.

Нравственное воспитаніе.

Религіозное воспитаніе. Въ чемъ оно состоитъ? Какъ образуется: словами, примѣромъ, властью? Какъ учать дѣтей относиться къ духовенству, къ церкви, къ священному писанію и церковнымъ книгамъ?

Нравственное воспитаніе. Основныя моральныя требованія, внушаемыя дѣтямъ. Народный идеалъ хорошаго дитяти, мальчика и дѣвочки. Какіе проступки чаще всего встрѣчаются въ поведеніи дѣтей Вашей мѣстности? Какъ борются съ ними родители? Какія наказанія у Васъ употребляются? Есть ли примѣръ воспитанія безъ наказаній? Вліяніе товарищества. Что еще воспитываетъ и что портитъ дѣтей Вашей мѣстности?

При каждомъ сообщеніи необходимо точно обозначить время и мѣсто наблюденія, а также указать имя, отчество, фамилію и подробный адресъ наблюдателя.

В. Чернышевъ.

II. Русская народная драма.

Прошу сообщить свѣдѣнія о русской народной драмѣ по слѣдующимъ вопросамъ:

a) Мѣстность, гдѣ наблюдается существованіе или остатки какихъ либо сценическихъ представленій.

b) Названіе пьесы: (Царь-Максемьянъ, Лодка, Черный Воронъ и т. п.), ея распространенность.

c) Отношеніе населенія къ народнымъ представленіямъ.

d) Имена и костюмы дѣйствующихъ лицъ, обстановка.

e) Текстъ пьесы (по возможности подробный и съ соблюденіемъ особенностей говора), или пересказъ ея (если нельзя почему либо записать подлинный текстъ).

Свѣдѣнія и отвѣты прошу адресовать въ редакцію „Живой Старины“ для Н. Н. Виноградова, или же въ Этнографическій Отдѣлъ Русскаго Музея Имп. Александра III для Н. Н. Виноградова.

Н. Виноградовъ.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Русское народное воспитаніе.

(Примѣрный отвѣтъ изъ одной мѣстности).

Первое время ребенка кормитъ мать грудью. 2—3-хъ недѣльному даютъ соску—жуютъ баранки съ сахаромъ и завязываютъ въ рѣдкую тряпочку. Соску дѣлаютъ такой величины, чтобъ дитя могло свободно взять въ ротъ.

Привязываютъ резиновый сосокъ или коровій къ коровьему рожку, наливаютъ въ рожокъ молока и привязываютъ надъ ребенкомъ къ обручу люльки, чтобъ ребенокъ могъ сосать. Рожокъ и соску даютъ ребенку для того, чтобы онъ спокойнѣе лежалъ. Когда заплачетъ, то или мать кормитъ грудью, или даютъ соску, или рожокъ. Когда подростетъ (около полугода) варятъ манную кашу на молокѣ, жуютъ ее и даютъ ребенку. Кашу замѣняютъ баранки съ сахаромъ или хлѣбъ. Жуютъ и изо рта кормятъ. Почти цѣлый годъ ребенка свиваютъ. Завертываютъ въ пеленки и обвиваютъ поясомъ. Черезъ годъ или полтора отнимаютъ отъ груди—мать перестаетъ кормить своимъ молокомъ. Двухлѣтнему въ среду и пятницу, а такъ же и въ посты не даютъ скоромнаго и уже учатъ Богу молиться, креститься. Когда ребенокъ начинаетъ ходить безъ поддержки—когда дѣлаетъ только первый шагъ—ему кладутъ поперекъ пути нитку и перерѣзаютъ (перерѣзаютъ пута).

4-хъ лѣтнему ребенку разсказываютъ сказки и учатъ молитвы Воччу и Бугуродицу („Отче нашъ" и „Богородице Дѣва, радуйся"). Въ это же время и позднѣе, когда дѣтямъ даетъ кто-нибудь прозвище (большею частью семейное), то старшіе дитяти учатъ его, какъ ругать и того, кто его ругаетъ. Иногда родители запрещаютъ ругаться. За „черное слово" и „матерно слово" угрожаютъ языкъ отрѣзать.

Родители всецѣло держатъ дѣтей въ повиновеніи и за неповиновеніе ругаютъ (бранятъ) и бьютъ, и за волосы таскаютъ. Если сынъ или дочь еще небольшіе, то отецъ или мать поймаютъ за какое нибудь непослушаніе, шалость или необдуманный поступокъ,

зажмутъ голову между ногъ и высѣкутъ крапивой или хворостиной задницу. Впрочемъ это стало рѣдко; лѣтъ 10 назадъ примѣнялось почти всѣми. Но послѣ битья скоро и жалѣть начнутъ. „Отецъ побьетъ, отецъ и пожалѣетъ“ поговорка. Теперь отецъ или мать погоняется съ хворостиной, но ребенокъ уйдетъ далеко и его оставятъ, а прежде—часа два будетъ ловить, пока не высѣчетъ.

12—15 лѣтнимъ еще говорятъ „изъ колѣнъ еще не вырваться“ т. е. если не будешь слушать, такъ выпороть еще могу, сила есть. 17 лѣтнимъ говорятъ, „его ужъ въ руки не возьмешь“, „изъ рукъ вышелъ“, т. е. не всегда будетъ слушаться. Старшему—дѣти хорошихъ родителей, болѣе развитыхъ, кланяются—здороваются. Господамъ всѣмъ безъ разбора, лишь бы былъ значекъ на фуражкѣ или чисто одѣтъ, кланяются всѣ дѣти. Старосты и десятскаго боятся (въ острогъ можетъ посадить и на сходку вызвать). Браниться со старшимъ нельзя—за волосы отдеретъ и матери не пожалуешься, мать еще задастъ, особенно если старшій считается справедливымъ, уважаемъ другими за что либо; но теперь это ужъ рѣдко; теперь за битье въ судъ попадаютъ. Когда дѣти подерутся, то обиженный, если считаетъ себя правымъ, идетъ жаловаться родителямъ обидчика или своимъ, а послѣдніе уже жалуются родителямъ обидчика.

Священнику или дьячку своему и чужому кланяются. Скоромнаго въ постъ не ѣдятъ, считая это грѣхомъ. Курить научаются лѣтъ съ 8 всѣ безъ изъятія, пока водятъ лошадей пасти; какъ только оставятъ послѣднее, такъ и первое оставляютъ и неприличныя слова перестаютъ употреблять. Самая лучшая пора для дѣтей 8-ми лѣтъ—это когда начинаютъ лошадей водить пасти (конюха у насъ нѣтъ). Лѣтъ 5—6 дѣти уже собираютъ скотъ на дворъ, когда пригонятъ стадо и стерегутъ коровъ, если это нужно. Караулятъ домъ въ страдное время такія же дѣти да изрѣдка старухи.

До тѣхъ поръ, пока дѣти не водятъ пасти лошадей, рѣдко бранятся по матерному. Когда же они окажутся въ обществѣ только дѣтей, пасущихъ лошадей, то употребленіе неприличныхъ словъ становится до того обыкновеннымъ, что иногда дитя, забывая, что сидитъ за столомъ со взрослыми, если разсказываетъ что взрослымъ или, особенно, когда жалуется—незамѣтно для себя употребляетъ неприличныя слова и сильно конфузится, когда ему напомнятъ: гдѣ онъ и съ кѣмъ разговариваетъ, если здѣсь есть его родители или женщина.

Даже дѣвочки и тѣ запросто межъ собою употребляютъ неприличныя слова и выраженія. А мальчики особенно изощряются въ этомъ.

Отецъ спрашиваетъ у сына лѣтъ 8:

„Алешъ, зачѣмъ жа ты дѣвычку пашшупалъ?“

„А ты зачѣмъ Хьвиняку у ванбари тапталъ“.

Отецъ засмѣялся и послѣ другимъ разсказывалъ. Мальчики, начиная съ 7 лѣтъ, щупаютъ сверстницъ дѣвочекъ. Тоже дѣлаютъ и взрослые парни, и мужчины (лѣтъ до сорока) съ дѣвушками и молодыми женщинами.

Мальчики въ 10 лѣтъ пробуютъ уже дѣлать сношенія съ дѣвочками того же возраста. Въ ночномъ, когда дѣвушки спятъ, мальчики

лѣтъ 12—18 смотрятъ дѣтородный органъ дѣвушекъ лѣтъ съ 12 и старше: у кого „голая", у кого „лахматая".

Въ ночномъ же надъ сонными дѣвушками и женщинами дѣлаютъ сношенія и это держатъ въ секретѣ отъ дѣвушекъ.

А. Косогоровъ.

Д. Калужкино Мещовскаго уѣзда.

Памуòракъ.

Въ семидесятые годы прошлаго столѣтія свирѣпствовали повальныя болѣзни во многихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи. Проживая въ то время на югѣ Слуцкаго уѣзда, Минской губ., вблизи с. Б. Рожанъ, я имѣлъ возможность лично наблюдать проявленіе суевѣрій и предразсудковъ среди мѣстныхъ жителей и ознакомиться съ тѣми средствами, какія простолюдины употребляютъ въ предупрежденіе появленія „паумòрку", т. е. повальной болѣзни.

Въ тотъ годъ весна была весьма благопріятна для сельскаго земледѣльческаго хозяйства; за весной наступило такое же хорошее лѣто. Ожидался небывалый въ этой мѣстности урожай хлѣбовъ. Вмѣсто радости, въ населеніи пронеслось смутное ожиданіе какой-то невѣдомой бѣды. Убѣленные сѣдинами старики говорили, что будетъ хорошій урожай, но некому будетъ его „спаживáць". Оно приводили примѣры изъ житейской практики и указывали, что всегда большой урожай сопровождался „памудркамъ" и что такъ было въ тридцатомъ году. Дѣйствительно, въ тридцатые годы прошлаго столѣтія въ Бѣлоруссіи свирѣпствовали повальныя болѣзни, изъ коихъ особенно много народонаселенія унесла холера [1]). Приближалась осень. Среди дѣтей появился кровавый поносъ (разàчка) и скоро перешелъ и къ взрослымъ. Съ каждымъ днемъ усиливался страхъ предъ наступленіемъ грозной бѣды. Появились разсказы чудовищные и нелѣпые, но народъ имъ вѣрилъ. Разсказывали, что одинъ человѣкъ поздно возвращался съ поля домой и видалъ, какъ по дорогѣ, по направленію къ селу шли двѣ простоволосыя женщины съ необыкновенно страшными лицами и что это были „памуòракъ на людзей и на стáтакъ" (скотъ). Говорили, что одна изъ этихъ болѣзней подошла въ огородъ къ молодой женщинѣ, и послѣдняя тотчасъ же заболѣла. Предъ смертью она сама объ этомъ разсказывала. Когда умерла эта женщина, то крестьяне очень сожалѣли, что не похоронили ея при жизни. Ибо существуетъ повѣрье, что если живымъ похоронили перваго заболѣвшаго, то повальная болѣзнь прекратится или уйдетъ въ чужую сторону. Затѣмъ пришелъ странникъ и сталъ разсказывать, что въ какомъ-то селеніи видѣли въ лѣсу прекрасную молодую женщину. Она, сидя на пнѣ, держала на колѣняхъ снопъ ржи и горько плакала. Когда спро-

---

[1]) До настоящаго времени, какъ бранное выраженіе, употребляется бѣлоруссами фраза—„халіѐра тридцатаго году".

сили, о чемъ она плачетъ, то она отвѣтила: „Молитесь и поститесь. Видите, какой урожай!—но некому будетъ „спожываць“. И я буду молиться за васъ,—добавила она и „зникла“ (исчезла). Странникъ выразилъ предположеніе, что это была Богородица. Этотъ разсказъ произвелъ такое сильное впечатлѣніе, что крестьяне с. Б. Рожанъ наложили на себя трехдневный „щиры“ постъ, т. е. голодовку на три дня. Постились и старые, и малые, кромѣ грудныхъ дѣтей. На третій день поста мужчины отправились въ лѣсъ, срубили тамъ огромную сосну, сдѣлали изъ нея крестъ, вышиною въ 7 саженей, принесли его въ село и поставили на видномъ мѣстѣ. Въ тотъ же день всѣ женщины и дѣвушки изготовили пряжу, основали и соткали холстъ такой длины, что имъ опоясали церковь три раза. Это была жертва Богу. Предъ вечеромъ нѣсколько сильныхъ человѣкъ положили въ церкви на порогѣ брусокъ изъ сухого ясеневаго дерева и принялись попеременно тереть его такимъ же другимъ брускомъ. Брусокъ задымился, и, послѣ долгихъ усилій, загорѣлась приложенная къ нему „губка“ (трутъ). Добытый такимъ путемъ священный огонь поддерживается въ с. Рожанъ до настоящаго времени. Въ то же время этотъ огонь былъ немедленно разнесенъ по домамъ, а по концамъ села день и ночь горѣли костры. Утромъ и вечеромъ каждаго дня хозяева обкуривали свой скотъ освященными злаками (минушками) и сушенымъ хорьковымъ мясомъ. Народъ вѣритъ, что только благодаря этимъ мѣрамъ повальныя болѣзни и падежъ скота прошли мимо.

Насколько мнѣ извѣстно, такія же мѣры въ то время принимались во многихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи. Такой огромный крестъ и теперь можно видѣть у дороги изъ д. Деречина въ м. Тимковичи, Слуцкаго уѣзда, Минской губ.

А. Сержпутовскій.

Хроника.

Юбилей академика И. В. Ягича. 6 іюля 1908 г. акад. И. В. Ягичу исполнится 70 лѣтъ. Пользуясь этимъ случаемъ, друзья и почитатели маститаго ученаго рѣшили выпустить къ дню его семидесятилѣтія посвященный ему сборникъ ученыхъ статей. Выражено желаніе, чтобы въ сборникѣ были помѣщены статьи на всѣхъ славянскихъ языкахъ.

Семидесятилѣтіе со дня рожденія акад. В. В. Радлова. 5-го янв. 1907 г. тѣсный кружокъ сослуживцевъ и близкихъ лицъ чествовалъ академика и директора Музея Антропологіи и Этнографіи имени Имп. Петра I, В. В. Радлова, по случаю исполнившагося семидесятилѣтія со дня его рожденія. Между прочимъ, поднесенъ былъ небольшой сборникъ, составленный въ честь юбиляра его почитателями, и прочитанъ адресъ на якутскомъ языкѣ.

Юбилей В. Ф. Миллера. Въ Москвѣ 15 дек. О-во Люб. Естествознанія Антропологіи и Этнографіи праздновало 25-лѣтній юбилей безсмѣннаго предсѣдательства В. Ф. Миллера въ Этнографическомъ отдѣлѣ. Предварительно Комитетомъ по организаціи чествованія было разослано слѣдующее приглашеніе:

15-го декабря 1906 года исполняется *25-лѣтіе* безсмѣннаго предсѣдательства профессора Всеволода Федоровича Миллера въ Этнографическомъ Отдѣлѣ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія Антропологіи и Этнографіи.

За эти 25 лѣтъ русская энографія сдѣлала большіе успѣхи, значительная доля которыхъ должна быть отнесена и на Москву, а именно, на Этнографическій Отдѣлъ, являвшійся, подъ просвѣщеннымъ предсѣдательствомъ Всеволода Федоровича, серьезнымъ научнымъ цетромъ. Сюда стекались многіе выдающіеся путешественники, многіе извѣстные собиратели памятниковъ народнаго быта и творчества; здѣсь — на засѣданіяхъ Отдѣла, въ рефератахъ, экспедиціяхъ и другихъ ученыхъ предпріятіяхъ — объединялись многіе какъ авторитетные ученые въ области этнографіи и смежныхъ съ нею наукъ, такъ и вообще трудящаяся, жаждущая знанія интеллигенція, особенно ея молодыя поколѣнія. Кромѣ того, Отдѣлъ развилъ обширныя сношенія съ провинціей, всегда чутко относившейся къ вопросамъ этнографіи.

Однако масса сотрудниковъ Всеволода Федоровича, собравшая много этнографическихъ матеріаловъ, много ихъ и обработавшая,

не могла послужить наукѣ до конца, а именно—все собранное напечатать. „Этнографическое Обозрѣніе“, посвященное, преимущественно, изслѣдованіямъ и обзору текущихъ вопросовъ этнографіи, несмотря на свое 18-лѣтнее существованіе, не могло вмѣстить въ себѣ обширнаго запаса матеріаловъ, имѣющихся въ Отдѣлѣ. Эти матеріалы не могли быть всѣ напечатаны и въ „Трудахъ“ Отдѣла. Послѣднее обстоятельство стоитъ въ тѣсной связи съ тѣми скудными матеріальными средствами, которыми вообще въ Россіи обставлены наши ученыя общества и учрежденія. Такимъ образомъ, архивъ Отдѣла хранитъ многое уже давно собранное, но еще не напечатанное; многое же вновь присылаемое отсылается ихъ собирателямъ, за невозможностью напечатать, обратно. Это расхолаживаетъ собирателей къ дальнѣйшей плодотворной работѣ, съ которой, между тѣмъ, надо очень и очень спѣшить, потому что уцѣлѣвшіе пережитки прежняго народнаго быта и древнихъ вѣрованій исчезаютъ быстро и невозвратно.

Поэтому вопросъ о спеціальныхъ средствахъ для наиболѣе своевременнаго и полнаго печатанія этнографическихъ матеріаловъ уже давно въ Отдѣлѣ—очередной вопросъ.

Желая почтить день 15-го декабря 1906 года дѣломъ, достойнымъ своего уважаемаго предсѣдателя, Этнографическій Отдѣлъ въ засѣданіи 10-го октября постановилъ устроить въ вышеуказанный день юбилейное въ честь Вс. Ф. Миллера засѣданіе и собрать капиталъ, съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала шли на печатаніе особой серіи трудовъ по этнографіи, при чемъ *капиталъ и серія трудовъ должны носить имя юбиляра*

Деньги и привѣтствія (послѣднія заблаговременно) слѣдуетъ направлять по адресу: Москва, Этнографическому Отдѣлу Общества Любителей Естествознанія, въ Политехническій Музей. Адресъ для телеграммъ: Москва, Румянцовскій Музей, Янчуку.

Списокъ лицъ, внесшихъ свои пожертвованія на капиталъ имени Вс. Ф. Миллера, будутъ напечатаны.

Комитетъ по организаціи чествованія 25-лѣтія предсѣдательства Вс. Ф. Миллера въ Этнографическомъ Отдѣлѣ.

† И. В. **Помяловскій**. 28 сентября скончался послѣ долгой и тяжкой болѣзни заслуженный профессоръ Спб. университета *Иванъ Васильевичъ Помяловскій.* Покойный принадлежалъ къ числу выдающихся русскихъ филологовъ и археологовъ, создавъ у насъ впервые научныя занятія римской эпиграфикой и оставивъ значительную школу учениковъ, многіе изъ которыхъ занимаютъ университетскія каѳедры. Ив. Вас. родился въ С.-Петербургѣ въ 1845 г. По окончаніи съ отличіемъ университетскаго курса, удостоенный золотой медали, И. В. работалъ въ семинаріяхъ лучшихъ германскихъ филологовъ того времени и, посѣтивъ Италію, собралъ на мѣстѣ громадный эпиграфическій матеріалъ, легшій въ основаніе его диссертацій: „Маркъ Теренцій Варронъ Реатинскій“ и „Эпиграфическіе этюды“. Удостоенный степени доктора классической филологіи, покойный занялъ каѳедру римской словесности въ родномъ университетѣ. Не ограничиваясь своею спеціальностью, И. В. далъ цѣлый

рядъ цѣнныхъ работъ въ области археологіи, агіографіи, русской и греческой, палестиновѣдѣнія, пріобрѣтя себѣ громкую репутацію знатока и въ этихъ вопросахъ. Результаты трудовъ покойнаго нашли себѣ оцѣнку въ русской и заграничной ученой средѣ: онъ былъ почетнымъ членомъ большинства русскихъ и многихъ иностранныхъ университетовъ и ученыхъ учрежденій, даже за океаномъ.

† **Ѳ. Г. Мищенко** скончался въ Кіевѣ 28 октября 1906 г. Покойный былъ членомъ-корреспондентомъ И. А. Н. по разряду классической филологіи и археологіи, редактировалъ въ теченіе 14 лѣтъ «Ученыя Записки Казанскаго Университета» (съ 1889 г.). Онъ оставилъ послѣ себя весьма богатое учено-литературное наслѣдіе, особенно въ области исторіи греческой литературы. Полный списокъ работъ Ѳ. Г. Мищенко до 1884 г. помѣщенъ въ „Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Имп. университета св. Владиміра“ (Кіевъ. 1884) стр. 445 и д.

† **Ал[redacted] Николаевичъ Веселовскій** скончался 10 октября 1906 г. Некрологи и обзоры его ученой дѣятельности появились во всѣхъ журналахъ и газетахъ. 3-я кн. „Извѣстій Отд. русск. яз. и словесн. И. А. Н.“ будетъ почти всецѣло посвящена памяти покойнаго.

Въ 1 вып. „Живой Старины“ за 1907 г. мы дадимъ большую статью, посвященную характеристикѣ дѣятельности Ал[redacted] Николаевича.

† **Владиміръ Васильевичъ Стасовъ** скончался 12 октября 1906 г. Статьи, посвященныя обзору его дѣятельности и некрологи въ свое время появились почти во всѣхъ журналахъ и газетахъ, поэтому здѣсь мы отмѣчаемъ только нѣкоторыя болѣе важныя его работы, имѣющія отношеніе къ нашему журналу: a) *по археологіи и исторіи искусства*.—Владимірскій кладъ; Русскій народн. орнаментъ; Катакомба съ фресками въ Керчи; Дуга и пряничный конекъ; Православныя церкви западной Россіи въ XVI в.; Замѣтки о древне-русской одеждѣ и вооруженіи; Картины и композиціи, скрытыя въ заглавныхъ буквахъ древнихъ русскихъ рукописей; Тронъ хивинскихъ хановъ; Армянскія рукописи и ихъ орнаментистика; Славянскій и восточный орнаментъ по рукописямъ IV—XIX вв. b) *по исторіи литературы и этнографіи*: Происхожденіе русскихъ былинъ; Древнѣйшая повѣсть въ мірѣ; Египетская сказка въ Эрмитажѣ; О руссахъ Ибнъ-Фоцлана. Кромѣ того, по порученію И. А. Н., покойный написалъ нѣсколько разборовъ сочиненій на различныя преміи.

† **О. П. Семенова.** 12 ноября скончалась на 44 году жизни *Ольга Петровна Семенова* (род. 1863 г.), дочь вице-предсѣдателя географическаго общества, члена Государственнаго Совѣта П. П. Семенова. Это была недюжинная русская женщина, скромно служившая русской наукѣ и обществу, жизнь и дѣятельность которой, полныя умственныхъ интересовъ и благородныхъ стремленій, не прошли безъ слѣда для русскаго просвѣщенія.

Обладая тонкимъ умомъ, съ философскимъ складомъ, разнообразно даровитая и разносторонне образованная, надѣленная отъ природы большимъ художественнымъ чутьемъ и крупнымъ талантомъ къ живописи (ея пейзажи—акварели, поражавшіе всѣхъ мастерствомъ и жизненностью, бывали на выставкахъ), покойная посвятила себя, главнымъ образомъ, трудамъ по этнографіи, по дѣятельному собиранію какъ памятниковъ и произведеній народнаго творчества, такъ и предметовъ народнаго быта, кустарнаго промысла и проч. Горячо любя родину и русскій народъ, страстно любя русскую деревню, въ которой (въ имѣніи родителей Рязанской губ., Данковскаго уѣзда) она проводила большую половину года, О. П. увлекалась изученіемъ окружавшей ее сельской среды во всѣхъ отношеніяхъ, вникала во всѣ ея интересы и нужды и дѣлала много истиннаго добра сельскому люду. Большая наблюдательность, психологическая проницательность и чуткость души вмѣстѣ съ основательностью и шириною знаній и теоретической подготовкой (не взирая на исключительно домашнее образованіе)—выработали изъ нея опытнаго практическаго этнографа, оказавшаго русской наукѣ значительныя услуги своимъ собираніемъ произведеній творчества (народныхъ пѣсенъ) и предметовъ быта (особенно женскихъ одеждъ и уборовъ) и своими наблюденіями. Не разъ ею были доставляемы полезные этнографическіе матеріалы Императорскому русскому географическому обществу, и еще въ 1886 г. за сборникъ пѣсенъ изъ Рязанской губ. ей была присуждена серебряная медаль. Ея сообщенія встрѣчаются въ ученыхъ изданіяхъ, напримѣръ въ „Живой Старинѣ“, изд. подъ ред. В. И. Ламанскаго (см. 1891 г., вып. IV). Она сотрудничала въ извѣстномъ изданіи „Россія“ (Географическомъ Описаніи ея), редактируемомъ ея братомъ В. П. Семеновымъ. Въ послѣдніе годы она ревностно и успѣшно собирала крестьянскіе женскія одежды и головные уборы для этнографическаго музея Императора Александра III.

† **Николай Платоновичъ Барсуковъ** скончался 23 ноября 1906 г. въ Петербургѣ. Родился онъ 8 ноября 1838 г. въ Тамбовской губ. въ с. Ивановкѣ. Въ 1859 г. поступилъ вольнослушателемъ въ Петербургскій Университетъ, откуда, благодаря волненіямъ, вышелъ въ 1861 г. Въ университетѣ Н. П. Барсуковъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ лекцій Костомарова. Покойный всю жизнь трудился надъ разработкой отечественной исторіографіи. Въ 1868 г. имъ былъ составленъ „Указатель къ 8 тт. Полнаго Собранія Русскихъ лѣтописей“. Затѣмъ имъ были написаны „Жизнь и труды М. П. Строева“ (1878 г.), „Русскіе палеологи сороковыхъ годовъ“ (1880)—А. М. Кубаревъ, И. П. Сахаровъ, В. М. Ундольскій и О. М. Бодянскій; Описаніе рукописей Археографической Комиссіи и „Источники русской агіографіи“ (1882) и др. Съ 1888 г. Н. П. Барсуковъ началъ выпускать свой послѣдній обширный трудъ „Жизнь и труды М. П. Погодина“ (20 кн.); дающій цѣлую исторію жизни русскаго общества за полустолѣтіе XIX вѣка, исторію умственнаго развитія Россіи за это время.

† **П. А. Соколовскій.** 26 ноября, въ 8 часовъ утра, послѣ мучительной болѣзни скончался на шестидесятомъ году жизни извѣстный писатель Павелъ Александровичъ Соколовскій. Покойный сразу пріобрѣлъ себѣ громкую извѣстность двумя, изданными въ концѣ 70-хъ годовъ, произведеніями: „Очеркъ исторіи русской общины на сѣверѣ Россіи“ и „Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи передъ крѣпостнымъ правомъ“. „Исторія общины на сѣверѣ Россіи“ была первымъ сочиненіемъ, посвященнымъ спеціально исторіи русской общины, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, попыткою вывести освѣщеніе даннаго вопроса изъ области гадательныхъ предположеній на почву документальныхъ данныхъ. П. А. служилъ въ петербургской Публичной библіотекѣ и, кромѣ того, состоялъ много лѣтъ секретаремъ петербургскаго отдѣленія комитета о ссудо-сберегательныхъ и другихъ товариществахъ и артеляхъ.

Къ этому времени относятся двѣ сводныя работы покойнаго, касающіяся русской литературы о мелкомъ кредитѣ вообще и о литературѣ о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ. Нѣсколько ранѣе имъ былъ составленъ для русскаго изданія географіи Реклю очеркъ экономическаго быта населенія черноземнаго района Россіи. До послѣднихъ дней своей жизни П. А. не оставлялъ занятій въ публичной библіотекѣ, гдѣ завѣдывалъ иностраннымъ отдѣломъ.

† **Францъ Бартошъ.** 10 іюня 1906 г. скончался одинъ изъ наиболѣе выдающихся чешскихъ современныхъ діалектологовъ и этнографовъ Францъ Бартошъ. Онъ родился 16 марта 1837 г. въ Млатцовѣ у Злина, т. е. въ той части Моравіи, гдѣ славянскій элементъ сохранился въ наибольшей чистотѣ. По окончаніи Вѣнскаго университета, онъ посвятилъ себя педагогической дѣятельности, учительствуя въ разныхъ городахъ Силезіи и Моравіи. Одушевленный горячимъ патріотизмомъ и всецѣло проникнутый славянскими идеалами Коллара, Бартошъ съ энергіей истиннаго энтузіаста принялся за изученіе языка и быта славянскаго населенія Моравіи, которую онъ исходилъ пѣшкомъ вдоль и поперекъ. Капитальнымъ плодомъ его діалектическихъ изученій явилась его замѣчательная „Dialektologie moravská.. V Brně (I 1886, II 1895), гдѣ съ небывалой до того времени систематичностью и полнотой описаны всѣ говоры Моравіи, причемъ особенное вниманіе имъ было обращено на ихъ словарныя особенности. Не смотря на нѣкоторые недочеты, — отсутствіе точной фонетической транскрипціи и смѣшеніе научной задачи работы съ педагогической, — эта книга Бартоша надолго останется фундаментальнымъ трудомъ для чешской діалектологіи и неисчерпаемымъ родникомъ для славянскихъ языковѣдовъ. Ея словарный матеріалъ Бартошъ впослѣдствіи дополнилъ и издалъ въ нѣсколько иной транскрипціи отдѣльно въ видѣ діалектическаго словаря (Dialektický slovník moravský I—II 1905—1906, изданный Чешской Академіей Наукъ). Уже въ обоихъ этихъ трудахъ Бартошъ показалъ себя глубокимъ знатокомъ народнаго быта моравовъ, давая подробное объясненіе значенія словъ, относящихся къ матеріальной культурѣ населенія страны. Болѣе систематично онъ описываетъ нравы и обычаи своихъ земляковъ въ довольно-многочисленныхъ спеціальныхъ этнографическихъ сочине-

ніяхъ, изъ которыхъ назовемъ, напр., „Ze životu lidu moravského“ (1877—1878), „Naše děti“, „Moravská svatba“ (1892), „Lid a národ“ (I—II 1883—1885), „Moravský lid“ (1892) и др. Особый отдѣлъ его работъ по фольклору составляютъ его сборники моравскихъ народныхъ пѣсенъ: „Nové písně moravské“ (1882), „Národní písně moravské v nově nasbírané“ (1889) и „Národní písně moravské v nově nasbírané“ (I—II 1889—1891, изд. Чешск. Акад. Наукъ). Послѣдній изъ этихъ сборниковъ на 1196 страницахъ содержитъ въ себѣ болѣе 2000 пѣсенъ и принадлежитъ къ числу наиболѣе грандіозныхъ изданій пѣсенъ въ чешской литературѣ.

Какъ романтикъ 60-хъ годовъ, Бартошъ имѣлъ довольно своеобразные взгляды на эстетическое значеніе собираемыхъ имъ матеріаловъ и въ своихъ этнографическихъ работахъ нѣсколько идеализировалъ народный бытъ; въ частности, онъ позволялъ себѣ передѣлывать нѣкоторые стихи народныхъ пѣсенъ и замѣнять ихъ другими. Но эти недостатки меркнутъ передъ множествомъ тѣхъ новыхъ драгоцѣнныхъ данныхъ для исторіи чешскаго языка и культуры, которыя содержитъ почти каждая работа почившаго труженика, и которыя сдѣлали его имя славнымъ далеко за предѣлами его благодарной отчизны...

Г. Ильинскій.

Дѣятельность Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О-ва.

Первое засѣданіе въ текущемъ полугодіи (1906 г.) было въ Пятницу 10 ноября. Предметы занятій: 1) Текущія дѣла. 2) Избраніе членовъ медальной комиссіи. 3) Сообщеніе чл.-сотр. *Н. Н. Виноградова*: „Крестьянская свадьба въ Костромскомъ уѣздѣ“. Программа сообщенія:

Краткій обзоръ литературы предмета. Данныя общаго характера. Немного статистики. Сближеніе молодежи. Выборъ невѣсты. Предварительные переговоры. Сватовство. Домъ смотрять. Сговорки: чинъ сговорокъ, пѣсни дѣвицъ, причеть невѣсты, дѣвья краса. Свадьба: сборы въ церковь, пріѣздъ жениха за невѣстой, обрядъ выкупа, церемонія передачи невѣсты, свадебный поѣздъ, вѣнчанье, возвращеніе изъ церкви. Свадебный пиръ. Ночью послѣ свадьбы. Красный столъ. Заключеніе.

Были показаны діапозитивы и принадлежности свадебныхъ костюмовъ.

Въ засѣданіи 24 ноября были выслушаны доклады: 1) г-жи *А. А. Пруссакъ*: „Говоръ жителей Сестрорѣцка“; 2) прив. доц-та *Н. М. Каринскаго*: „Къ вопросу о русской діалектологической картѣ“; 3) дѣйст. чл., академика *А. И. Соболевскаго*: „Славяне и Скиѳы“.

1-го декабря были сдѣланы:

1) Сообщеніе чл.-сотр. *Ив. С. Абрамова*: „О бытѣ и пѣсняхъ населенія Волынской губ.“. Программа сообщенія:

Источники. Бытъ крестьянъ волынскаго Полѣсья; обычаи и суевѣрія; свадьба. Черты изъ быта крестьянъ-малороссовъ; повѣрья; народная медицина; заговоры. Остатки цеховой организаціи. Народныя думы и пѣсни,— щедривки и колядки, веснянки, пѣсни купальныя, чумацкія, семейныя, рекрутскія, пѣсни жнецовъ, свадебныя, „приколискові“ (колыбельныя). Заключеніе. Были показаны діапозитивы.

2) Сообщеніе чл.-сотр. *Н. Н. Виноградова*: „Нѣкоторыя суевѣрія, связанныя съ предметами доисторической археологіи". Были показаны нѣкоторыя орудія каменнаго вѣка.

Въ засѣданіи 8 декабри было заслушано сообщеніе *Варв. Петр. Шнейдеръ*, посвященное *Памяти Ольги Петровны Семеновой* (чтеніе отрывковъ изъ посмертныхъ ея рукописей по этнографіи).

Наконецъ, 22 декабря было:

Сообщеніе *В. А. Данилова*: „Особенности психическаго міра якутовъ Колымскаго округа (Якутской области) въ зависимости отъ ихъ культуры". Программа:

Географическія условія опредѣляютъ культуру.
Различныя формы взаимной нужности людей другъ въ другѣ у различныхъ культуръ.
Формами взаимной нужности опредѣляется психическій міръ человѣка.
Столкновеніе традиціонныхъ старыхъ формъ взаимной нужности съ новыми нарушаетъ психическое равновѣсіе человѣка.
Культура непосредственныхъ чувствъ и господства надъ фактами.
Три формы психическаго разряженія:
a) Омерякъ.
b) Менерикъ.
c) Иреръ.
Изложеніе фактовъ и наблюденій.

Общество изученія Амурскаго края (филіальное отдѣленіе Приамурск. Отд. И. Р. Г. О-ва) въ 1905 г. вступило въ 22-й годъ своего существованія. Изъ докладовъ особымъ интересомъ отличалось собесѣдованіе объ инородцахъ о. Сахалина и о. Хоккайдо, *Б. О. Пилсудскаго*, состоявшееся 5 и 12 августа 1906 г. Во 2-й части своего сообщенія г. Пилсудскій познакомилъ съ вопросомъ о доисторическомъ прошломъ о. Сахалина: а) о жителяхъ каменнаго періода; б) о легендарномъ племени тоньчей; в) о постепенномъ появленіи айновъ, гиляковъ, ороковъ и, наконецъ, небольшого количества тунгусовъ и якутовъ; о взаимныхъ отношеніяхъ инородцевъ между собою и ихъ бытѣ. Въ общихъ чертахъ были обрисованы родовой бытъ, брачныя и семейныя отношенія инородцевъ, воспитаніе молодого поколѣнія, образчики ихъ пѣсенъ и т. д. Изъ другихъ докладовъ можно отмѣтить д-ра *Н. В. Кириллова*: „Этнографеическая цѣнность китайской медицины" и *К. Д. Логиновскаго*: „Положеніе инородцевъ въ краѣ". Въ 1904 г. Б. О. Пилсудскому выдана была О-вомъ небольшая денежная субсидія на составленіе коллекцій, относящихся къ быту сахалинскихъ инородцевъ. Въ библіотекѣ къ 1 янв. 1906 г. было 3.965 названій въ 11.947. экземпл. Составлено на основ. „Отчета" О-ва за 1904 и 1905 гг.).

Самарскій городской Публичный Музей и Залъ имени Александра II въ 1902—1903 гг. [1]) проявилъ очень скромную дѣятельность по интересующимъ насъ вопросамъ, въ зависимости, вѣроятно, отъ очень скромныхъ средствъ. Въ отдѣлъ этнографіи за отчетный періодъ былъ пожертвованъ рядъ мелкихъ этнографиче-

---

[1]) По „Отчету за 1902—1903 г.г. Съ приложеніями. Самара. 1905". Отчетъ полученъ нами только въ декабрѣ 1906 г.

скихъ предметовъ случайнаго характера. Покупкою пріобрѣтено два тунгузскихъ костюма: мужской и женскій. Два мордовскихъ костюма: Мокшанки и Эрзянки. Русскій женскій костюмъ, первоначальныхъ (?) жителей Пензенской губерніи. Самодѣльный ножъ 2 кожаныхъ кошеля. Кушакъ курской работы. Чулки и игла. Мордовская вышивка. По отдѣлу археологіи музею удалось пріобрѣсти довольно рѣдкую рукописную книгу подъ заглавіемъ „Исторія Скиѳійская", соч. Андрея Лызлова и рядъ другихъ мелкихъ предметовъ. Въ приложеніи къ отчету помѣщены: „Замѣтка о старописьменной книгѣ... „Исторія Скиѳійская" и Записка И. С. Тургенева. Въ 1902 г. музей посѣтили 4.476 челов., въ 1903 г.—4.978 челов.

Вмѣсто **„Кіевской Старины"** въ 1907 г. будетъ издаваться журналъ **„Украіна"**. Ежемѣсячно будутъ помѣщаться два отдѣла: 1) научный, въ которомъ найдутъ себѣ мѣсто изслѣдованія, статьи и замѣтки, посвященныя разработкѣ исторіи, литературы, этнографіи, экономики и общественной жизни, и 2) литературно-публицистическій... Статьи, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ отдѣлахъ будутъ печататься преимущественно на украинскомъ языкѣ...

По порученію **Этнографическаго Отдѣла Музея Александра III** *И. К. Зеленовымъ* въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1905 и 1906 гг. среди инородческаго населенія Казанской и Вятской губерній были собраны этнографическія коллекціи. Болѣе полно представлены вотяки, черемисы, бесермяне, начаты работы среди татаръ и въ частности у такъ называемыхъ *„старокрещенныхъ"* татаръ. Въ составъ коллекціи вошли предметы языческаго культа (главнымъ образомъ вотяковъ Вятской губерніи), одежда, образцы вышивокъ, тканья, предметы домашняго обихода, ловушки, капканы, земледѣльческія орудія, принадлежности охоты, гонки водки—„кумышки" и т. п. Всего доставлено въ музей болѣе 1.000 предметовъ и сдѣлано около 200 фотографическихъ снимковъ.

Для **того же Отдѣла** *А. А. Макаренко* собралъ лѣтомъ этого года среди русскаго и инородческаго населенія Ачинскаго уѣзда Енисейской губерніи этнографическую коллекцію. Въ составъ ея вошли предметы шаманскаго культа, одежда, домаш. утварь; образцы домаш. мыловаренія, сидки водки и ткачества; свадебные короваи и праздничныя печенья и т. п.; цѣлебныя травы и т. п. средства народ. медицины; предметы суевѣрія; ловушки, устраиваемыя звѣропромышленниками для лова медвѣдя, лисицы, соболя и др. звѣрей; а также принадлежн. рыбной ловли. Всего 400 съ лишнимъ предметовъ и сдѣлано болѣе 200 фотограф. снимковъ съ построекъ, типовъ жителей, бытовыхъ сценъ и т. п.

Спбургское **Неофилологическое** Общество предположено переименовать въ Общество имени Александра Николаевича Веселовскаго.

Въ члены-корреспонденты И. А. Н. выбраны: по разряду классической филологіи и археологіи—Ю. А. Кулаковскій и по разряду восточной словесности—О. Э. фонъ-Леммъ.

Въ ноябрѣ-декабрѣ 1906 г. въ залахъ Академіи Наукъ была **Очередная выставка** послѣднихъ поступленій Музея Антропологіи и Этнографіи имени Императора Петра Великаго при Императорской Академіи Наукъ. Къ сожалѣнію объ этой интересной выставкѣ въ печать проникло слишкомъ мало свѣдѣній и публика отнеслась къ ней довольно холодно: за все время на выставкѣ перебывало около 600 ч. Въ слѣдующей книжкѣ журнала надѣемся дать подробную статью объ этой выставкѣ.

Министерство народнаго просвѣщенія вошло въ совѣтъ министровъ съ представленіемъ объ учрежденіи въ Москвѣ **Археологическаго института**. Согласно выработанному проекту положенія, московскій археологическій институтъ является учрежденіемъ частнымъ, основываемымъ и содержимымъ на частныя и имѣющія образоваться въ будущемъ свои спеціальныя средства, безъ всякаго пособія отъ казны. Институтъ будетъ состоять изъ двухъ отдѣленій—археологическаго и археографическаго, съ трехгодичнымъ курсомъ. Доступъ въ институтъ будетъ открытъ лицамъ обоего пола, по преимуществу съ высшимъ образованіемъ. При институтѣ предполагается широко организовать практическія занятія и обусловить окончаніе курса обязательнымъ представленіемъ особой диссертаціи на спеціальную тему. Лица, успѣшно окончившія курсъ института, получаютъ званія ученаго археолога и ученаго архивиста, въ зависимости отъ избранной спеціальности. Въ исключительныхъ случаяхъ къ соисканію означенныхъ степеней могутъ быть допущены также вольнослушатели. Административно-учебныя функціи проектируется возложить на особаго попечителя института, его директора и преподавателей, въ полномъ объемѣ составляющихъ совѣтъ института.

Въ С.-Петербургскомъ Университетѣ рѣшено устроить кафедры **Этнографіи, Антропологіи и Антропогеографіи**. Отдѣльные курсы по Этнографіи будутъ читать: академики А. И. Соболевскій и Н. П. Кондаковъ, проф. Д. Айналовъ, И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, П. А. Лавровъ, И. А. Шляпкинъ и нѣк. др.

Харьковскій *историко-филологическій факультетъ* въ своемъ послѣднемъ засѣданіи рѣшилъ ходатайствовать передъ министерствомъ объ учрежденіи при факультетѣ двухъ малорусскихъ каѳедръ—по **исторіи Малороссіи и малорусской литературы**, при чемъ принципіально факультетъ высказался за преподаваніе по этимъ каѳедрамъ на малорусскомъ языкѣ. Если же это окажется невозможнымъ за недостаткомъ подготовленныхъ преподавателей, то занятія будутъ вестись на русскомъ языкѣ.

Новая премія по Археологіи. Графиня П. С. Уварова, въ память основателя и пожизненнаго предсѣдателя И. Моск. Археологическаго О-ва гр. А. С. Уварова, назначила премію въ 2.000 р. по русскому церковному зодчеству за сочиненіе на тему „Самостоятельное изслѣдованіе Московскаго періода древне-русскаго цер-

ковнаго зодчества отъ основанія Москвы до конца первой четверти XVIII вѣка". Подробныя правила этого конкурса изданы Имп. Моск. Археологическимъ О-вомъ.

Знаменитую сибирскую **библіотеку Юдина**, состоящую изъ 80-ти тысячъ томовъ, пріобрѣли американцы для одного изъ книгохранилищъ въ Вашингтонѣ.

Кладъ въ Кіевѣ оказался весьма цѣннымъ и уже теперь оцѣнивается мѣстными археологами не менѣе, какъ въ 15,000 рублей. Помимо матеріальной цѣнности, найденныя вещи очень интересны и въ археологическомъ отношеніи.

Среди предметовъ, входящихъ въ составъ его, первое мѣсто принадлежитъ двумъ прекраснымъ золотымъ ожерельямъ, типа тѣхъ ожерелій, какія были найдены въ 1880 году на Большой Житомірской улицѣ и въ 1887 году—въ оградѣ Михайловскаго монастыря (оба эти ожерелья, представляющія большую драгоцѣнность, находятся въ Императорскомъ Эрмитажѣ и изданы въ трудѣ академика Кондакова „Русскіе клады"). Каждое изъ двухъ ожерелій описываемаго клада состоитъ изъ 20 крупныхъ золотыхъ медальоновъ, украшенныхъ перегородчатой разноцвѣтной византійской эмалью, которой тонко выполнены изображенія птицъ и растеній и различные орнаменты. Медальоны эти имѣютъ съ обѣихъ сторонъ ушки, при помощи шарнировъ соединяющіяся съ ушками смежнаго медальона. Такимъ образомъ образуется цѣпь изъ медальоновъ, по 10 медальоновъ въ каждой цѣпи (какъ въ ожерельѣ, найденномъ въ Михайловскомъ монастырѣ). Каждое ожерелье состоитъ изъ двухъ такихъ цѣпей, причемъ концы цѣпей соединены золотыми цѣпочками съ застежками. При ношеніи такихъ ожерелій—одна цѣпь медальоновъ лежала на груди, а другая —на спинѣ; соединительныя же цѣпочки находились на плечахъ. Кромѣ двухъ описанныхъ ожерелій въ кладѣ находились слѣдующіе предметы: три пары крупныхъ замочкообразныхъ золотыхъ серегъ, извѣстныхъ въ археологіи подъ названіемъ „колтовъ", обѣ стороны которыхъ украшены изображеніями различныхъ фигуръ, выполненныхъ также византійской перегородчатой эмалью разныхъ цвѣтовъ, нѣсколько медальоновъ, украшенныхъ эмалью и чернью, серебряный витой браслетъ, двѣ золотыя серьги кіевскаго типа, около 20 орнаментированныхъ позолотой и чернью перстней, круглая серебряная иконка, каменный крестъ съ оправленными въ золото концами, соединенными цѣпочками, около полуфунта серебряныхъ колодочекъ, полуцилиндрической формы, отъ колье или браслета, двѣ кіевскихъ монетныхъ гривны, около полусотни золотыхъ и серебряныхъ фигурныхъ подвѣсокъ и бусъ.

Въ г. Якутскѣ близко къ осуществленію изданіе еженедѣльной *русско-якутской газеты*, потребность въ которой признана мѣстною интеллигенціею давно назрѣвшею. Газета будетъ печататься въ собственной типографіи, къ оборудованію которой уже приступлено.

По поводу выраженнаго въ одной библіографической замѣткѣ нашего журнала сожалѣнія о томъ, что до сихъ поръ не опубликованы этнографическіе матеріалы **о тунгусахъ** Майскаго вѣдомства Якутскаго Округа, собранные членами Нелькано-Аянской экспедиціи инженера В. Е. Попова, гг. Іоновымъ и Пекарскимъ, намъ сообщаютъ изъ Якутска, что мѣстный Статистическій Комитетъ предложилъ г. Іонову, за особое вознагражденіе, приступить самому къ обработкѣ матеріаловъ, касающихся быта собственно майскихъ тунгусовъ, живущихъ по рр. Алдану и Маѣ, а обработку матеріаловъ г. Пекарскаго о бытѣ „пріаянскихъ" тунгусовъ взялъ на себя, по предложенію г. Іонова, нѣкто г. Цвѣтковъ, недавно прибывшій въ гор. Якутскъ и интересующійся бытомъ сибирскихъ инородцевъ вообще и тунгусовъ въ частности. Къ помощи посторонняго лица пришлось прибѣгнуть потому, что гг. Іоновъ и Пекарскій не обладаютъ достаточнымъ досугомъ для самостоятельной разработки собраннаго ими обоими обширнаго матеріала, а предположенный изслѣдователями способъ совмѣстной обработки, при участіи самого инженера Попова и члена его экспедиціи В. С. Панкратова, не могъ осуществиться за выѣздомъ послѣднихъ и г. Пекарскаго изъ области.

„Терскимъ Вѣдомостямъ" пишутъ изъ плоскостной Осетіи о томъ, что во многихъ селеніяхъ **размѣры калыма**, этого варварскаго наслѣдія дикой старины и экономическаго бича населенія, не смотря на всѣ мѣры, принимаемыя противъ его уменьшенія, увеличиваются не по годамъ, а по днямъ. Въ недавнее время размѣры калыма въ ст. Новоосетинской и Черноярской колебались между 50—100 р., а въ настоящее время колебаніе это выражается цифрами 250—350; а въ селахъ плоскостной и горной Осетіи 500—700. На ряду съ этимъ черноярское и новоосетинское станичныя общества постановили на общественныхъ сборахъ приговоры объ удаленіи изъ своей среды лицъ, уличенныхъ въ похищеніи дѣвицъ, какъ подрывающихъ нравственныя основы семьи и общества.

„Туркест. Вѣд." пишутъ со станціи Сѣрово, Среднеазіатской желѣзной дороги, что туземцы веселятся, справляя **„саиль"**. Любимымъ народнымъ развлеченіемъ въ этихъ мѣстахъ является **козлодранье** („улякъ"), и толпы конныхъ туземцевъ по цѣлымъ часамъ носятся по степи, въ отчаянной свалкѣ изъ-за окровавленной туши козла или теленка. Туземные торговцы не забываютъ своей коммерціи, и мѣсто „томаши", окруженное сотнями арбъ, чайханами и лавченками съ разнообразнѣйшими съѣстными припасами и мелочами, походитъ на ярмарку. Ревъ карнаевъ, бой барабановъ и радостные клики зрителей сопровождаютъ каждый интересный оборотъ лихой игры. Не обходится и безъ несчастій. Въ воскресенье, 5 марта, около станціи Сѣрово на всемъ скаку упала лошадь съ всадникомъ, при чемъ лошадь убилась на смерть. Въ тотъ же день наѣздниками былъ смятъ ребенокъ, спасшійся отъ смерти только какимъ-то чудомъ.

Академикъ В. В. Радловъ приготовилъ къ печати работу: *Якутскій языкъ и его отношеніе къ тюркскимъ языкамъ.* Die jakutische Sprache in ihrem Uerhältnisse zu den Türksprachen.

Въ настоящее время печатается очень интересный трудъ др. Биленштейна по *этнографіи латышскаго племени*: „Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten".

Французъ Анетъ выпустилъ описаніе своего **путешествія по Персіи** на автомобилѣ чрезъ Россію.

Съ предисловіемъ Ганото вышелъ альбомъ **видовъ и сценъ Парижа** и Версаля въ 1871 году.

Въ Германіи предстоитъ выходъ въ свѣтъ большого сочиненія Гессе-Вартега **объ Индіи** и ея дворцахъ.

Открытіе новаго полярнаго народца. Изъ Британской Колумбіи извѣщаютъ объ открытіи капитаномъ Клинкенбергомъ, командиромъ китоловнаго судна, похожаго на эскимосовъ народа на землѣ принца Альберта.

Земля принца Альберта лежитъ къ сѣверу отъ Канады, между 110 и 120 градусами западной долготы и 70 и 75 градусами сѣверной широты и почти совсѣмъ не изслѣдована.

Клинкенбергъ посѣтилъ ихъ деревню и нашелъ болѣе 600 человѣкъ, которые жили охотой и рыбной ловлей. Для этого и для другихъ потребностей они пользовались совсѣмъ допотопными инструментами, сдѣланными изъ костей или мѣди. Ихъ одежда не походила на одежду другихъ эскимосовъ, скорѣй напоминая костюмы гренландцевъ, состояла изъ мягкихъ дубленыхъ кожъ, и была сшита жилами дикихъ звѣрей. Ихъ жилища были устроены изъ пластовъ мха и внутри выложены кожами. Эти норы не похожи на жилища эскимосовъ.

Полярный народецъ принадлежитъ къ кочующимъ. Нашелся у нихъ единственный только предметъ, напоминающій цивилизацію,— кусокъ стали, который, вѣроятно, попалъ къ нимъ съ какого-нибудь корабля. Они сдѣлали изъ него наконечникъ для копья.

Хроника составлена *Н. Виноградовымъ*.

(Матеріалъ для нѣкоторыхъ замѣтокъ доставленъ *Н. Е. Ончуковымъ*).

Въ видахъ достиженія возможной полноты настоящаго отдѣла, редакція усердно проситъ гг. секретарей ученыхъ обществъ и учрежденій, въ кругъ дѣятельности которыхъ входятъ работы этнографическаго характера, присылать отчеты и разнаго рода сообщенія печатныя и рукописныя о дѣятельности обществъ.

Желательны также и вырѣзки изъ газетъ.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

ЖИВАЯ СТАРИНА,

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

XVI годъ изданія 1907

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

XVI годъ изданія 1907

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

подъ редакціею Предсѣдателя Отдѣленія Этнографіи В. И. Ламанскаго секретаря Отдѣленія Ѳ. И. Щербатскаго и чл.-сотр. Н. Н. Виноградова, въ XVI году своего существованія будетъ выходить **четырьмя** выпусками, по 10—12 листовъ въ каждомъ (въ февралѣ, маѣ, сентябрѣ и ноябрѣ). При достаточномъ количествѣ подписчиковъ число выпусковъ будетъ доведено до шести.

Программа журнала: Изученіе внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей расъ, племенъ, народностей Россіи и соплеменныхъ и сопредѣльныхъ съ нею странъ; ихъ взаимодѣйствія въ далекомъ прошломъ и въ настоящемъ; изученіе народныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, народной поэзіи, быта, — вообще живой народной старины; критическій и библіографическій обзоръ литературы народовѣдѣнія.

Вступая въ XVI годъ изданія, редакція „Живой Старины" пригласила къ участію въ журналѣ многихъ ученыхъ спеціалистовъ и молодыхъ работниковъ по этнографіи и народной словесности и рѣшила обратить особенное вниманіе на полноту и свѣжесть отдѣла критики и библіографіи. При одномъ изъ выпусковъ, въ видѣ приложенія—отдѣльною книжкою, будетъ разосланъ „Указатель" къ журналу за 15 лѣтъ (60 вып.) его существованія.

Подписная цѣна для городскихъ подписчиковъ—5 р. съ доставкою, для иногородныхъ—5 р. 50 к. и за границу—6 р., для книжныхъ магазиновъ скидка по соглашенію, соразмѣрно количеству требуемыхъ экземпляровъ, **для духовенства, учителей и учащихся**—2 р. 50 к. Подписка принимается въ редакціи „Живой Старины" (Спб., у Чернышева моста).

Редакція.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.